VUS HAAR

Космология Великой Тартарии

VUS HAAR
Космология Великой Тартарии

https://litres.ru/74645752
SelfPub; 2026

Аннотация

Великая Тартария — империя от Северного Ледовитого океана до Гималаев и от Урала до Тихого океана. Она объединяла десятки народов, имела армию, флот, герб с чёрной совой и флаг с драконом. Флаг с драконом и герб с чёрной совой символизировали власть над небом и землёй. Армия насчитывала сотни тысяч воинов, флот бороздил моря от Балтики до Японии. В её состав входили Тартарии Московская, Китайская, Западная, Северная, Независимая. Империя существовала с XIII по XVIII век, её столицей был Асгард Ирийский, затем Ханбалык. Книга сначала описывает границы, состав, время зарождения и угасания империи, её народы и воинов, а затем — космологию: как тартары представляли рождение мира, движение Луны и планет, затмения, фазы светил, сотворение человека и гибель Вселенной. Улугбек и Насир ад-Дин ат-Туси, обсерватории Самарканда и Мараги, календари и астрология, шаманизм и ламы, письменные хроники. Тайны, которые ещё предстоит раскрыть. Это уникальное исследование, глубокие размышления.

Содержание

Пролог. Тень, отброшенная на карту мира 6
Глава 1. Ареал расселения древних народов: пространство, названное Тартарией 17
Глава 2. Степи, горы и реки как первые ориентиры этногенеза 31
Глава 3. Скифы, саки и массагеты: рождение кочевой ойкумены 43
Глава 4. Хунну и их западный исход: начало великого переселения 55
Глава 5. Тюркский каганат: первая империя неба и земли 65
Глава 6. Монгольский вихрь: Чингисхан и сотворение Великой Тартарии 74
Глава 7. Держава Чингизидов: структура власти и пространство кочевой цивилизации 82
Глава 8. Джунгарское ханство как последний осколок кочевой империи 93
Глава 9. Народы Великой Тартарии: монголы, буряты, калмыки, татары 98
Глава 10. Этногенез сибирских татар: между Булгаром и Ордой 108
Глава 11. Как европейцы увидели Тартарию: Плано Карпини и первые описания 116

Глава 12. Марко Поло и его рассказ о северных пределах мира 125
Глава 13. Картографический миф: от Ортелия до Витсена 132
Глава 14. Тартария как terra incognita: страна за Геркулесовыми столбами Востока 140
Глава 15. Столица Асгард Ирийский: легенды и географические притязания 149
Глава 16. Космогония кочевников: небо как верховное божество 157
Глава 17. Тенгри и Умай: небесный отец и земная мать 165
Глава 18. Культ Вечного Неба: как степь представляла себе мироздание 175
Глава 19. Эрлик и подземный мир: тёмная половина космоса 181
Глава 20. Боги Великой Тартарии: от Натагая до Аар-Тойона 193
Глава 21. Натагай, бог земли: домашние идолы и их кормление 205
Глава 22. Пантеон якутских божеств: Аар-Тойон и Кюбэй-Хатун 212
Глава 23. Тэнгэри и три невидимых бога: Ар-тэнгри, Шуго-тэнгри, Тангара 221
Глава 24. Шаманизм как практическая космология: бубен, дерево и птица 230

Глава 25. Молитвы, обращённые к небу: ритуалы кочевых народов 238
Глава 26. Лама как живое божество: тибетский след в тартарской духовности 249
Глава 27. Первые письменные источники: «История монголов» Плано Карпини 261
Глава 28. «Сокровенное сказание монголов»: космология в эпическом тексте 271
Глава 29. «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина: мир по-татарски 278
Глава 30. «Северная и Восточная Тартария» Николааса Витсена: энциклопедия невидимой земли 284
Глава 31. «История монголов» Иоанна де Плано Карпини: Европа читает Восток 291
Глава 32. Жуан Рибейру и Мартино Мартини: португальское и итальянское свидетельства 301
Конец ознакомительного фрагмента. 309

VUS HAAR
Космология Великой Тартарии

Пролог. Тень, отброшенная на карту мира

Есть книги, которые начинаются с признания в любви. Есть книги, которые начинаются с признания в незнании. Эта книга начинается с карты. Точнее — с той минуты, когда впервые берёшь в руки старый атлас, изданный в Амстердаме или Париже триста с лишним лет назад, раскрываешь его на середине и видишь на развороте название, от которого перехватывает дыхание. Великая Тартария. Не Монголия, не Сибирь, не Центральная Азия, не Тартария в кавычках, как насмешливое обозначение пустого пространства на краю ойкумены, а именно Великая Тартария, набранная крупным шрифтом, с завитушками вензелей по краям картуша, с фигурками всадников, нарисованными возле названий орд.

Атлас пахнет иначе, чем современная книга. Он пахнет воском, тлеющим фитилём, чернилами из дубовых орешков и той особенной пылью, что оседает на пергаменте за сто-

летия, проведённые в монастырской библиотеке или в шкафу старинного особняка. Под пальцами чувствуется шероховатость телячьей кожи, натянутой на деревянную раму. И где-то в верхнем правом углу, там, где Азия уходит за край известного мира, обязательно обнаружится надпись, из-за которой непосвящённый читатель застывает на месте. Тартария. Слово, которое сегодня почти никто не произносит вслух, но которое ещё каких-то двести пятьдесят лет назад обозначало на европейских картах пространство от Волги до Тихого океана и от Ледовитого океана до Гималаев.

Что стоит за этим словом? Огромная держава, о которой написаны тысячи страниц на латыни, французском, голландском, итальянском, немецком и английском, но которая почти исчезла из современных учебников. Империя, объединявшая десятки народов, имевшая своих ханов и своих военачальников, свои армии и свой флот, свой герб и свой флаг, свою дипломатию и свою торговлю. Не миф, не выдумка кабинетных географов, не случайная ошибка картографов, а реальность, зафиксированная в сотнях документов, часть которых до сих пор ждёт своего исследователя в архивах Ватикана, Лейдена, Парижа и Санкт-Петербурга.

Пьер Дюваль д'Абвиль, королевский географ французского двора, в 1676 году издал «Всеобщую географию» — труд, в котором рядом с описанием каждой страны помещался её герб. Перед разделом о Тартарии Дюваль поместил изображение, которое до сих пор вызывает споры среди историков

геральдики. На золотом поле — чёрная сова. Не орёл, не лев, не дракон, каких можно было бы ожидать от воинственной кочевой державы, а сова. Ночная птица, символ мудрости и скрытого знания, существо, которое видит в темноте то, что недоступно дневному зрению. Над гербом — надпись «Империя Тартария», под ним — пояснение, которое в переводе с французского звучит как «От золотого до песочного филина». Герб Малой Тартарии, то есть Крымского ханства, выглядел иначе: три чёрных грифона на золоте, стоящие на задних лапах, с поднятыми крыльями, — существа, соединяющие в себе черты льва и орла, стража сокровищ и вестника небес.

Флаг тартарского правителя описывался в морских атласах восемнадцатого века совсем по-другому. Жёлтое полотно, а на нём — чёрный дракон, лежащий и смотрящий к внешнему краю, с хвостом василиска. Этот дракон напоминал одновременно китайского лун-вана, повелителя вод и дождя, и татарского зиланта, крылатого змея, изображение которого до сих пор украшает герб Казани. Два флага — один с совой, другой с драконом — сосуществовали в европейских справочниках на протяжении почти двух столетий. Никто не мог с уверенностью сказать, какой из них настоящий, а какой выдуман гравёром, которому заказали нарисовать флаг загадочной страны на краю света.

Символика эта не была случайной. Сова в степной традиции — птица, связанная с ночным небом, с миром духов

и предков. Чингисхан, по свидетельству некоторых авторов семнадцатого века, взял чёрную сову на свой щит как знак того, что его власть простирается не только над дневной, видимой землёй, но и над ночным, невидимым миром. Дракон на императорском флаге говорил о власти над водами, над дождями, от которых зависела жизнь кочевых пастбищ. Вместе эти два образа создавали картину империи, которая не просто занимала пространство на карте, но претендовала на господство над всеми стихиями — землёй, водой, небом и подземным миром.

Границы этой империи очерчивались европейскими картографами с той степенью точности, какую позволяли скудные сведения. На западе Тартария доходила до Уральских гор, местами захватывая Нижнюю Волгу и подступая к Крыму. На востоке её рубежи терялись за Байкалом, упираясь в Тихий океан и пролив, который голландские мореходы называли Анианским. Северная граница обозначалась ледяным морем, за которым не было ничего, кроме вечных льдов. Южная — Гималаями, Персией, Индией, землями, где кончались степи и начинались иные миры. Внутри этого огромного пространства европейские географы различали несколько Тартарий. Московская Тартария занимала земли к северу и западу от Волги. Китайская Тартария включала Синьцзян, Монголию и Маньчжурию. Независимая, или Великая Тартария, располагалась между Персией, Индией, Китаем и Сибирью — сердце империи, её ядро, откуда пришли

сами названия «тартары» и «Тартария». Была ещё Пустынная Тартария, раскинувшаяся между Волгой, Яксартом и горами Имаус, земля, разделённая на бесчисленные орды — Заволжскую, Казанскую, Ногайскую, Тюменскую, Шейбанскую, Казацкую, Астраханскую, Башкирскую.

Орды эти не были просто административными единицами. Каждая из них представляла собой военную, торговую и культурную общность, связанную с остальными сложной системой родства, договоров и военных союзов. Европейские авторы, описывавшие тартар, удивлялись их образу жизни не меньше, чем их военной мощи. «Тартары всегда верхом, — писал один из них, — они не пользуются повозками на войне, у них множество сильных лошадей, у них нет никаких городов, на защиту которых они использовали бы свои войска». Жён они прячут, но при этом, как отмечал тот же автор, «им разрешается иметь несколько жён», и чем больше жён, тем больше у него уважения и почёта, ибо число жён служит признаком его могущества и знатности.

Эти строки, принадлежащие перу анонимного европейского наблюдателя семнадцатого столетия, как нельзя лучше передают парадоксальное впечатление, которое Тартария производила на человека Запада. Империя, лишённая, казалось бы, всего того, что составляло привычный облик европейского государства — каменных городов, писаных законов, наследственной аристократии в западном смысле слова, — представала одновременно и пугающей, и притягатель-

ной. У неё не было Версаля и Лувра, но её правители восседали на низких тронах, вооружённые восточным щитом и кривым мечом, и на миниатюрах европейских мастеров рядом с их фигурами рисовали полумесяц на красном фоне — знак, который на всех остальных флагах соседствовал с жёлтым полем.

Полумесяц этот, впрочем, не должен вводить в заблуждение. Тартары не были единым народом, исповедующим одну веру. Рукописи, хранящиеся в Ватиканской библиотеке, свидетельствуют о конфессиональном смешении, которое для европейского ума казалось почти непостижимым. Составитель одной из таких рукописей, описывая Тартарию, счёл необходимым отметить, что «большинство являются мусульманами», но при этом среди них «много идолопоклонников и некоторые христиане», и все они — «происходят от двенадцати колен» и потому «соблюдают обрезание». Эта формула, при всей её внешней противоречивости, отражала реальную сложность тартарского мира, где ислам соседствовал с шаманизмом, буддизмом и несторианством, а родословные возводились к библейским патриархам и степным первопредкам одновременно.

Внутри этой империи европейские географы различали несколько частей, границы между которыми проводились не столько по рекам и горным хребтам, сколько по ордам и ставкам ханов. Московская Тартария, со столицей в Тобольске, занимала земли к северу и западу от Урала, включая в себя

Западную Сибирь и Приуралье. Китайская Тартария простиралась от области Халка до реки Амур, а её центр помещали в Урге, или Поле, — ставке, которую европейские картографы рисовали в виде шатров, раскинутых посреди бескрайней степи. Независимая Тартария, от Арала до Гоби, включала в себя калмыков, казачью орду по берегам Сырдарьи, Тюменских татар, а на юге достигала земель, где кочевали народы, названия которых европейцы передавали с трудом — каракалпаки, гиляки, татартупы на Северном Кавказе. Северная Тартария, со столицей в Грустине, уходила к Ледовитому океану, а её пределы терялись в землях, которые античные авторы называли «Тёмной Провинцией».

Это разделение было не просто картографической условностью. Оно отражало реальную политическую структуру, в которой каждая из Тартарий обладала собственной правящей династией, собственной армией и собственными дипломатическими интересами. Великий хан, или император Тартарии, владел, как писал один из европейских авторов, «многими царствами и провинциями, содержащими великое множество хороших городов», а его держава простиралась на пять тысяч четыреста миль с востока на запад и на три тысячи шестьсот миль с севера на юг. Цифры эти, разумеется, приблизительны, но они дают представление о масштабе, который поражал воображение современников.

Армия этой империи была предметом особого внимания европейских наблюдателей. Тартары, как единодушно отме-

чали все, кто писал о них, «не имеют обычая сражаться пешими». Их военная мощь зиждилась на коннице, а конница — на выносливости, привычке к верховой езде и той подвижности, которая позволяла ордам появляться там, где их меньше всего ожидали. Правитель Тартарии содержал гвардию из двенадцати тысяч всадников — число, которое в европейских источниках повторяется с завидным постоянством, что говорит о его достоверности или, по крайней мере, о том, что эта цифра вошла в устойчивую традицию описания. Когда один из великих тартарских вождей отправлялся в экспедицию, он ставил себя во главе армии на сто тысяч лошадей, а организация войска строилась по десятичной системе: отряд из ста человек назывался «тук», а десять таких отрядов составляли «томан».

Флот Тартарии — сюжет, который европейские авторы затрагивали реже, но который заслуживает отдельного внимания. Если у империи были морские флаги, если её корабли ходили по Каспию, Чёрному морю и даже, по некоторым свидетельствам, достигали берегов Северной Америки, то флот существовал. Крымское ханство, один из осколков тартарского мира, содержало военные корабли и морские экипажи, а его порты на Чёрном море служили базой для торговых и военных экспедиций. Жёлтое полотно с чёрным драконом, которое морские атласы приписывали «флагу царя Татарии», развевалось над палубами галер и шебек, шедших от Кафы до Синопа и от Азова до Стамбула. Дракон с васи-

лисковым хвостом, лежащий и смотрящий к внешнему краю полотнища, был не просто геральдическим украшением — это был знак того, что корабль идёт под защитой высших сил, что его путь освящён небом и водой.

Территория, на которой эта власть осуществлялась, была столь огромна, что европейские географы нередко отказывались верить в её реальность. «Великая Тартария охватывает ту часть нашего материка, которая на востоке ограничена Восточным океаном, на севере — Ледовитым морем, на западе — Россией, Каспийским морем и частью Персии, а на юге — той же частью Персии, империей Великих Моголов, королевствами Аракан и Ава, Китаем и Кореей.». Это описание, принадлежащее автору восемнадцатого века, охватывает пространство от Тихого океана до Каспия и от Ледовитого океана до Гималаев. Внутри этого пространства располагались десятки народов, говоривших на разных языках, исповедовавших разные религии и живших разными укладами. Монголы и буряты, калмыки и татары, якуты и тунгусы, узбеки и казахи — все они входили в орбиту тартарского мира, хотя далеко не все признавали власть одного хана.

Империя эта не была вечной. Её расцвет пришёлся на тринадцатое и четырнадцатое столетия, когда Чингизиды контролировали пространство от Дуная до Жёлтого моря. Затем начался медленный, но неотвратимый распад: улусы отделялись один за другим, династии дробились, а на севере поднималась новая сила — Московское царство, которое посте-

пенно оттесняло тартарских ханов к югу и востоку. К восемнадцатому веку от Великой Тартарии остались лишь воспоминания, карты и несколько ханств, доживавших свой век на окраинах ойкумены. Джунгарское ханство, последний осколок кочевой империи, было уничтожено китайцами в 1750-х годах, и с его падением тартарский мир окончательно ушёл в прошлое.

Но европейские картографы продолжали рисовать Великую Тартарию ещё долго после того, как её политическое единство стало фикцией. На картах восемнадцатого века она по-прежнему занимала половину Азиатского континента, и её границы обозначались так же уверенно, как границы Франции или Испании. Это была инерция традиции, но не только. Тартария оставалась в европейском сознании символом чего-то большего, чем просто географическая область. Она была напоминанием о том, что мир не ограничивается Западом, что за Уралом и Каспием лежат пространства, где действуют иные законы, где власть строится не на наследственных титулах и не на писаных кодексах, а на личной доблести, верности роду и умении повелевать стихиями.

Именно эта империя — с её ханами и ордами, с её совой и драконом, с её армиями и флотом, с её границами, менявшимися от века к веку, — станет предметом первой части этой книги. Прежде чем говорить о том, как тартары видели небо и звёзды, как они представляли себе рождение и гибель Вселенной, необходимо понять, кем они были и что они со-

бой представляли. Империя, раскинувшаяся от Ледовитого океана до Гималаев, не могла не иметь космологии, достойной её масштаба. Но чтобы эта космология стала понятной, нужно сначала увидеть саму империю — её пространство, её время, её людей и её символы.

Глава 1. Ареал расселения древних народов: пространство, названное Тартарией

Есть слова, которые живут дольше народов и переживают империи. Слово «Тартария» — из их числа. Оно не было самоназванием ни для одного из племён, обитавших в северных пределах Евразии. Так их называли чужие — греки, римляне, а позже арабы и европейцы. Древнегреческие писатели именовали все северные народы в общем скифами и кельто-скифами. Но те, кто жил ещё раньше, делили эти пространства иначе: тех, кто обитал выше Чёрного моря и Адриатики, называли гипербореями, сарматами и аримаспами, а тех, кто находился по ту сторону Каспийского моря, — сасерами и массагетами. Известные народы к северу были названы только скифами или номадами, и лишь впоследствии, когда западные части стали известны, их стали называть кельтами и иберами, или кельт-иберами и кельто-скифами.

Это смешение имён не было ошибкой или невежеством. Оно отражало реальную текучесть этнических границ в степях, где племена передвигались, смешивались, распадались и возникали вновь под новыми названиями. Скифы, сарматы, аланы, готы, гунны имели общие корни происхождения и

часто меняли свои названия. Разобраться в этом калейдоскопе столетия спустя пытались уже другие люди — арабские географы, персидские хронисты, европейские картографы. И все они, каждый по-своему, помещали на карты пространство, которое в конце концов получило имя Тартарии.

В пятом веке до Рождества Христова было записано описание Скифии, которое до сих пор остаётся одним из самых подробных и одновременно самых загадочных. Побывав в Ольвии, греческом городе на северном берегу Чёрного моря, путешественник записал там две легенды о происхождении скифов и их царей. Одну ему сообщили сами скифы, другую — эллины, жившие на Понте. Согласно первому мифу, скифы считали себя самым молодым из всех народов. На их земле, которая до того была безлюдной пустыней, за тысячу лет до похода Дария в Скифию появился первый человек по имени Таргитай, родителями которого были Зевс и нимфа — дочь реки Борисфея, то есть Днепра. У Таргитая родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший — Колаксай. К ним с неба упали золотые предметы в виде плуга, ярма, секиры и чаши. Когда к золоту пытались подойти старшие братья, оно вспыхивало огнём; овладеть священными дарами удалось только Колаксаю. Старшие братья, понявшие значение этого чуда, передали всё царство младшему. Колаксай разделил землю на три царства, в самом большом из которых хранилось и почиталось небесное золото, в честь которого совершались ежегодные празднества. От старшего

брата Липоксая пошли скифы, род которых назывался алкатами, от Арпоксая — те, которые назывались катиарами и трасплями, а от Колаксая — паралаты. Общее название всех этих родов было сколоты, а скифами их называли эллины.

Вторая легенда возводила предков скифов к эллинскому герою Гераклу и полудеве-полуехидне, которая жила в пещере в лесной местности Гилее, в низовье Днепра. От их брака родились три брата: Агафирс, Гелон и Скиф. По завету Геракла царём этой страны должен был стать тот из сыновей, который сумеет по-отцовски натянуть лук и затянуться его поясом с подвешенной к нему золотой чашей. Это сумел проделать Скиф, которому мать и передала всё царство, а старшие братья были изгнаны из родной страны. От этого Гераклова сына Скифа и произошли, как считалось, все время правящие скифские цари, а от чаши Геракла — существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах.

Обе легенды важны не столько как исторические свидетельства, сколько как ключи к пониманию того, как сами скифы и окружавшие их народы представляли себе пространство, в котором жили. Таргитай — первый человек, рождённый от союза неба и воды, реки. Золотые дары, падающие с неба, — плуг, ярмо, секира и чаша — это не просто сокровища, а символы власти над землёй, скотом, войной и жертвоприношением. Тот, кто владеет ими, владеет всем миром. Разделение земли на три царства, из которых одно хранит небесное золото, — это космологическая модель, в

которой центр мира совпадает с местом хранения святыни. Скифия, какой её видели древние, была не просто территорией, а упорядоченным пространством, имеющим сакральный центр и периферию.

Границы этого пространства очерчивались с той степенью точности, какую позволяли имевшиеся сведения. Скифия ограничена с юга и востока морем, а с севера и запада — землями других народов. Тавры живут в части Скифии, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами. За Доном, который греки называли Танаисом, начинаются земли, населённые иными племенами. До сих пор среди исследователей нет единого мнения о том, насколько это описание соответствовало реальной этнической карте. Одни считают, что территория Скифии была ограничена только степной полосой Причерноморья, заселённой не только кочевниками, но и земледельческими ираноязычными оседлыми племенами. С их точки зрения, в Скифию не входили Прикубанье и Украинская Лесостепь, а на территории последней размещались соседи Скифии — невры, андрофаги и меланхлены. Другие полагают, что границы были шире и что описывалась не только собственно скифская территория, но и земли, находившиеся в орбите скифского влияния.

Спустя несколько столетий картина изменилась. На рубеже эр знали о трёх Херсонесах и помещали сарматов в Азиатской Сарматии между Азовским и Каспийским морями.

Языги, урги, царские сарматы и бастарны локализовались в междуречье Дуная и Днепра, а между Днепром и Доном — роксоланы. Упоминались также лежащие к северу от Кавказа равнины сарматов. Скифы в ту пору всё ещё играли главную роль на этой территории, но рядом с ними уже отчётливо проступали сарматы — народ, которому предстояло занять их место.

Во втором веке по Рождеству Христову был зафиксирован момент, когда картина коренным образом переменилась. Ведущую роль стали играть сарматы. Появились упоминания о двух Сарматиях — Европейской и Азиатской. Таким образом, впервые была чётко очерчена граница между двумя континентами — Европой и Азией. Почти сто лет спустя картина кардинально изменилась: скифов и в Крыму, и на сопредельных территориях сменили сарматы, а вместо Скифии на политической карте мира в этой местности появилось новое название — Сарматия.

Обитаемая часть земли мыслилась как ограниченная на востоке Неизвестной Землёй, которая лежит вдоль области, занятой восточнейшими народами Великой Азии — синами и серами, то есть китайцами и народами, через земли которых шёлк попадал на Запад; на юге — Неизвестной Землёй, которая замыкает Индийское море; на западе — Эфиопским заливом Ливии и Западным океаном; на севере — продолжением того же океана, который окружает Британские острова и севернейшие части Европы и который носит названия Ду-

экаледонского и Сарматского, а также Неизвестной Землёй, которая тянется вдоль севернейших частей Великой Азии, а именно Сарматии, Скифии и Серики. Гиранское море, называемое также Каспийским, со всех сторон замкнуто землёй, так что представляет собой прямую противоположность острову, окружённому водой.

Это описание — не просто география. Это космология в зачаточном состоянии. Мир мыслился как замкнутое пространство, окружённое океаном и Неизвестной Землёй. Северные пределы обитаемого мира — Сарматия, Скифия, Серика — не имеют чётких границ, они растворяются в неизвестности. Именно эта неизвестность и станет впоследствии тем пространством, которое европейцы назовут Тартарией.

Арабо-персидская географическая традиция добавила к античным описаниям свои собственные наблюдения. В двенадцатом веке Каспийское море называли Бахар Хозар, то есть море Хазар, и всю область к северу и западу от Каспия — землями Хозара. Сообщалось, что местопребывание князя Хозара находилось немного выше устья Волги, которую тартары называют Ател. Считают, что это название происходит от Атилы, главного короля хуннов. Описывались хазарские города, главным из которых был Ател — Астрахань. Этот город был разделён рекой, и основная, самая большая его часть находилась на западном берегу. Здесь было место большой торговли, но что придавало этому месту наибольшее значение — это свобода для всех верований, ибо там

находились вместе, равными, и евреи, и христиане, и магометане, и идолопоклонники. Считают, что это было результатом договорённости между еврейским раввином и королём Хозара. Город, говорят, распространялся вдоль берега реки на три итальянских мили и столько же в ширину. Западная часть была укреплена и украшена императорскими дворцами и другими великолепными зданиями. В конце тринадцатого века этот город назывался Баланьяр в географических таблицах, и его помещали на сорок шестом градусе и тридцати минутах северной широты. Позже это место называли Старая Астракань. Так античная география Скифии и Сарматии постепенно превращалась в средневековую географию Хазарии, а затем — в географию Тартарии.

Но что представляло собой это пространство не на карте, а на земле? Что видел человек, который переправлялся через Волгу или Дон и оказывался в степях к востоку от них? Первое, что поражало, — это отсутствие городов. Тартары не имеют обычая сражаться пешими, они всегда верхом, у них множество сильных лошадей, и у них нет никаких городов, на защиту которых они использовали бы свои войска. Жён они прячут, но при этом им разрешается иметь несколько жён, и чем больше жён, тем больше у него уважения и почёта, ибо число жён служит признаком его могущества и знатности.

Это описание, повторяющееся в десятках текстов с небольшими вариациями, отражало реальную особенность

кочевого мира: пространство здесь измерялось не расстояниями между городами, а расстояниями между пастбищами. Река, гора, урочище — вот что служило ориентирами. Волга, которую тартары называли Ател или Итиль, была не просто рекой, а осью мира. Дон, Танаис, разделял Европу и Азию. Яик, Яксарт, Сырдарья — все эти реки были не только путями сообщения, но и границами, которые пересекали орды, уходя на новые кочевья.

К востоку от Волги начинались земли, которые античные авторы помещали за Танаисом. Древние народы лесостепного Подонья упоминались ещё в ранних хрониках. Археологические культуры скифоидного облика находились на территории Южной Сибири, и этнонимы создателей этих культур остаются неизвестными. Сармато-гуннская эпоха, следующий после скифского период раннего железного века в степях Евразии, датируется примерно третьим веком до Рождества Христова. Продолжительная борьба сакских, то есть скифских, племён с гуннами, которые одновременно вели войны с древними китайскими империями, — это тот исторический фон, на котором формировались этнические общности, позже получившие имя тартар. Часть скифов в составе крупного племенного объединения просаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая.

Именно на этих восточных рубежах и начинает складываться то пространство, которое европейцы впоследствии

назовут Великой Тартарией. Гунны, которые постоянно вторгались в Северный Китай и побуждали древних китайцев создавать Великую стену, были лишь одной из волн кочевых народов, катившихся через степи. За ними пришли тюрки, создавшие первый каганат, объединивший земли от Маньчжурии до Чёрного моря. Затем — монголы, которые под предводительством Чингисхана создали империю, раскинувшуюся от Тихого океана до Дуная.

В старину в этой стране было четыре народа: один из них назывался йека-монгал, то есть великие монгалы; второй — су-монгал, то есть водные монгалы; сами же они именовали себя тартарами по названию некоей реки. Тартары поклоняются Солнцу, свету и огню, а также воде и земле, принося им первые плоды своей еды и питья, и они не принуждают никого менять религию.

В начале четырнадцатого века было составлено историческое сочинение на персидском языке, в котором предлагалась своя этнологическая схема предмонгольской Центральной Азии. Тюркские племена разделялись на группы, и сообщалось, что все они назывались татарами, а по мнению составителя, это были тюркские племена, получившие имя монголов. Этот труд стал одним из важнейших источников сведений о народах, населявших пространство от Волги до Китая.

К этому времени Тартария уже перестала быть просто географическим обозначением. Она стала империей — или,

точнее, совокупностью империй, улусов, орд и ханств, связанных сложной системой родства, договоров и военных союзов. Внутри этого пространства европейские географы различали несколько Тартарий. Московская Тартария занимала земли к северу и западу от Волги. Китайская Тартария включала Синьцзян, Монголию и Маньчжурию. Независимая, или Великая Тартария, располагалась между Персией, Индией, Китаем и Сибирью — сердце империи, её ядро. Была ещё Пустынная Тартария, раскинувшаяся между Волгой, Яксартом и горами Имаус, земля, разделённая на бесчисленные орды — Заволжскую, Казанскую, Ногайскую, Тюменскую, Шейбанскую, Казацкую, Астраханскую, Башкирскую.

Орды эти не были просто административными единицами. Каждая из них представляла собой военную, торговую и культурную общность. Из народов, наиболее интересных для европейского читателя, на карты попадали «Нагайские тартары», «народ Черемисса», «народ Мордва», «Чиркасские народы», «чиркасы Пятигорские». Разноязычное население этих земель — тюрки, китайцы, персы, арабы, мидийцы, кавказцы, славяне, булгары, финно-угры — именовалось тартарами. Само слово, как предполагают некоторые исследователи, происходит от древнегреческого обозначения «выходцев из ада» — тартар, обитателей глубочайшей бездны, места, откуда не возвращаются.

Но если отбросить этимологические спекуляции, остаётся реальность: пространство, которое античные авторы на-

зывали Скифией и Сарматией, а средневековые — Тартарией, было не просто совокупностью земель. Это был мир, в котором человек и небо находились в постоянном диалоге. Небо определяло время кочевий, небо указывало путь, небо посылало дожди и засухи, небо решало исход битв. Тот, кто владел этим пространством, должен был уметь читать небесные знаки. И именно поэтому космология тартар — их представления о звёздах, планетах, затмениях и движении светил — не была отвлечённой философией. Она была практическим знанием, от которого зависела жизнь.

Сарматия и Скифия как части Неизвестной Земли, тянущейся вдоль севернейших пределов Великой Азии, возможно, сами того не ведая, создавали основу для будущей тартарской космологии. Эти земли помещались на границе обитаемого мира, там, где кончается известное и начинается неизвестное. Но именно на этой границе, в пространстве между знанием и незнанием, и рождаются самые устойчивые образы. Сова на золотом поле, дракон на жёлтом полотнище, всадник, скачущий по бескрайней степи, — все эти символы вырастали из одного корня: из ощущения огромного, не до конца познанного пространства, которое простирается к северу и востоку от Чёрного и Каспийского морей.

Легенды, записанные в Ольвии, не могли знать, что через две с лишним тысячи лет их будут читать в Париже и Амстердаме, что картографы будут спорить о границах Тартарии, а астрономы в Самарканде будут составлять звёздные

каталоги, которые превзойдут по точности всё, что знала Европа. Но они сделали главное: они зафиксировали момент, когда пространство северных степей впервые получило имя и было вписано в мировую историю. Скифия, Сарматия, Хазария, Тартария — все это звенья одной цепи. Пространство, которое они описывали, меняло названия, но не меняло своей сути: это была земля, где небо было ближе, чем где-либо ещё, и где человек, чтобы выжить, должен был научиться понимать его язык.

Самые ранние сведения о народах, населявших эти земли, приходят из глубины веков. Индоевропейцы Центральной и Восточной Европы во втором тысячелетии до Рождества Христова говорили на одном языке и представляли в течение ряда веков одно целое, резко отличаясь от тех, кто осел в Индии или Средней Азии. Постепенно это единство распадалось, и из него выделялись группы, одной из которых предстояло стать иранской, а другой — тюркской. Скифы и сарматы принадлежали к иранской ветви. Гунны и их потомки — к тюркской. Но и те, и другие жили в одном пространстве, дышали одним воздухом, видели одно небо и, в конце концов, создали схожие представления о мире, который их окружал.

К востоку от собственно скифской культуры располагалась зона савроматской археологической культуры. Савроматы — ираноязычный народ, размещавшийся, согласно древним авторам, в Предкавказье. Уникальная характери-

стика в отношении савроматов, встречающаяся в античной литературе, говорит об их жестокости и каннибалических наклонностях — отзвук расхожего мнения, которое, возможно, не имело под собой реальной почвы, но которое показывает, насколько чуждыми и пугающими казались эти народы грекам и римлянам. Страх перед северными варварами — один из устойчивых мотивов античной географии. Но за этим страхом скрывалось и признание их силы. Свидетельства древнегреческих учёных и данные археологии позволяют утверждать, что в третьем и первом веках до Рождества Христова скифы и сарматы не проживали на всей территории Крыма и Украины, которую им иногда приписывают. Их расселение было более сложным, более подвижным, более соответствующим ритмам кочевой жизни, чем это может показаться при взгляде на статичную карту.

Великое переселение народов, начавшееся в четвёртом веке, смело остатки прежних этнических границ. Часть славянских и сарматских племён была подвластна готам. В 370-е годы объединённые хунну и разноязычные кочевники двинулись на запад, положив начало цепной реакции, которая в конечном счёте привела к падению Западной Римской империи. Именно в этот период пространство, которое античные авторы называли Скифией и Сарматией, окончательно превратилось в то, что средневековые европейцы назовут Тартарией. Название пришло с востока вместе с новыми волнами кочевников, но само пространство осталось тем же. Оно

лишь сменило имя — как река, меняющая русло, но остающаяся той же рекой.

И когда европейские картографы шестнадцатого и семнадцатого веков рисовали Великую Тартарию, простирающуюся от Волги до Тихого океана и от Ледовитого океана до Гималаев, они опирались не только на донесения путешественников и миссионеров. Они опирались на две тысячи лет географической традиции, начало которой положил рассказ о золотых дарах, упавших с неба, и о трёх братьях, разделивших землю. Эта традиция пережила падение Рима, арабские завоевания, монгольское нашествие и создание морских империй. Она оказалась прочнее многих государств, потому что была не просто описанием земли, а описанием того, как земля соотносится с небом. А это соотношение, как выяснилось, не меняется от смены династий и передела границ.

Глава 2. Степи, горы и реки как первые ориентиры этногенеза

Пространство, которое античные авторы называли Скифией, а средневековые европейцы — Тартарией, не было однородным. Оно не походило на застывшую географическую карту, где границы проведены раз и навсегда. Это был живой организм, менявшийся от века к веку, от сезона к сезону, от одного движения кочевых орд к другому. И первое, что определяло жизнь в этом пространстве, — это степь. Бескрайняя, волнистая, поросшая ковылём и типчаком, она уходила во все стороны, насколько хватало глаз, и человек, впервые попавший в неё, терял привычные ориентиры. Здесь не было городов, не было дорог, не было заборов и межевых камней. Были только трава, небо и ветер. И ещё — реки, разрезавшие степь на огромные ломти, как нож разрезает каравай хлеба.

Степь формировала особый тип человека. Кочевник не привязывался к одному месту, потому что само место не позволяло привязываться. Пастбища выгорали, стада требовали новых трав, и орда снималась с места, складывала юрты на повозки и уходила туда, где ещё не ступали копыта её лошадей. Этот ритм — движение, остановка, снова движение — определял всё: устройство жилища, способ ведения войны, представления о времени и пространстве, даже отношения

между людьми. Тот, кто не мог двигаться, был обречён. Тот, кто двигался слишком медленно, становился добычей соседей. Тот, кто двигался слишком быстро, терял связь с сородичами и растворялся в чужом мире.

Но степь не была единственным ландшафтом, формировавшим этногенез народов Тартарии. К северу от неё начинались лесостепи, а ещё дальше — густые леса, где жили совсем другие племена. К югу и востоку поднимались горы — Кавказ, Тянь-Шань, Алтай, Саяны, Хинган. Эти горные хребты не просто разделяли пространство. Они были источниками воды, без которой степь превратилась бы в пустыню. Реки, стекавшие с горных вершин, текли через степи, давая жизнь травам, животным и людям. Волга, Дон, Урал, Обь, Енисей, Лена, Амударья, Сырдарья — все эти водные артерии рождались в горах и несли свои воды через пространства, населённые кочевниками. Тот, кто контролировал верховья рек, контролировал жизнь в степях. Тот, кто контролировал устья, контролировал торговлю. И борьба за реки была не менее ожесточённой, чем борьба за пастбища.

Горы были не только источником воды. Они были естественными границами, отделявшими один мир от другого. Кавказский хребет разделял степи Предкавказья и плодородные долины Закавказья. Тянь-Шань отделял степи Казахстана от оазисов Средней Азии. Алтай был воротами между Сибирью и Монголией. Саяны — границей между сибирскими лесами и монгольскими степями. Хинган — рубежом

между Маньчжурией и Монголией. Через эти горные проходы шли миграции, проникали торговые караваны, двигались армии. И каждый раз, когда очередная волна кочевников преодолевала горный перевал, она попадала в новый мир, где её ждали иные ландшафты, иные климатические условия, иные соседи.

Реки были не просто путями сообщения. Они были осями, вокруг которых складывались этнические общности. Волга, которую тартары называли Ател или Итиль, была главной рекой западной части Тартарии. Она начиналась на Валдайской возвышенности, текла на восток, затем поворачивала на юг и впадала в Каспийское море. По её берегам жили булгары, хазары, буртасы, черемисы, мордва. Она была границей между лесными и степными народами, между оседлыми земледельцами и кочевниками. Она была торговым путём, по которому шли меха, мёд, воск, ткани, металлы, рабы. И она была сакральной рекой, которой приносили жертвы, которую воспевали в песнях и легендах.

Дон, который греки называли Танаисом, разделял Европу и Азию. По его берегам жили сарматы, аланы, готы, хазары. Он впадал в Азовское море, которое соединялось с Чёрным морем, а через него — со Средиземным. По Дону шли греческие корабли, арабские купцы, скандинавские воины. Он был путём из варяг в греки, из Балтики в Византию, из северных лесов в южные степи.

Урал, который тартары называли Яиком, был границей

между Европой и Азией в их северной части. По его берегам жили башкиры, казахи, калмыки. Он начинался в Уральских горах и впадал в Каспийское море. Его воды были домом для осетровых рыб, а его берега — местом кочевий для бесчисленных стад.

Обь и Енисей текли с Алтая и Саян на север, в Северный Ледовитый океан. По их берегам жили тунгусы, якуты, буряты, остяки. Они были путями для сибирских народов, которые не знали лошадей, но знали оленей, собак и лодки. По Оби и Енисею шли меха, мамонтовая кость, рыба, птица. Эти реки были границами между лесами и тундрой, между миром оседлых рыболовов и миром кочевых оленеводов.

Лена, самая длинная река Северо-Восточной Азии, начиналась в Байкальских горах и текла на север, в море Лаптевых. По её берегам жили якуты, эвенки, эвены, юкагиры. Она была осью якутского мира, рекой, вокруг которой складывалась культура саха. Якуты называли её Улахан Юрэх — Великая Река. Они верили, что в её верховьях живут духи-хозяева, а в низовьях — духи холода. По Лене шли якутские лодки, гружённые рыбой, мехами, железом. И по Лене же пришли русские казаки в семнадцатом веке, чтобы поставить остроги и объясачить якутские роды.

Амударья и Сырдарья, которые греки называли Оксом и Яксартом, текли с Тянь-Шаня и Памира в Аральское море. По их берегам жили согдийцы, хорезмийцы, саки, массагеты, тюрки. Они были реками оазисов, вокруг которых складыва-

лись города, дворцы, библиотеки, обсерватории. Самарканд, Бухара, Хива, Мерв — все эти центры науки и культуры стояли на берегах Амударьи и Сырдарьи или в их оазисах. И именно здесь, в этих оазисах, расцвела та астрономия, которая позже стала частью тартарской космологии.

Степи, горы и реки формировали не только хозяйство и политику. Они формировали само представление о мире. Кочевник видел мир как бесконечное пространство, по которому движутся стада, люди, ветры и светила. Он не знал тесных границ, не знал стен, не знал замкнутых горизонтов. Его мир был открытым, текучим, подвижным. И это отражалось в его представлениях о небе. Небо для кочевника было не куполом, накрывающим землю, а продолжением степи — таким же бесконечным, таким же открытым, таким же полным движения. Звёзды были стадами, которые пасут небесные пастухи. Луна была всадником, скачущим по небесной степи. Солнце было ханом, который объезжает свои владения.

Горы в этой картине мира были не просто препятствиями. Они были местами, где земля соприкасается с небом. Вершины гор считались обиталищами богов, духами-хозяевами, предками. На горных перевалах кочевники оставляли жертвы — камни, ленты, еду, — чтобы задобрить духов и обеспечить себе безопасный проход. Горы были «axis mundi», осью мира, соединяющей землю и небо. И тот, кто жил в горах, обладал особой силой, особым знанием, особым зрением.

Не случайно шаманы многих сибирских народов считались выходцами из горных родов. Не случайно многие легенды о происхождении народов возводили их предков к горным вершинам.

Реки в этой картине мира были небесными дорогами, отражёнными на земле. Млечный Путь назывался Небесной Рекой, по которой текут души умерших. Земные реки считались продолжениями небесных. Волга была земным отражением небесной реки. Дон был земным отражением другой небесной реки. Амударья и Сырдарья были земными отражениями ещё двух. Истоки рек в горах считались местами, где небесная вода проникает в земной мир. Поэтому верховья рек были священными. Там нельзя было шуметь, нельзя было ругаться, нельзя было убивать животных без нужды. Там нужно было вести себя так, как подобает вести себя в присутствии богов.

Эта связь между земным и небесным не была метафорой. Она была практическим знанием. Кочевник, который перегонял стада с одного пастбища на другое, должен был знать, когда ждать дождя, когда ждать засухи, когда река выйдет из берегов, когда она обмелеет. Он должен был знать, где находятся броды, где — источники, где — зимние пастбища. И он должен был знать, как всё это связано с движением светил. Весеннее равновесение означало начало кочевий. Летнее Солнцестояние — время, когда трава достигает полной силы. Осеннее равновесение — время, когда стада возвра-

щаются с летних пастбищ. Зимнее Солнцестояние — время, когда жизнь замирает и ждёт нового Солнца. Этот календарь был не отвлечённой астрономией. Он был расписанием жизни, высеченным на скрижалях неба.

Народы, жившие в разных ландшафтах, создавали разные календари. Кочевники степей ориентировались на движение Солнца и Луны. Охотники лесов — на поведение животных и птиц. Рыболовы рек — на нерест рыбы и разливы рек. Земледельцы оазисов — на положение звёзд, определяющих время посева и жатвы. Но все эти календари были связаны с небом. Все они требовали наблюдения за светилами. Все они порождали астрономические знания, которые передавались от поколения к поколению, от рода к роду, от народа к народу.

Степи, горы и реки были не просто фоном для этногенеза. Они были его движущей силой. Они определяли, какие народы будут жить вместе, какие — враждовать, какие — смешиваться. Они определяли, какие языки будут звучать в этих пространствах, какие боги будут им покровительствовать, какие календари будут отсчитывать их время. Они определяли, какие знания будут накапливаться, какие наблюдения будут записываться, какие открытия будут совершаться.

Волга и Дон, Урал и Обь, Енисей и Лена, Амударья и Сырдарья — все эти реки были не просто водными путями. Они были нитями, на которые нанизывались этносы, как бусины на ожерелье. Они были границами и одновременно связя-

ми. Они разделяли и соединяли. Они были источником жизни и источником смерти. Они были земными отражениями небесных рек и небесными дорогами, проложенными по земле.

И когда европейские картографы шестнадцатого и семнадцатого веков рисовали Великую Тартарию, они наносили на карту эти реки с особой тщательностью. Они знали, что без рек Тартария — ничто. Они знали, что тот, кто контролирует реки, контролирует торговлю, а тот, кто контролирует торговлю, контролирует всё остальное. Они знали, что реки — это артерии империи, без которых она не может существовать. И они знали, что реки — это ключ к пониманию того, как народы Тартарии представляли себе мир.

Степь, гора, река — три стихии, три силы, три измерения тартарского мира. Степь давала движение. Гора давала высоту. Река давала жизнь. Вместе они создавали пространство, в котором человек не мог оставаться один. Он должен был объединяться с сородичами, чтобы перегонять стада. Он должен был договариваться с соседями, чтобы проходить через горные перевалы. Он должен был делиться с другими, чтобы пользоваться речными бродами. И из этих объединений, договоров и дележей рождались народы, племена, орды, империи.

Этногенез народов Тартарии был не просто биологическим процессом. Он был географическим процессом. Он был процессом адаптации к ландшафту. Он был процес-

сом приспособления к климату. Он был процессом освоения пространства. И в этом процессе человек не просто приспосабливался к среде. Он создавал среду. Он рыл колодцы, прокладывал дороги, строил мосты, возводил крепости. Он оставлял следы на земле, которые сохранялись на столетия, а иногда — на тысячелетия.

Курганы, разбросанные по степям Евразии, — это не просто могильники. Это метки на теле земли, которые показывают, где жили, где кочевали, где умирали народы Тартарии. Эти курганы несут в себе информацию о том, как эти народы хоронили своих вождей, какие предметы клали в могилы, какие жертвы приносили. Они несут в себе информацию о торговых путях, о военных походах, о миграциях. Они несут в себе информацию о космологии. Потому что в курганах находят изображения Солнца, Луны, звёзд. Находят фигурки животных, которые позже станут зодиакальными. Находят предметы, которые связаны с небесными культами.

Горные святилища — это тоже метки на теле земли. Наскальные изображения, выбитые на скалах Алтая, Тянь-Шаня, Кавказа, показывают, как древние люди представляли себе небо. Эти изображения — не просто рисунки. Это карты неба. Это схемы созвездий. Это календари, высеченные на камне. Это молитвы, обращённые к богам. Это заклинания, призванные обеспечить удачу в охоте, в войне, в кочевании.

Речные броды — это тоже метки на теле земли. Возле бродов возникали поселения. Возле поселений — рынки. Возле

рынков — города. Возле городов — государства. Так реки становились осями политической истории. Так Волга стала осью Хазарского каганата. Так Дон стал осью Сарматии. Так Амударья и Сырдарья стали осями Хорезма и Согдианы. Так Лена стала осью Якутии. Так Обь и Енисей стали осями Сибири.

Тартария не была создана одним народом. Она была создана многими народами, которые жили в разных ландшафтах и говорили на разных языках. Но все они были связаны общей географией. Все они жили в одном пространстве, которое диктовало им свои законы. И все они смотрели в одно небо, которое диктовало им свои знаки.

Арабский географ, писавший в двенадцатом веке, описывал Волгу как реку, которая течёт из земли славян в землю хазар, а затем впадает в море Хазар. Он описывал её как торговый путь, по которому идут меха, мёд, воск, рабы. Он описывал её как границу между мирами. Он описывал её как реку, которую нужно переходить с осторожностью, потому что на другом берегу живут другие люди, с другими обычаями, другими богами, другими законами.

Этот взгляд — взгляд человека, который видит в реке не просто воду, а порог между мирами. Река — это граница. Но река — это и переход. Река — это опасность. Но река — это и спасение. Река — это смерть. Но река — это и жизнь. В этом двойственном отношении к реке отражается двойственное отношение ко всему миру, который кочевник видит

вокруг себя. Мир прекрасен и ужасен одновременно. Мир даёт жизнь и отнимает её. Мир полон богов и демонов, духов и чудовищ. И река — это самый наглядный образ этого мира.

Гора — это другой образ. Гора — это высота. Гора — это близость к небу. Гора — это место, где земля касается неба. Гора — это место, где живут боги. Гора — это место, куда не доходит суета. Гора — это место молчания. Гора — это место откровения. На горе можно услышать голос неба. На горе можно увидеть то, что не видно в степи. На горе можно понять то, что не понятно внизу. Поэтому горы были местами паломничества. Поэтому горы были местами жертвоприношений. Поэтому горы были местами, где люди искали ответы на самые важные вопросы.

Степь — это третий образ. Степь — это бесконечность. Степь — это свобода. Степь — это движение. Степь — это отсутствие границ. Степь — это отсутствие ориентиров. Степь — это испытание. Степь — это одиночество. Степь — это встреча. В степи можно заблудиться. В степи можно найти себя. В степи можно потерять всё. В степи можно обрести всё. Степь — это жизнь кочевника, которая есть постоянное движение между жизнью и смертью, между голодом и сытостью, между миром и войной.

Три образа, три стихии, три измерения. Из них складывается мир Тартарии. Из них складывается космология тартар. Потому что космология — это не просто учение о звёздах. Космология — это учение о том, как устроен мир. А

мир тартар устроен степью, горой и рекой. Мир тартар устроен движением, высотой и глубиной. Мир тартар устроен так, что человек в нём не хозяин, а гость. Гость, который должен вести себя с уважением к хозяевам — к духам степи, к духам гор, к духам рек. Гость, который должен знать правила. Гость, который должен знать, когда можно войти, а когда нужно ждать. Гость, который должен знать, как поблагодарить за гостеприимство и как уйти, не оставив после себя зла.

Эта гостевая этика пронизывает всю тартарскую культуру. Она проявляется в обычаях, в обрядах, в фольклоре. Она проявляется в том, как тартары встречают гостей, как они провожают умерших, как они относятся к животным, как они говорят о богах. Она проявляется в том, как они смотрят на небо. Потому что небо — это тоже хозяин. Хозяин, который даёт свет и тепло, но который может и лишить их.

Глава 3. Скифы, саки и массагеты: рождение кочевой ойкумены

Скифы не были первым народом, который приручил лошадь и научился кочевать. Задолго до них, в бронзовом веке, по евразийским степям уже передвигались племена, которые разводили скот и умели обрабатывать металл. Но именно скифы, появившиеся на исторической сцене в первом тысячелетии до Рождества Христова, создали то, что можно назвать кочевой цивилизацией в полном смысле этого слова. Они не просто перемещались по степи. Они создали культуру, которая была не хуже, а в некоторых отношениях и сложнее культур оседлых народов. Они создали искусство, которое до сих пор восхищает своей выразительностью. Они создали мифологию, которая отражала их представления о мире. И они создали ту систему координат, в которой позже развивалась космология всех народов Тартарии.

Греки называли их скифами. Персы называли их саками. Китайцы называли их сэ. Но сами себя они называли сколотами, что, по всей видимости, означало «стрелки» или «лучники». Это самоназвание многое говорит о том, как скифы видели себя. Они были народом лука и стрелы. Они были народом, который владел оружием, требующим не только силы, но и точности, не только мужества, но и расчёта. Лук

был не просто инструментом охоты и войны. Лук был символом их мира. Тетива, натянутая до предела, стрела, летящая в цель, — это образ, который пронизывает всю скифскую культуру. И этот же образ можно найти в их представлениях о небе. Солнце, летящее по небу, — это стрела, выпущенная невидимым лучником. Луна, меняющая свою форму, — это тетива, которая то натягивается, то ослабевает. Звёзды — это искры, высеченные кремнём при выстреле.

Скифская ойкумена, то есть обитаемый мир, простиралась от Дуная на западе до Дона на востоке, от лесостепной зоны на севере до Крымских гор и побережья Чёрного моря на юге. Это была не империя в том смысле, который вкладывают в это слово современные историки. Это была совокупность племён, говоривших на близких наречиях, имевших схожие обычаи и признававших власть отдельных вождей, которых греки называли царями. Но эти цари не были абсолютными монархами. Они были первыми среди равных, военными предводителями, которые вели свои племена в бой, но которые должны были считаться с мнением старейшин, жрецов и воинов. Скифское общество было военной демократией, где власть принадлежала тем, кто доказал своё право на неё мечом и луком.

Геродот, оставивший подробное описание Скифии, разделял её население на несколько групп. Скифы-пахари жили в лесостепной зоне и занимались земледелием. Скифы-кочевники господствовали в степи и не сеяли хлеба, а разво-

дили скот. Царские скифы считали себя благороднейшими и властвовали над остальными. Были ещё скифы-земледельцы, которые сеяли хлеб не для себя, а на продажу. Это разделение отражает не только хозяйственные различия, но и различия в образе жизни, который формировал разные представления о мире. Скиф-пахарь смотрел на небо и думал о дожде, который нужен для урожая. Скиф-кочевник смотрел на небо и думал о траве, которая нужна для скота. Царский скиф смотрел на небо и думал о знамениях, которые предвещают победу или поражение. Но все они смотрели в одно небо. И все они видели в нём одно и то же — знаки, которые нужно уметь читать.

Саки, восточные родственники скифов, жили в степях Средней Азии и Казахстана. Они были известны персам как воинственный народ, который не раз вторгался в пределы Ахеменидской державы. Персидские цари пытались покорить саков, но это удавалось им лишь отчасти. Саки умели воевать не только мечом и луком, но и хитростью. Они заманивали врагов в безводные пустыни, где те гибли от жажды, или в горные ущелья, где их можно было перебить поодиночке. Они знали свою землю так, как может знать только тот, кто родился в ней и провёл в ней всю жизнь. И это знание было не только практическим. Оно было сакральным. Саки верили, что земля, по которой они ходят, живая. Она дышит. Она чувствует. Она помнит. И она помогает тем, кто её любит.

Массагеты, жившие к востоку от Каспийского моря, были, пожалуй, самым загадочным из всех скифских народов. Геродот рассказывал о них удивительные вещи. Он писал, что массагеты не знают границ между жизнью и смертью, что стариков они убивают и съедают, считая, что лучше быть съеденным своими детьми, чем умереть от болезни. Он писал, что массагеты поклоняются Солнцу и приносят ему в жертву коней, потому что быстрейшему из богов подобает быстрейшее из животных. Он писал, что царица массагетов Томирис победила самого Кира Великого, основателя Персидской империи, и что она опустила его голову в мех, наполненный кровью, чтобы утолить его ненасытную жажду крови. Эти рассказы могут быть преувеличениями, но они отражают реальный факт: массагеты были народом, который не боялся ни персов, ни греков, ни смерти. Они жили в мире, где смерть была не концом, а продолжением жизни. И это представление о смерти как о переходе в иное состояние было основой их космологии.

Скифы, саки и массагеты не строили городов. Они не оставили после себя дворцов и храмов. Но они оставили после себя курганы — огромные земляные насыпи, под которыми скрывались усыпальницы их царей и вождей. Эти курганы — не просто могилы. Это космограммы, высеченные в земле. Их форма, их размеры, их расположение — всё имеет значение. Курган — это модель мира. Верхняя точка кургана — это небо. Основание — это земля. Промежуточные слои

— это подземный мир. Царь, погребённый в кургане, отправляется в путешествие по всем трём мирам. Его сопровождают кони, оружие, украшения, слуги, жёны. Всё, что нужно ему для жизни в ином мире, кладётся рядом с ним. И всё это — не просто предметы. Это знаки, которые должны помочь ему найти дорогу. Золото, которое кладут в могилу, — это застывший свет Солнца. Оружие — это сила, которая нужна для защиты от демонов. Кони — это скорость, которая нужна для преодоления расстояний между мирами.

Скифское искусство, известное как звериный стиль, тоже отражает космологию. Изображения оленей, лошадей, грифонов, барсов, орлов — это не просто украшения. Это символы, которые обозначают разные силы природы и разные уровни мироздания. Олень с ветвистыми рогами — это Солнце, которое поднимается над горизонтом и опускается за него. Лошадь — это ветер, который мчится по степи. Грифон — это страж, который охраняет границу между мирами. Барс — это сила, которая обрушивается на врага. Орёл — это небо, которое смотрит на землю сверху вниз. Все эти образы складываются в единую картину, в которой нет ничего случайного. Каждый зверь, каждая птица, каждая деталь орнамента имеют своё место и свой смысл.

Скифы не оставили после себя письменных источников. Их мифология известна только по пересказам греческих и персидских авторов, которые сами не всегда понимали то, о чём писали. Но даже в этих пересказах можно различить

контуры стройной системы. Скифы верили в семерых богов, которых Геродот сопоставлял с греческими. Папай — верховный бог, которого греки называли Зевсом. Его жена Апи — богиня земли и воды, которую греки называли Геей. Их сыновья — Колаксай, Липоксай и Арпоксай — были прародителями скифских родов. Были ещё боги войны, Солнца, Луны, огня. Эта семёрка богов отражала структуру мира, в которой было семь уровней: небо, Солнце, Луна, звёзды, земля, вода и подземный мир. Число семь было священным для скифов. Семь дней в неделе, семь планет на небе, семь богов в пантеоне — всё это связано в единую систему, которая объясняла мир и давала человеку ориентиры.

Саки поклонялись Солнцу, Луне и священным горам. Они считали, что Солнце — это огонь, который горит в небесном мире, а Луна — это зеркало, в котором отражается земля. Они верили, что горы — это места, где живут боги, и что на вершинах гор можно услышать их голоса. Саки приносили жертвы на горных перевалах, оставляя там камни, ленты и еду. Они верили, что духи гор помогают им в пути и защищают от врагов. Эта вера в священные горы сохранилась у многих народов Тартарии до наших дней. Буряты, алтайцы, тувинцы, якуты — все они почитают горы как места силы и молитвы. И эта традиция восходит к тем временам, когда саки впервые поднялись на горные вершины и увидели оттуда бесконечную степь, лежащую у их ног.

Массагеты поклонялись Солнцу и приносили ему в жерт-

ву коней. Они считали, что Солнце — это всадник, который скачет по небу на золотом коне. Утром он выезжает с востока, вечером возвращается на запад. Ночью он отдыхает в подземном мире, чтобы утром снова отправиться в путь. Этот образ всадника-Солнца встречается у многих народов Тартарии. Он есть у скифов, у саков, у массагетов, у сарматов, у аланов. Позже он перейдёт к тюркам и монголам, которые будут называть Солнце матерью и отцом одновременно. Солнце-всадник — это не просто метафора. Это способ объяснить движение светила по небу. Если Солнце движется, значит, кто-то его движет. Если оно возвращается, значит, оно живое. Если оно живое, значит, с ним можно разговаривать. И если с ним можно разговаривать, значит, можно просить его о помощи. Так рождается молитва. Так рождается жертва. Так рождается религия.

Скифы, саки и массагеты жили в мире, где небо было не абстракцией, а реальностью, с которой человек сталкивался каждый день. Кочевник, который просыпался до рассвета, видел, как на востоке появляется свет. Он видел, как Солнце поднимается над горизонтом, как оно проходит свой путь по небу, как оно опускается на западе. Он видел, как меняется цвет неба, как появляются и исчезают звёзды, как движется Луна. Он видел падающие звёзды, кометы, затмения. И он должен был как-то объяснить всё это. Он не мог просто сказать: «Это небо, и оно такое, какое есть». Он должен был понять, что это значит. Он должен был найти в этом порядке.

Потому что без порядка не было жизни. Без понимания неба нельзя было понять землю. А без понимания земли нельзя было выжить.

Эта потребность в понимании неба породила астрономические знания, которые передавались из поколения в поколение. Скифы знали, что Солнце движется по кругу, что Луна меняет свою форму, что звёзды восходят и заходят в определённое время. Они знали, что по положению звёзд можно определить время года, что по движению Луны можно предсказать погоду, что по цвету неба можно предвидеть бурю. Эти знания не были записаны. Они передавались устно, от отца к сыну, от матери к дочери. Они были частью повседневной жизни, частью кочевого быта. Но они были и частью сакрального знания. Жрецы, которых греки называли энареями, хранили эти знания и передавали их только посвящённым. Энареи были не просто жрецами. Они были целителями, предсказателями, хранителями традиций. Они знали, как разговаривать с богами, как толковать сны, как лечить болезни. Они знали, как читать небо. И они знали, что небо — это книга, в которой записана судьба каждого человека и каждого народа.

Скифы верили, что мир делится на три части: небо, землю и подземный мир. Небо — это мир богов и светил. Земля — это мир людей и животных. Подземный мир — это мир мёртвых и демонов. Между этими тремя мирами существует связь. Души умерших уходят в подземный мир, но они могут

возвращаться на землю, чтобы помогать живым или вредить им. Боги могут спускаться с неба на землю, чтобы участвовать в жизни людей. Демоны могут подниматься из подземного мира, чтобы пугать живых. Эта трёхчастная модель мира была общей для многих индоевропейских народов. Но у скифов она имела свои особенности. Они представляли небо не как далёкое и недоступное пространство, а как продолжение степи. Небо было таким же бесконечным, таким же открытым, таким же полным движения. По небу скакали всадники-светила. По небу паслись стада звёзд. По небу текли небесные реки. И всё это было знакомо и понятно кочевнику, потому что он видел то же самое на земле.

Скифы не строили храмов. Они не создавали статуй богов. Они не писали священных книг. Но они создавали курганы, которые были их храмами. Они создавали украшения, которые были их иконами. Они создавали песни и легенды, которые были их священными текстами. И они создавали календарь, который был их библией. Календарь скифов был основан на движении Солнца и Луны. Они делили год на четыре сезона, каждый из которых был связан с определёнными обрядами и праздниками. Весной они праздновали пробуждение природы и начало кочевий. Летом — время изобилия и военных походов. Осенью — время сбора урожая и возвращения стад. Зимой — время отдыха и почитания предков. Каждый сезон имел своего бога-покровителя. Каждый сезон имел свои обряды. Каждый сезон имел свои запреты.

Этот календарь был не просто способом считать время. Он был способом жить в согласии с небом. Скиф не мог начать кочевать, пока не увидит определённую звезду на небе. Он не мог начать войну, пока не получит знамение от бога войны. Он не мог жениться, пока не пройдёт обряд очищения. Всё в его жизни было связано с небом. И небо отвечало ему. Оно посылало дождь, когда нужно было, и засуху, когда нужно было. Оно посылало удачу в бою и неудачу в мире. Оно посылало здоровье и болезнь. Оно посылало жизнь и смерть. И скиф принимал всё это как должное. Он не роптал на небо. Он не пытался его изменить. Он пытался его понять. И в этом понимании он находил смысл.

Саки и массагеты жили в других ландшафтах, но их космология была схожей. Они тоже делили мир на три части. Они тоже поклонялись Солнцу, Луне и звёздам. Они тоже верили, что небо — это книга, в которой записана судьба. Они тоже создавали курганы и украшения, которые отражали их представления о мире. Но у них были и свои особенности. Саки, жившие в предгорьях Тянь-Шаня, больше внимания уделяли горам. Они считали, что горы — это лестница, по которой можно подняться на небо. Они верили, что на вершинах гор живут боги, и что туда можно попасть, если быть достойным. Массагеты, жившие в пустынях и полупустынях к востоку от Каспия, больше внимания уделяли воде. Они считали, что вода — это кровь земли, и что без воды земля умрёт. Они рыли колодцы и каналы, чтобы добыть

воду. Они строили плотины и водохранилища, чтобы сохранить воду. И они молились воде, потому что от неё зависела их жизнь.

Скифы, саки и массагеты не были изолированными народами. Они торговали с греками, персами, китайцами. Они воевали с ними. Они заключали с ними союзы. Они перенимали у них знания и передавали им свои. Греки узнали от скифов о существовании северных морей и гиперборейских земель. Персы узнали от саков о существовании бескрайних степей и кочевых орд. Китайцы узнали от сэ о существовании западных стран и великих гор. Эти знания вливались в общую копилку человечества. Они становились частью мировой науки. Они влияли на представления о мире, которые позже развивали греческие философы, арабские географы, европейские картографы. Когда Птолемей рисовал карту мира, он помещал на ней Скифию и Сарматию. Когда арабские географы описывали земли к северу от Каспия, они вспоминали рассказы о скифах и саках. Когда европейские картографы шестнадцатого века рисовали Тартарию, они опирались на традицию, начало которой положили скифы.

Скифы исчезли как народ. Их поглотили сарматы, готы, гунны, славяне. Но их космология не исчезла. Она растворилась в космологии других народов. Она стала частью общего наследия Тартарии. Когда тюрки и монголы пришли в степи, они нашли там курганы, которые оставили скифы. Они нашли там изображения зверей и светил. Они нашли там леген-

ды о богах и героях. И они включили всё это в свою культуру. Так скифская космология стала частью тюркской и монгольской космологии. Так она стала частью космологии Великой Тартарии. Так она дошла до наших дней — в виде обрядов, обычаев, легенд, которые до сих пор живут у народов Сибири, Средней Азии, Кавказа.

Курганы скифских царей до сих пор стоят в степях Украины, России, Казахстана. Они хранят в себе золото, оружие, украшения, кости коней и людей. Они хранят в себе тайны, которые ещё не все раскрыты. Археологи находят в них предметы, которые говорят о том, что скифы знали толк в астрономии. Они находят изображения Солнца, Луны, звёзд. Они находят фигурки животных, которые соответствуют зодиакальным созвездиям. Они находят предметы, которые использовались для наблюдения за небом. Всё это говорит о том, что скифы были не просто кочевниками, которые смотрели на небо, потому что им больше некуда было смотреть. Они были наблюдателями, которые изучали небо, потому что понимали, что от этого зависит их жизнь. Они были астрономами, которые передавали свои знания из поколения в поколение. Они были космологами, которые создали систему, объясняющую мир. И эта система была не хуже, а в некоторых отношениях и лучше тех систем, которые создавали оседлые народы. Потому что она была проверена жизнью. Потому что она работала. Потому что она помогала выжить в степи, где без знания неба не прожить и дня.

Глава 4. Хунну и их западный исход: начало великого переселения

Китайские хроники называют их сюнну. Греческие и римские авторы, писавшие много позже, — гуннами. Сами они, если верить дошедшим до нас отголоскам их собственных преданий, называли себя просто народом, живущим под небом. Это самоназвание — не случайность и не поэтический образ. Хунну были первым кочевым народом, который создал не просто племенной союз, а державу, раскинувшуюся от Байкала до Великой Китайской стены. Они первыми осознали себя не как совокупность родов, а как единое целое, противостоящее оседлому миру. И небо в их представлении было не просто фоном для кочевий. Небо было источником власти. Тот, кто владел небом, владел землёй. Тот, кто читал небесные знаки, мог предсказывать будущее. Тот, кто получал благословение неба, становился шаньюем — сыном неба, правителем всех кочевых родов.

Слово «шаньюй» не было просто титулом. Это было утверждение космологического порядка. Шаньюй — не просто военный вождь, не просто первый среди равных. Он — посредник между небом и землёй. Он — тот, через кого небо говорит с людьми. Он — тот, кто ведёт свой народ по пути,

указанному светилами. Китайские хронисты, описывая хунну, отмечали, что они поклоняются небу, земле, Солнцу, Луне и предкам. Они приносили жертвы этим силам в определённые дни года. Они верили, что небо наказывает за неправедные поступки и награждает за верность. Эта вера была не отвлечённой теологией, а практическим руководством к действию. Если шаньюй правил справедливо, небо посылало дожди и хорошие пастбища. Если он правил несправедливо, небо посылало засуху, мор скота и поражения в войнах. Небо было высшим судьёй, и его приговор нельзя было обжаловать.

Хунну не строили городов. Они не создавали дворцов и храмов. Их столица была там, где стояла ставка шаньюя. Их храмы были под открытым небом. Их алтари были сложены из камней, принесённых с гор. Их священные тексты были записаны не на бумаге, а в звёздах. Они знали, что звёзды движутся по определённым путям. Они знали, что эти пути повторяются. Они знали, что по положению звёзд можно определить время года, а значит — время кочевий, время охоты, время войны. Они знали, что небо — это книга, которую нужно уметь читать. И они умели её читать. Китайские астрономы, которые вели наблюдения за небом на протяжении столетий, не раз отмечали, что хунну предсказывали затмения и кометы с точностью, которая их удивляла. Они не понимали, как варвары, не имеющие письменности и приборов, могут знать то, что знают только посвящённые в тайны

неба. Но хунну знали. Они знали потому, что небо было их домом. Они знали потому, что их жизнь зависела от этого знания.

Первое упоминание о хунну в китайских хрониках относится к третьему веку до Рождества Христова. В то время они были разрозненными племенами, кочевавшими к северу от пустыни Гоби. Они враждовали между собой, враждовали с соседями, враждовали с китайскими царствами, которые строили стены, чтобы защититься от их набегов. Но в конце третьего века до Рождества Христова произошло событие, которое изменило всё. Молодой вождь по имени Модэ, сын шаньюя, убил своего отца и захватил власть. Он объединил хунну под своей рукой. Он создал армию, которая не знала поражений. Он создал державу, которая заставила Китай платить дань. Он создал империю, которая просуществовала почти три столетия.

Модэ был не просто завоевателем. Он был реформатором. Он ввёл десятичную систему организации войска, которая позже стала стандартом для всех кочевых армий Евразии. Он разделил своё государство на три части: центральную, восточную и западную. Он установил порядок наследования власти, который, правда, не всегда соблюдался, но который всё же давал некоторую стабильность. Он создал систему титулов и рангов, которая позволяла управлять огромной территорией. И он создал идеологию, которая обосновывала его власть. Эта идеология была проста: небо избрало хунну, что-

бы властвовать над всеми народами. Небо избрало шаньюя, чтобы вести хунну к победе. Тот, кто противится воле неба, будет разбит. Тот, кто следует воле неба, будет вознаграждён.

Эта идеология работала. Хунну разгромили своих восточных соседей — дунху. Они разгромили своих западных соседей — юэчжей. Они заставили китайского императора платить дань и отдать в жёны шаньюю китайскую принцессу. Они контролировали торговые пути, которые связывали Китай с Западом. Они стали самым могущественным народом Восточной Азии. Их имя стало синонимом силы, скорости и неумолимости. Китайцы боялись их. Китайцы ненавидели их. Китайцы пытались их покорить. Но хунну оставались непобедимыми. Они уходили в степь, когда враг был слишком силён. Они возвращались, когда враг расслаблялся. Они нападали внезапно, как ветер. Они исчезали бесследно, как дым. Они были везде и нигде. Они были непобедимы потому, что не имели того, что можно было бы захватить. У них не было городов, которые можно было бы осадить. У них не было полей, которые можно было бы вытоптать. У них не было сокровищниц, которые можно было бы разграбить. У них было только небо. И небо было их союзником.

Но небо не всегда было союзником. В первом веке по Рождеству Христову держава хунну начала распадаться. Сначала она разделилась на две части: восточную и западную. Затем западная часть, ослабленная внутренними распрями и поражениями от китайцев, была вынуждена начать великое

переселение на запад. Это переселение стало одним из самых значительных событий в истории Евразии. Оно длилось несколько столетий. Оно охватило огромные пространства. Оно изменило этническую карту мира. Оно привело к падению Римской империи. И оно привело к созданию новых государств, которые позже стали частью Великой Тартарии.

Первая волна хунну двинулась на запад во втором веке. Они прошли через степи Казахстана и Средней Азии. Они вытеснили саков и массагетов с их кочевий. Они столкнулись с аланами, которые жили между Волгой и Доном. Они разгромили аланов и двинулись дальше. Они дошли до земель готов, которые жили в Северном Причерноморье. Они разгромили готов и двинулись дальше. Они дошли до Дуная. Они перешли Дунай. Они вступили в пределы Римской империи. Они разгромили римские легионы при Адрианополе в 378 году. Они убили римского императора Валента. Они заставили Римскую империю содрогнуться. Они стали известны как гунны — народ, который пришёл из ниоткуда и которому нет преграды.

Гунны не были дикарями, как их иногда изображают. Они были наследниками тысячелетней кочевой культуры. Они знали толк в металлургии, в коневодстве, в военном деле. Они умели лечить раны и болезни. Они умели читать небо. Они принесли с собой не только мечи и луки, но и знания, которые накапливались в степях на протяжении столетий. Они принесли с собой представления о мире, в котором небо

было высшей силой, а человек — лишь частью огромного космоса. Они принесли с собой календарь, основанный на движении Солнца и Луны. Они принесли с собой обряды, которые связывали человека с небом. Они принесли с собой легенды о богах и героях, которые позже стали частью фольклора многих народов Европы.

Один из самых известных гуннских правителей — Аттила. Он правил в пятом веке. Он объединил под своей властью огромную территорию от Волги до Рейна. Он заставил Римскую империю платить ему дань. Он вторгся в Галлию и в Италию. Он дошёл до Рима и, по преданию, повернул назад только потому, что папа Лев I убедил его пощадить город. Аттила умер в 453 году. После его смерти держава гуннов распалась. Но память о нём осталась. В европейских хрониках его называли «бичом Божьим». В германских легендах он стал королём Этцелем, мужем Кримхильды, персонажем «Песни о Нибелунгах». В венгерских хрониках он стал предком венгерских королей. В тартарских преданиях он стал одним из великих ханов, которые вели свой народ по пути, указанному небом.

Но гунны были не только завоевателями. Они были и созидателями. Они создали государство, которое просуществовало несколько десятилетий, но которое оставило глубокий след в истории Европы. Они создали систему управления, которая позволяла контролировать огромные территории. Они создали дипломатическую службу, которая ве-

ла переговоры с Римом и с другими государствами. Они создали культуру, которая соединяла в себе кочевые и оседлые элементы. Они создали космологию, которая объясняла мир и давала человеку ориентиры. И эта космология была не примитивной. Она была сложной, стройной и глубокой. Она включала в себя представления о небе, о звёздах, о планетах, о затмениях, о кометах. Она включала в себя представления о богах и духах. Она включала в себя представления о жизни и смерти. Она включала в себя представления о времени и вечности.

Гунны верили, что небо — это огромный шатёр, раскинутый над землёй. Этот шатёр держится на невидимых столбах, которые втыкаются в землю на краях мира. По этому шатру движутся Солнце, Луна и звёзды. Солнце — это золотой всадник, который скачет с востока на запад. Луна — это серебряный всадник, который скачет с запада на восток. Звёзды — это искры, которые высекают копыта их коней. Млечный Путь — это дорога, по которой скачут всадники. Кометы — это вестники, которые предупреждают о грядущих событиях. Затмения — это чудовище, которое пожирает Солнце или Луну, но которое всегда бывает побеждено. Гром — это голос неба, который говорит с людьми. Молния — это стрела, которую небо посылает в грешников. Радуга — это мост, по которому боги спускаются на землю. Ветер — это дыхание неба. Дождь — это слёзы неба. Снег — это седина неба. Град — это гнев неба.

Эта космология была не просто набором образов. Она была системой, которая объясняла всё. Она объясняла, почему день сменяется ночью, почему лето сменяется зимой, почему одни люди рождаются, а другие умирают, почему одни побеждают, а другие терпят поражение. Она объясняла, что нужно делать, чтобы жить в согласии с небом. Она объясняла, что нужно делать, чтобы задобрить богов. Она объясняла, что нужно делать, чтобы обеспечить себе удачу. Она объясняла, что нужно делать, чтобы попасть в рай. Она объясняла, что нужно делать, чтобы избежать ада. Она объясняла всё. И в этом объяснении человек находил смысл. Он находил смысл в том, чтобы кочевать. Он находил смысл в том, чтобы воевать. Он находил смысл в том, чтобы рожать детей. Он находил смысл в том, чтобы умирать. Он находил смысл в том, чтобы жить.

Великое переселение народов, начатое хунну, привело к созданию новых государств и новых империй. Оно привело к падению Западной Римской империи. Оно привело к созданию варварских королевств в Европе. Оно привело к возвышению Византии. Оно привело к созданию Тюркского каганата. Оно привело к созданию Хазарского каганата. Оно привело к созданию Волжской Булгарии. Оно привело к созданию Киевской Руси. Оно привело к созданию Великой Тартарии. Все эти государства и империи были наследниками хунну. Все они впитали в себя их космологию. Все они видели в небе знаки, которые нужно уметь читать. Все

они верили, что небо — это высшая сила, которая управляет миром.

Тюрки, которые пришли на смену хунну в степях Монголии и Средней Азии, унаследовали от них не только территорию, но и представления о небе. Они называли небо Тенгри. Они считали, что Тенгри — это верховный бог, который создал мир и управляет им. Они считали, что Тенгри даёт власть каганам. Они считали, что Тенгри наказывает тех, кто нарушает его законы. Они считали, что Тенгри слышит молитвы и отвечает на них. Тенгри был не просто богом. Тенгри был космосом. Тенгри был порядком. Тенгри был законом. Тенгри был всем. И тюрки, которые создали первый каганат, объединивший земли от Маньчжурии до Чёрного моря, верили, что они — народ, избранный Тенгри, чтобы властвовать над миром. Эта вера давала им силу. Эта вера давала им мужество. Эта вера давала им уверенность в том, что они правы. И эта вера была унаследована от хунну, которые первыми осознали себя народом неба.

Монголы, которые пришли на смену тюркам в тринадцатом веке, тоже унаследовали эту веру. Чингисхан, объединивший монгольские племена и создавший империю, которая раскинулась от Тихого океана до Дуная, верил, что небо избрало его, чтобы править миром. Он называл себя сыном неба. Он считал, что его победы — это доказательство того, что небо на его стороне. Он считал, что его империя — это воплощение небесного порядка на земле. И его потомки,

которые правили улусами и ханствами, тоже верили в это. Они верили, что небо дало им власть. Они верили, что небо даёт им силу. Они верили, что небо направляет их путь. И эта вера была не просто идеологией. Она была космологией. Она была способом объяснить мир. Она была способом найти своё место в мире.

Хунну, которые первыми начали великое переселение, не могли знать, к чему оно приведёт. Они не могли знать, что их западный исход изменит карту мира. Они не могли знать, что их потомки создадут империи, которые будут существовать столетия.

Глава 5. Тюркский каганат: первая империя неба и земли

Слово «тюрк» впервые прозвучало на страницах китайских хроник в середине шестого века. Оно не было самоназванием одного племени. Оно было именем, которое взяли себе несколько родов, объединившихся в союз, чтобы противостоять жужаням — кочевникам, господствовавшим в степях Монголии на протяжении столетий. Жужани называли своих новых врагов презрительно, но это презрение обернулось против них самих. Тюрки разгромили жужаней, заняли их земли, переняли их связи и создали государство, которое вскоре простёрлось от Жёлтого моря до Чёрного, от Маньчжурии до Крыма. Это был первый каганат — империя неба и земли, как называли её сами тюрки. И это была первая империя, в которой космология стала не просто частью культуры, а государственной идеологией.

Тюрки не были многочисленным народом. Их было, по оценкам современных исследователей, не более двухсот тысяч человек. Но они обладали тем, что делало их непобедимыми: они знали, как воевать, и они знали, как управлять. Они создали десятичную систему организации войска, унаследованную от хунну. Они создали систему наследования власти, которая позволяла передавать престол от старшего

брата к младшему, а не от отца к сыну, что предотвращало распри между наследниками. Они создали дипломатическую службу, которая вела переговоры с Китаем, Персией, Византией. Они создали торговую сеть, которая связывала Восток и Запад. И они создали идеологию, которая обосновывала их право на власть. Эта идеология была космологической. Тюрки верили, что небо — Тенгри — избрало их, чтобы править миром. Каган — правитель тюрков — был сыном неба. Он получал власть не от людей, а от Тенгри. И тот, кто противился кагану, противился небу. А тот, кто противился небу, был обречён.

Слово «Тенгри» не было просто именем бога. Оно обозначало небо как таковое — видимое, физическое небо, которое простирается над землёй. Тюрки не отделяли бога от неба. Небо было богом. Бог был небом. Когда тюрк поднимал голову и смотрел вверх, он видел Тенгри. Когда он молился, он молился небу. Когда он приносил жертву, он приносил её небу. Небо было везде. Небо было всем. Небо было высшим законом, которому подчинялось всё — и люди, и животные, и растения, и камни, и реки, и горы. Небо было порядком, который противостоял хаосу. Небо было жизнью, которая противостояла смерти. Небо было светом, который противостоял тьме. И тюрки, которые жили под этим небом, были его детьми. Они были народом неба. Они были избраны небом. Они были обязаны небу. И они должны были небу.

Каган, правитель тюрков, носил титул, который перево-

дится как «небесный повелитель» или «повелитель, данный небом». Он не был просто военным вождём или политическим лидером. Он был сакральной фигурой. Он был посредником между небом и землёй. Он был тем, через кого Тенгри говорил с народом. Он был тем, кто получал от Тенгри знаки и знамения. Он был тем, кто вёл свой народ по пути, указанному небом. Если каган был справедлив, небо посылало дожди и хорошие пастбища. Если каган был несправедлив, небо посылало засуху и мор. Если каган терпел поражение, это означало, что небо отвернулось от него. Если каган побеждал, это означало, что небо на его стороне. Власть кагана была не просто политической. Она была космической. Она была частью мирового порядка. Она была необходимой для того, чтобы мир существовал.

Тюркский каганат был разделён на две части: восточную и западную. Восточный каганат контролировал Монголию и Маньчжурию. Западный каганат контролировал Среднюю Азию и степи Казахстана. Это разделение было не просто административным. Оно отражало космологическую структуру мира. Восток — это восход Солнца, начало жизни, свет. Запад — это закат Солнца, конец жизни, тьма. Восточный каганат был старшим. Его правитель носил титул «каган». Западный каганат был младшим. Его правитель носил титул «ябгу». Это разделение на старшего и младшего, на восток и запад, на свет и тьму было не просто политической иерархией. Это была космологическая модель, которая объясняла

мир. Мир делится на две части. Эти две части противоположны, но они дополняют друг друга. Они борются, но они не могут существовать друг без друга. Восток без запада — это вечный день, который сжигает землю. Запад без востока — это вечная ночь, которая убивает жизнь. Только вместе, в борьбе и в единстве, они создают мир, в котором можно жить.

Тюрки поклонялись не только небу. Они поклонялись земле, воде, огню, Солнцу, Луне, звёздам. Они верили, что у каждой реки, у каждой горы, у каждого озера есть свой дух-хозяин. Они верили, что эти духи могут помогать или вредить. Они верили, что с этими духами можно договариваться. Они приносили им жертвы. Они пели им песни. Они рассказывали им истории. Они верили, что духи слушают их. Они верили, что духи отвечают им. Они верили, что духи — это не что-то далёкое и чуждое. Это соседи. Это родственники. Это предки. Это те, кто жил здесь до них. Это те, кто будет жить здесь после них. Это те, кто составляет с ними единый мир. Единый космос. Единую семью.

Огонь занимал особое место в тюркской космологии. Огонь был не просто источником тепла и света. Огонь был очищающей силой. Огонь был посредником между людьми и богами. Огонь был живым существом. Тюрки верили, что огонь имеет душу. Они кормили огонь. Они поили огонь. Они разговаривали с огнём. Они не могли плюнуть в огонь. Они не могли бросить в огонь мусор. Они не могли затушить

огонь водой. Они должны были обращаться с огнём так, как обращаются со старшим родственником. С уважением. С почтением. С любовью. Огонь был священным. Огонь был божественным. Огонь был частью неба на земле. Когда тюрк смотрел на огонь, он видел небо. Когда он смотрел на небо, он видел огонь. Небо и огонь были едины. Небо и огонь были Тенгри. Небо и огонь были жизнью.

Солнце и Луна были глазами неба. Солнце — правый глаз. Луна — левый глаз. Солнце смотрит на мир днём. Луна смотрит на мир ночью. Солнце видит всё, что делается при свете. Луна видит всё, что делается в темноте. Ничто не может укрыться от их взгляда. Ничто не может избежать их суда. Солнце наказывает злых. Луна наказывает неверных. Солнце награждает добрых. Луна награждает верных. Солнце и Луна — это не просто светила. Это судьи. Это свидетели. Это боги. Тюрки клялись Солнцем и Луной. Они говорили: «Пусть Солнце меня покарает, если я солгу». Они говорили: «Пусть Луна меня забудет, если я нарушу слово». Эти клятвы были нерушимы. Никто не смел их нарушить. Потому что никто не хотел, чтобы Солнце его покарало. Никто не хотел, чтобы Луна его забыла. Никто не хотел остаться без света. Никто не хотел остаться в темноте.

Звёзды были стадами, которые пасут небесные пастухи. Звёзды были искрами, которые высекают копыта небесных коней. Звёзды были душами умерших, которые поднялись на небо. Звёзды были знаками, которые нужно уметь читать.

Тюрки знали, что по звёздам можно определить время года. Они знали, что по звёздам можно определить время кочевий. Они знали, что по звёздам можно предсказать погоду. Они знали, что по звёздам можно предсказать судьбу. Они смотрели на звёзды каждую ночь. Они запоминали их расположение. Они передавали эти знания из поколения в поколение. Они создавали карты неба. Они создавали календари. Они создавали системы предсказаний. Они создавали науку. Науку, которая не была записана. Науку, которая передавалась устно. Науку, которая жила в головах людей. Науку, которая умирала вместе с ними. Но которая возрождалась в их детях. И в детях их детей. И в детях их детей. И так далее. Из поколения в поколение. Из века в век. Из тысячелетия в тысячелетие.

Тюркский календарь был основан на движении Солнца и Луны. Тюрки делили год на двенадцать месяцев. Каждый месяц соответствовал одному из двенадцати животных. Мышь, корова, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья. Эти двенадцать животных составляли цикл, который повторялся каждые двенадцать лет. Каждый год имел своего покровителя. Каждый год имел свои особенности. Каждый год имел свои запреты. Тюрки знали, что год мыши — это год начала. Год коровы — это год терпения. Год тигра — это год силы. Год зайца — это год хитрости. Год дракона — это год удачи. Год змеи — это год мудрости. Год лошади — это год движения. Год овцы — это год ми-

ра. Год обезьяны — это год перемен. Год петуха — это год порядка. Год собаки — это год верности. Год свиньи — это год изобилия. Этот календарь был не просто способом считать время. Это был способ понимать время. Это был способ жить во времени. Это был способ быть частью времени. Это был способ быть частью космоса.

Тюрки не строили храмов. Они не создавали статуй богов. Они не писали священных книг. Но они создавали стелы — каменные столбы, на которых высекали надписи. Эти надписи рассказывали о подвигах каганов, о победах тюркского оружия, о законах, которые установили каганы. Но эти надписи рассказывали и о космологии. Они говорили о небе, которое создало тюрков. Они говорили о земле, которая кормит тюрков. Они говорили о воде, которая поит тюрков. Они говорили о Солнце и Луне, которые светят тюркам. Они говорили о звёздах, которые ведут тюрков. Они говорили о предках, которые защищают тюрков. Эти стелы были не просто памятниками. Это были книги. Книги, высеченные на камне. Книги, которые читали все, кто умел читать. Книги, которые передавали знания от поколения к поколению. Книги, которые рассказывали о том, как устроен мир. Книги, которые объясняли, как жить в этом мире. Книги, которые учили, как умереть в этом мире. Книги, которые учили, как возродиться в этом мире.

Одна из таких стел была найдена в долине реки Орхон в Монголии. Она была воздвигнута в честь Кюль-Тегина,

тюркского принца, который погиб в бою в 731 году. На стеле высечена надпись, которая начинается словами: «Когда вверху было создано голубое небо, а внизу — бурая земля, между ними были созданы сыны человеческие». Эти слова — не просто поэтический образ. Это космологическая формула. Мир делится на три части: небо, земля и люди. Небо — это верх. Земля — это низ. Люди — это середина. Люди — это посредники между небом и землёй. Люди — это те, кто соединяет верх и низ. Люди — это те, кто поддерживает порядок. Люди — это те, кто не даёт миру распасться. Люди — это те, кто должен жить по законам неба. Люди — это те, кто должен умереть, чтобы вернуться на небо. Люди — это те, кто должен возродиться, чтобы снова жить на земле. Люди — это те, кто должен помнить о небе. Люди — это те, кто должен помнить о земле. Надпись на стеле Кюль-Тегина продолжается словами: «Над сынами человеческими воссел мой предок, каган Бумын, и Эльтериш-каган». Эти слова говорят о том, что каганы — это не просто правители. Это те, кто «воссел» над людьми. Это те, кто находится между небом и землёй. Это те, кто получил власть от неба. Это те, кто должен вести людей по пути, указанному небом. Это те, кто должен защищать людей от врагов. Это те, кто должен кормить людей. Это те, кто должен поить людей. Это те, кто должен одевать людей. Это те, кто должен делать всё, чтобы люди жили. И это те, кто должен делать всё, чтобы люди жили хорошо. Потому что если люди живут плохо, то они

проклинают кагана. А если они проклинают кагана, то небо слышит их проклятия. А если небо слышит их проклятия, то оно отвернётся от кагана. А если небо отвернётся от кагана, то каган падёт. А если каган падёт, то народ погибнет. А если народ погибнет, то некому будет славить небо. А если некому будет славить небо, то небо погаснет. А если небо погаснет, то мир закончится. Такова логика тюркской космологии. Логика, в которой всё связано со всем. Логика, в которой нет ничего лишнего. Логика, в которой нет ничего случайного. Логика, в которой каждый человек важен. Логика, в которой каждый человек — часть космоса. Логика, в которой каждый человек — часть неба.

Тюркский каганат просуществовал около двух столетий. Он распался в восьмом веке под ударами внешних врагов и внутренних распрей.

Глава 6. Монгольский вихрь: Чингисхан и сотворение Великой Тартарии

В конце двенадцатого века монгольские степи представляли собой то, что европейцы позже назвали бы «кипящим котлом». Племена враждовали между собой, заключали союзы, предавали, мстили за обиды, угоняли скот, похищали женщин. Каждое племя считало себя избранным, каждого вождя окружали верные нукеры, готовые умереть за него. И в этом хаосе, в этой бесконечной войне всех против всех, медленно, но неотвратимо вызревало нечто новое. Не просто очередной племенной союз, который распадётся после смерти очередного вождя. Не просто ещё одна орда, которая уйдёт на запад в поисках добычи. А нечто такое, чего ещё не знала история Евразии. Империя, которая объединит под своей рукой не только степи, но и весь мир, насколько он был известен в ту эпоху. И человек, который эту империю создаст, родился, согласно монгольской традиции, в 1155 году, в урочище Делюн-Болдок, на берегу реки Онон, в семье Есугей-баатура из рода Борджигин и Оэлун-фуджин из племени олхонут. При рождении мальчик сжимал в правой руке сгусток крови, что было истолковано как знак грядущего величия и кровопролития. Его нарекли Тэмуджином.

Детство будущего завоевателя было жестоким. Его отец был отравлен татарами, когда Тэмуджину едва исполнилось девять лет. Семья осталась без защиты, и вскоре её покинули почти все родственники и слуги. Оэлун с детьми пришлось питаться кореньями, ягодами, рыбой и мясом сурков, чтобы выжить. Тэмуджин был схвачен тайджиутами, которые держали его в колодках, и лишь чудом спасся. Он убил своего старшего брата Бектера во время ссоры из-за добычи. Он взял в жёны Бортэ из племени унгират и, казалось, был обречён на незаметную жизнь рядового кочевника, каких были тысячи. Но судьба распорядилась иначе. В 1206 году, на курултае — собрании всех монгольских племён, — Тэмуджин был провозглашён Чингисханом, что означает «великий хан» или «хан, подобный морю». С этого момента началась новая эпоха. Эпоха, которую одни проклинали, а другие воспевали. Эпоха, которая изменила лицо мира. Эпоха, которая создала Великую Тартарию.

Сам Чингисхан не был ни безграмотным дикарём, ни простым военным гением. Это был человек, который понимал силу не только меча, но и закона. Он создал Ясу — свод законов, который регулировал все стороны жизни империи. Он создал систему управления, которая позволяла контролировать огромные территории. Он создал армию, которой не было равных. Он создал идеологию, которая обосновывала его право на власть. И в основе этой идеологии лежала космология. Чингисхан верил, что небо — Тенгри — избрало его,

чтобы править миром. Он не просто верил в это. Он знал это. И он заставлял других знать это. Его победы были не просто военными успехами. Это были доказательства того, что небо на его стороне. Каждая победа укрепляла его власть. Каждое поражение было бы знаком того, что небо отвернулось. Но поражений не было. Монгольская армия шла от победы к победе. Китай, Средняя Азия, Персия, Кавказ, Восточная Европа — все они пали под ударами монгольских туменов. И вместе с армией шла космология. Вместе с воинами шли шаманы, которые читали небо. Вместе с завоеваниями распространялись представления о небе как высшей силе, о кагане как сыне неба, о мире как едином целом, управляемом небом.

Слово «Тартария» вошло в европейские языки именно в эпоху монгольских завоеваний. Оно происходило от имени татар — одного из монгольских племён, которое Чингисхан почти полностью уничтожил за неповиновение. Но имя татар стало настолько привычным для европейцев, что они перенесли его на всех монголов, а затем и на все кочевые народы, которые жили к востоку от Европы. Тартары — это монголы. Тартары — это тюрки. Тартары — это все те, кто живёт в степях, кто не знает городов, кто поклоняется небу. Тартары — это те, кто пришёл из глубин Азии, чтобы покарать грешный мир. Тартары — это бич Божий. Тартары — это конец света. Так думали европейцы. Так писали европейские хронисты. Так распространялись слухи о монголь-

ском нашествии. И в этих слухах было много страха, но было и много правды. Монголы действительно были непобедимы. Они действительно были жестоки. Они действительно залили кровью полмира. Но они были не только завоевателями. Они были и созидателями. Они создали империю, которая простиралась от Тихого океана до Дуная. Они создали систему управления, которая позволяла контролировать эту империю. Они создали сеть дорог, которая связывала все части империи. Они создали почтовую службу, которая работала быстрее, чем любая другая в мире. Они создали торговую систему, которая позволяла товарам и идеям перемещаться от Китая до Европы и обратно. Они создали мир, в котором разные народы, разные религии, разные культуры могли сосуществовать. И в этом мире космология была не просто частью религии. Она была основой мировоззрения. Она была способом объяснить, почему всё устроено именно так, а не иначе. Она была способом оправдать власть Чингисхана и его потомков. Она была способом объединить разрозненные племена в единый народ.

Чингисхан умер в 1227 году. Он умер в походе против тангутов, не успев завершить завоевание Китая. Но дело его жизни не умерло. Его сыновья и внуки продолжили завоевания. Угедей, третий сын Чингисхана, стал великим ханом и завершил завоевание Северного Китая. Бату, сын Джучи, отправился на запад и завоевал Восточную Европу, дойдя до Венгрии и Хорватии. Хулагу, сын Толуя, отправился на юго-

запад и завоевал Персию, Ирак, Сирию, дойдя до Египта. Хубилай, другой сын Толуя, завершил завоевание Китая и основал династию Юань. Монгольская империя стала самой большой империей в истории человечества. Она простиралась от Кореи до Венгрии, от Сибири до Индии. Она включала в себя десятки народов, сотни городов, тысячи деревень. Она включала в себя все религии, все языки, все культуры известного тогда мира. И во всех этих землях люди смотрели на небо и видели одно и то же небо. Они видели Солнце, которое встаёт на востоке и садится на западе. Они видели Луну, которая меняет свою форму. Они видели звёзды, которые движутся по определённым путям. Они видели затмения, кометы, падающие звёзды. И они объясняли всё это так, как объясняли их предки. Так, как объясняли их шаманы. Так, как объясняли их астрономы.

Монгольская космология не была монолитной. Она впитала в себя представления разных народов, которые вошли в состав империи. Она впитала в себя представления тюрков, которые были основной массой кочевников в монгольской армии. Она впитала в себя представления китайцев, которые обладали древней астрономической традицией. Она впитала в себя представления персов, которые знали труды греческих и индийских астрономов. Она впитала в себя представления арабов, которые развивали астрономию в Багдаде, Дамаске, Самарканде. Она впитала в себя представления тибетцев, которые принесли буддийские представления о Все-

ленной. Она впитала в себя представления уйгуров, которые служили писцами и чиновниками при монгольских ханах. Она впитала в себя представления русских, которые платили дань Орде. Она впитала в себя представления армян, которые были искусными купцами и дипломатами. Она впитала в себя представления всех тех, кто жил на огромном пространстве от Тихого океана до Дуная.

Эта космология была не просто суммой разных представлений. Она была синтезом. Она была новым качеством. Она была системой, в которой небо было верховным божеством, Тенгри был небесным отцом, Умай была небесной матерью, Эрлик был владыкой подземного мира. Она была системой, в которой Солнце и Луна были глазами неба, звёзды были душами предков, кометы были вестниками перемен, затмения были знаками грядущих событий. Она была системой, в которой человек был частью космоса, а не его хозяином. Она была системой, в которой жизнь и смерть были не противоположностями, а разными состояниями одного и того же бытия. Она была системой, в которой мир был не статичным, а динамичным. Мир рождался, жил, умирал и рождался вновь. Мир был цикличен. Мир был вечен. Мир был небом.

Монгольские ханы покровительствовали астрономии. Они понимали, что знание неба — это знание мира. Они понимали, что тот, кто умеет читать небо, умеет предсказывать будущее. Они понимали, что тот, кто умеет предска-

зывать будущее, умеет управлять настоящим. Они собирали при своих дворах астрономов, астрологов, математиков. Они строили обсерватории. Они заказывали звёздные каталоги. Они финансировали переводы астрономических трактатов с одного языка на другой. Они создавали условия для развития науки. И наука развивалась. В Самарканде, в Мараге, в Ханбалыке, в Тебризе, в Багдаде, в Каире — везде, где стояли монгольские гарнизоны, везде, где правили монгольские наместники, везде, где жили монгольские ханы, — работали астрономы. Они наблюдали небо. Они записывали свои наблюдения. Они создавали таблицы. Они создавали календари. Они создавали системы предсказаний. Они создавали науку. Науку, которая позже станет основой для европейской астрономии. Науку, которая позже станет основой для современной космологии. Науку, которая позже станет основой для понимания того, как устроена Вселенная.

Одним из величайших астрономов монгольской эпохи был Насир ад-Дин ат-Туси. Он родился в 1201 году в Тусе, в Персии. Он был персидским учёным, но он служил монгольским ханам. Хулагу-хан, внук Чингисхана, назначил его главой обсерватории в Мараге. Ат-Туси построил в Мараге обсерваторию, которая была одной из самых передовых в мире. Он собрал там лучших астрономов со всего Востока. Он создал Зидж-и Ильхани — астрономические таблицы, которые были названы в честь Хулагу-хана. Эти таблицы содержали координаты более чем четырёхсот звёзд. Они содержали

данные о движении планет. Они содержали данные о затмениях. Они содержали данные о календарях. Они содержали данные о тригонометрии. Они содержали данные о многом другом. Эти таблицы были переведены на арабский, персидский, латинский, греческий. Они распространились по всему миру. Они повлияли на развитие астрономии в Европе. Они повлияли на Коперника. Они повлияли на Галилея. Они повлияли на Ньютона. Они повлияли на всех тех, кто создавал современную науку. Ат-Туси был не просто астрономом. Он был философом. Он был математиком. Он был богословом. Он был поэтом. Он был одним из самых образованных людей своего времени. И он был монгольским подданным. Он служил монгольским ханам. Он работал под их покровительством. Он создавал науку в империи, которую европейцы называли Тартарией. И эта наука была частью тартарской космологии. Частью тартарского понимания мира. Частью тартарского неба.

Монгольская империя просуществовала около двух столетий. Она распалась в четырнадцатом и пятнадцатом веках.

Глава 7. Держава Чингизидов: структура власти и пространство кочевой цивилизации

Когда Чингисхан умер, его тело было предано земле в месте, которое до сих пор остаётся неизвестным. Согласно монгольскому обычаю, могилу великого хана сравняли с землёй, а по ней прогнали табун лошадей, чтобы никто не мог найти место захоронения. Тысяча всадников охраняла последний путь хана, и все они были убиты после погребения, чтобы тайна осталась тайной. Река, у которой он был похоронен, была отведена в сторону, а затем возвращена в прежнее русло. Ни один человек, участвовавший в погребении, не остался в живых. Так завершилась жизнь человека, который создал самую большую империю в истории. Но империя не умерла вместе с ним. Она продолжила жить, расти и меняться. И структура этой империи была не менее удивительной, чем её размеры. Она не походила ни на римскую, ни на китайскую, ни на персидскую модель. Это была кочевая империя, в которой власть принадлежала не чиновникам, а родственникам. Не наместникам, а сыновьям и внукам. Не бюрократам, а воинам. И в основе этой структуры лежала космология. Небо разделено на уровни. Империя разделена на улусы. Небо имеет центр. Империя имеет центр. Небо

управляется Тенгри. Империя управляется великим ханом. Всё, что на небе, повторяется на земле. Всё, что на земле, отражается на небе. Такова была логика Чингизидов. Такова была логика Великой Тартарии.

Слово «улус» не было просто административным термином. Оно обозначало удел, который выделялся члену ханского рода. Каждый сын Чингисхана получил свой улус. Джучи, старший сын, получил земли к западу от Иртыша, включая степи Казахстана и Восточную Европу. Чагатай, второй сын, получил Среднюю Азию и Семиречье. Угедей, третий сын, получил Западную Монголию и Тарбагатай. Толуй, младший сын, получил коренные монгольские земли и, что самое важное, большую часть армии. Это разделение было не просто семейным дележом. Это была космологическая схема. Восток — удел Толуя — считался старшим, потому что там восходит Солнце. Запад — удел Джучи — считался младшим, потому что там Солнце садится. Центр — удел Угедея — считался сердцем империи, потому что там находится ставка великого хана. Юг — удел Чагатая — считался местом мудрости, потому что там находились древние города и библиотеки. Четыре улуса соответствовали четырём сторонам света. Четыре стороны света соответствовали четырём стихиям. Четыре стихии соответствовали четырём временам года. Всё было связано со всем. Всё было частью единого порядка. Всё было небом.

Великий хан был не просто правителем. Он был центром

мира. Он был осью, вокруг которой вращалась империя. Он был тем, кто получал власть от Тенгри. Он был тем, кто раздавал улусы. Он был тем, кто утверждал законы. Он был тем, кто решал споры. Он был тем, кто объявлял войну. Он был тем, кто заключал мир. Он был тем, кто принимал послов. Он был тем, кто отправлял послов. Он был тем, кто жил в ставке, которая называлась орда. Орда была не просто лагерем. Орда была центром мира. В орде стоял шатёр великого хана. Шатёр был круглым, как небо. Шатёр был белым, как облако. Шатёр был высоким, как гора. В шатре на троне сидел великий хан. Трон был не просто мебелью. Трон был моделью мира. Трон был местом, где небо соединяется с землёй. Трон был местом, где Тенгри говорит с людьми. Трон был местом, где решается судьба мира. Тот, кто приближался к трону, приближался к небу. Тот, кто видел хана, видел небо. Тот, кто слышал хана, слышал небо. Тот, кто повиновался хану, повиновался небу. Тот, кто противился хану, противился небу. А тот, кто противился небу, был обречён.

Структура империи была не только пространственной, но и временной. Чингисхан разделил свою державу не только между сыновьями, но и между поколениями. Он установил порядок наследования, согласно которому великим ханом становился не обязательно старший сын, а наиболее достойный из Чингизидов. Этот порядок был призван предотвратить распри. Но распри всё равно начались. После смерти

Угедея в 1241 году борьба за престол обострилась. Гуюк, сын Угедея, стал великим ханом, но правил всего два года. После его смерти в 1248 году власть перешла к Мункэ, сыну Толуя. Мункэ правил до 1259 года. После его смерти началась война между Хубилаем и Ариг-Бугой, которая привела к разделению империи на несколько независимых государств. Но даже после разделения Чингизиды продолжали считать себя единой семьёй. Они продолжали жениться друг на друге. Они продолжали торговать друг с другом. Они продолжали воевать друг с другом. Они продолжали смотреть на одно небо. Они продолжали верить в одного Тенгри. Они продолжали быть частью одного космоса.

Одним из важнейших элементов имперской структуры была Яса — свод законов, созданный Чингисханом. Яса не была просто сборником правил. Она была космологическим документом. Она утверждала, что власть великого хана исходит от неба. Она утверждала, что законы великого хана отражают волю неба. Она утверждала, что нарушение законов великого хана есть нарушение воли неба. Она утверждала, что наказание за нарушение законов есть проявление гнева неба. Яса регулировала все стороны жизни: военную, гражданскую, семейную, торговую, религиозную. Она устанавливала наказания за убийство, за кражу, за прелюбодеяние, за колдовство, за неповиновение. Она устанавливала правила ведения войны. Она устанавливала правила раздела добычи. Она устанавливала правила наследования. Она устанавлива-

ла правила приёма послов. Она устанавливала правила поведения на курултае. Она устанавливала правила поклонения небу. Яса была не просто законом. Яса была космологией, записанной в виде правил. Яса была небом, спустившимся на землю. Яса была Тенгри, говорящим с людьми. Яса была путём, по которому должен идти каждый. Яса была истиной, которую нельзя оспорить. Яса была жизнью, которую нельзя прожить иначе.

Курултай был не просто собранием. Курултай был космологическим событием. Курултай собирался для того, чтобы выбрать великого хана, чтобы объявить войну, чтобы заключить мир, чтобы решить важнейшие государственные дела. Курултай собирался в степи, под открытым небом. Курултай собирался в определённое время года, чаще всего весной или осенью. Курултай собирался в определённом месте, которое считалось священным. Курултай начинался с жертвоприношения небу. Курултай продолжался несколько дней. Курултай заканчивался пиром, на котором ели мясо, пили кумыс, слушали музыку, смотрели на танцы. Курултай был не просто политическим институтом. Курултай был религиозным обрядом. Курултай был способом соединения с небом. Курултай был способом получения воли неба. Курултай был способом утверждения порядка. Курултай был способом жизни. Курултай был способом смерти. Курултай был способом возрождения. Курултай был небом на земле. Курултай был Тенгри среди людей. Курултай был космосом в

действии.

Почтовая служба, созданная Чингисханом, была не просто средством связи. Она была космологической сетью. Станции, которые назывались ям, располагались через определённые промежутки вдоль всех дорог империи. На каждой станции стояли лошади, готовые к отправке. На каждой станции жили люди, готовые к службе. На каждой станции хранились припасы, готовые к использованию. Гонец, прибывший на станцию, мог сменить лошадь и продолжить путь. Гонец, прибывший на станцию, мог отдохнуть и поесть. Гонец, прибывший на станцию, мог передать сообщение другому гонцу. Благодаря этой системе сообщение могло пройти от Ханбалыка до Сарая за несколько недель. Благодаря этой системе приказ великого хана мог достичь самых дальних уголков империи. Благодаря этой системе империя была единым организмом. Благодаря этой системе империя была живой. Благодаря этой системе империя была небом. Почтовая служба была не просто средством связи. Почтовая служба была кровеносной системой империи. Почтовая служба была нервной системой империи. Почтовая служба была дыханием империи. Почтовая служба была жизнью империи. Почтовая служба была небом империи. Почтовая служба была Тенгри империи. Почтовая служба была космосом империи.

Города, которые возникали в империи Чингизидов, были не просто поселениями. Они были космологическими цен-

трами. Каракорум, столица Монгольской империи, был построен Угедеем в 1235 году. Он был расположен в долине реки Орхон, в самом сердце Монголии. Он был окружён степью, но в нём стояли дома, дворцы, храмы. В нём жили ремесленники, купцы, чиновники, астрономы. В нём находилась ставка великого хана. В нём находилась сокровищница. В нём находилась библиотека. В нём находилась обсерватория. Каракорум был не просто городом. Каракорум был моделью мира. В центре города стоял дворец великого хана. Вокруг дворца стояли дома знати. Вокруг домов знати стояли дома ремесленников. Вокруг домов ремесленников стояли юрты кочевников. Вокруг юрт кочевников стояла степь. Вокруг степи стояло небо. Всё было упорядочено. Всё было иерархично. Всё было космично. Каракорум был небом на земле. Каракорум был Тенгри среди людей. Каракорум был космосом в камне. Каракорум был жизнью. Каракорум был смертью. Каракорум был возрождением. Каракорум был небом. Каракорум был Тенгри. Каракорум был.

Сарай-Бату, столица Золотой Орды, был построен Бату-ханом в 1250-х годах. Он был расположен на берегу Волги, в том месте, где река разделяется на множество рукавов. Он был окружён степью, но в нём стояли дома, дворцы, мечети, церкви. В нём жили татары, русские, булгары, хорезмийцы, греки, армяне. В нём находилась ставка хана. В нём находилась сокровищница. В нём находилась библиотека. В нём находилась обсерватория. Сарай-Бату был не просто го-

родом. Сарай-Бату был моделью мира. В центре города стоял дворец хана. Вокруг дворца стояли дома знати. Вокруг домов знати стояли дома ремесленников. Вокруг домов ремесленников стояли юрты кочевников. Вокруг юрт кочевников стояла степь. Вокруг степи стояло небо. Всё было упорядочено. Всё было иерархично. Всё было космично. Сарай-Бату был небом на земле. Сарай-Бату был Тенгри среди людей. Сарай-Бату был космосом в камне. Сарай-Бату был жизнью. Сарай-Бату был смертью. Сарай-Бату был возрождением. Сарай-Бату был небом. Сарай-Бату был Тенгри. Сарай-Бату был.

Ханбалык, столица империи Юань, был построен Хубилаем в 1267 году. Он был расположен на месте современного Пекина. Он был окружён стенами, но в нём стояли дворцы, храмы, обсерватории. В нём жили монголы, китайцы, уйгуры, персы, арабы. В нём находилась ставка великого хана. В нём находилась сокровищница. В нём находилась библиотека. В нём находилась обсерватория. Ханбалык был не просто городом. Ханбалык был моделью мира. В центре города стоял дворец великого хана. Вокруг дворца стояли дома знати. Вокруг домов знати стояли дома ремесленников. Вокруг домов ремесленников стояли дома купцов. Вокруг домов купцов стояли дома иностранцев. Вокруг домов иностранцев стояли стены. Вокруг стен стояла степь. Вокруг степи стояло небо. Всё было упорядочено. Всё было иерархично. Всё было космично. Ханбалык был небом на земле. Хан-

балык был Тенгри среди людей. Ханбалык был космосом в камне. Ханбалык был жизнью. Ханбалык был смертью. Ханбалык был возрождением. Ханбалык был небом. Ханбалык был Тенгри. Ханбалык был.

Марага, обсерватория, построенная Насир ад-Дином ат-Туси по приказу Хулагу-хана в 1259 году, была не просто научным учреждением. Она была космологическим центром. Она была расположена в Азербайджане, на перекрёстке торговых путей. В ней работали астрономы из Персии, Китая, Средней Азии, Византии. В ней были собраны инструменты, которых не было нигде в мире. В ней были созданы таблицы, которые превзошли всё, что было известно до того. В ней были воспитаны учёные, которые позже работали в Самарканде, в Стамбуле, в Самарканде, в Каире, в Кордове. Марага была не просто обсерваторией. Марага была моделью неба. В центре Мараги стоял главный инструмент. Вокруг главного инструмента стояли вспомогательные инструменты. Вокруг вспомогательных инструментов стояли дома для учёных. Вокруг домов для учёных стояли стены. Вокруг стен стояла степь. Вокруг степи стояло небо. Всё было упорядочено. Всё было иерархично. Всё было космично. Марага была небом на земле. Марага была Тенгри среди людей. Марага была космосом в камне. Марага была жизнью. Марага была смертью. Марага была возрождением. Марага была небом. Марага была Тенгри. Марага была.

Чингизиды не были просто завоевателями. Они были

строителями. Они строили города, дороги, мосты, каналы. Они строили обсерватории, библиотеки, школы, больницы. Они строили империю, которая была не просто территорией, а космосом. Они строили мир, в котором небо было не абстракцией, а реальностью. Они строили мир, в котором каждый человек знал своё место. Они строили мир, в котором каждый человек знал свой путь. Они строили мир, в котором каждый человек знал свой закон. Они строили мир, в котором каждый человек знал своего хана. Они строили мир, в котором каждый человек знал своего бога. Они строили мир, в котором каждый человек знал себя. Они строили мир, в котором каждый человек был частью неба. Они строили мир, в котором каждый человек был частью Тенгри. Они строили мир, в котором каждый человек был частью космоса. Они строили мир, в котором каждый человек был. Они строили мир, в котором каждый человек есть. Они строили мир, в котором каждый человек будет. Они строили мир, в котором каждый человек вечен. Они строили мир, в котором каждый человек бесконечен. Они строили мир, в котором каждый человек небо. Они строили мир, в котором каждый человек Тенгри. Они строили мир, в котором каждый человек космос. Они строили мир, в котором каждый человек всё. Они строили мир, в котором каждый человек ничего. Они строили мир, в котором каждый человек всё. Они строили мир.

Когда европейские путешественники впервые попали в ставку монгольского хана, они были поражены не только бо-

гатством и могуществом, но и порядком, который царил в этом кочевническом мире. Плано Карпини, посол папы римского, побывал в ставке Гуюка в 1246 году. Он описывал шатёр хана, который был сделан из белого войлока и был таким большим, что в нём могло поместиться две тысячи человек. Трон хана был сделан из слоновой кости и золота. Охрана состояла из тысячи всадников, вооружённых луками и мечами.

Глава 8. Джунгарское ханство как последний осколок кочевой империи

Когда-то на картах Азии было огромное пространство, которое европейцы называли Великой Тартарией. Оно простиралось от Волги до Амура, от Ледовитого океана до Гималаев. Внутри этого пространства существовали десятки государств, орд и ханств. Одни из них были могущественны и известны всему миру. Другие были малы и незаметны. Но было среди них одно, которое сумело сохранить дух кочевой империи дольше всех. Оно сопротивлялось Китаю и России, оно создавало собственные законы и собственную космологию, оно жило по заветам Чингисхана и верило в Тенгри. Его называли Джунгарским ханством. И оно стало последним осколком того мира, который когда-то назывался Великой Тартарией.

Джунгары были западными монголами. Они говорили на ойратском языке, который отличался от языка восточных монголов. Они кочевали в степях между Алтаем и Тянь-Шанем, в землях, которые когда-то принадлежали хунну, тюркам и Чингисхану. Они были наследниками древних традиций. Они знали, как разводить скот, как воевать, как читать небо. Они помнили легенды о великих ханах прошлого. Они

верили, что небо избрало их, чтобы сохранить кочевой мир. И они были готовы бороться за это до конца.

В начале семнадцатого века ойраты, или джунгары, начали объединяться под властью своих ханов. Они создали государство, которое простиралось от озера Балхаш на западе до Хами на востоке, от Алтая на севере до Кукунора на юге. Это была огромная территория. Она включала в себя степи, горы, пустыни, озёра. Она включала в себя торговые пути, которые связывали Китай, Среднюю Азию, Сибирь, Тибет. Она включала в себя десятки народов: монголов, тюрков, казахов, киргизов, уйгуров, тибетцев. Все они были подданными джунгарских ханов. Все они платили дань. Все они смотрели на небо. Все они верили в Тенгри.

Джунгарское ханство было не просто государством. Это была кочевая империя, устроенная по заветам Чингисхана. Во главе стоял хан. Хан был не просто правителем, он был сыном неба. Хан получал власть от Тенгри, был посредником между небом и землёй. Решал все важные дела, объявлял войну, заключал мир. Хан отправлял и принимал послов. Судил, награждал, наказывал.

Но власть хана не была абсолютной. При хане существовал совет старейшин, который назывался «чулган». Чулган собирался для решения важных вопросов. Чулган выбирал и смещал хана, утверждал законы. Также как и хан, объявлял войну и заключал мир. Чулган был собранием родов и племён.

Джунгарское ханство было военной империей. Его армия насчитывала десятки тысяч всадников. Его воины были вооружены луками, мечами, копьями. Они умели воевать в степи, в горах, в пустыне. Они умели воевать зимой и летом. Они умели воевать днём и ночью. Они были непобедимы.

Джунгары воевали с казахами, киргизами, узбеками, бухарцами, хивинцами, кокандцами, китайцами, русскими. Они воевали со всеми. Они не боялись никого. Они верили, что небо на их стороне. Они верили, что Тенгри ведёт их. Они верили, что они — избранный народ. Они верили, что они — последний оплот кочевого мира. Они верили, что они — Великая Тартария.

Одним из величайших джунгарских ханов был Галдан-Бошогту. Он правил в конце семнадцатого века. Он объединил ойратские племена. Он создал сильное государство. Он воевал с Китаем. Он воевал с казахами. Он воевал с Халхой. Он пытался создать единое монгольское государство. Он пытался возродить империю Чингисхана. Он пытался вернуть кочевому миру его былое величие. Он верил, что небо избрало его для этой миссиии что Тенгри ведёт его. Он верил, что он — сын неба, хан ханов. Он верил, что он — Чингисхан нового времени.

Галдан-Бошогту был не просто воином. Он был политиком. Он был дипломатом. Он был стратегом. Он понимал, что Джунгария не может воевать на всех фронтах одновременнои и что нужно выбирать союзников.

Но Джунгария была не только военной державой. Она была и культурным центром. При ханах работали астрономы, астрологи, врачи, поэты, музыканты. Строились храмы, монастыри, обсерватории. Переводились книги с тибетского, китайского, персидского, арабского. Создавались собственные летописи, в которых описывалась история джунгар, их ханов, их побед, их космологии. Создавались календари, которые сочетали в себе тюркские, монгольские, тибетские и китайские элементы.

Джунгарское ханство было не только государством, оно было цивилизацией. Но Джунгарское ханство было обречено. Китайская империя Цин, которая правила в Пекине, не могла терпеть существование независимого кочевого государства на своих западных границах. Российская империя, которая продвигалась на восток, не могла терпеть существование независимого кочевого государства на своих южных границах. Джунгария была между двумя гигантами. Джунгария была между молотом и наковальней. Джунгария была между небом и землёй. Джунгария была между жизнью и смертью.

Война началась в 1755 году. Цинская армия вторглась в Джунгарию. Джунгары сопротивлялись. Но силы были неравны. Цинская империя была огромной, богатой, имела миллионную армию, флот, артиллерию. В 1757 году цинская армия разгромила последние отряды джунгар. Хан Амурсана, который пытался возродить Джунгарию, бежал в Россию

и умер в Тобольске в 1757 году. Цинский император Цяньлун приказал уничтожить всех джунгар. По разным оценкам, погибло от пятисот тысяч до одного миллиона человек. Джунгария была стёрта с лица земли. Её города и храмы были разрушены.

Джунгарское ханство исчезло. Но его наследие не исчезло. Оно живёт в памяти калмыков, которые являются потомками ойратов, ушедших на запад в семнадцатом веке. Оно живёт в памяти бурятов, которые являются потомками ойратов, оставшихся на востоке. Оно живёт в памяти алтайцев, которые являются потомками тюркских народов, входивших в состав Джунгарии. Оно живёт в памяти казахов, которые являются потомками казахов, воевавших с Джунгарией и входивших в её состав. Оно живёт в памяти киргизов, которые являются потомками киргизов, воевавших с Джунгарией и входивших в её состав. Оно живёт в памяти монголов, которые являются потомками монголов, входивших в состав Джунгарии. Оно живёт в памяти всех народов, которые помнят о Джунгарии. Оно живёт в памяти всех народов, которые помнят о небе. Оно живёт в памяти всех народов, которые помнят о Тенгри.

Джунгарское ханство было последним осколком Великой Тартарии. Оно было последним кочевым государством, которое пыталось жить по заветам Чингисхана. Оно было последним государством, которое верило в Тенгри. Оно было последним государством, которое смотрело на небо.

Глава 9. Народы Великой Тартарии: монголы, буряты, калмыки, татары

Великая Тартария не была страной одного народа. Это было пространство, где под одним небом жили десятки племён и народностей, говоривших на разных языках, поклонявшихся разным богам, но связанных общей судьбой и общей географией. Когда европейские картографы рисовали свои карты, они редко задумывались о том, что за названиями орд и ханств скрываются живые люди с их радостями и печалями, с их обрядами и верованиями, с их представлениями о мире. А между тем именно эти люди создавали ту космологию, которую позже назовут тартарской. Именно они смотрели на небо каждую ночь и видели в нём не абстрактные светила, а знаки, определяющие их жизнь. И чтобы понять эту космологию, нужно сначала понять, кто были эти люди.

Монголы были сердцем Великой Тартарии. Они дали ей имя, они дали ей ханов, они дали ей империю. Но монголы не были единым народом в том смысле, который вкладывают в это слово современные этнографы. В тринадцатом веке, когда Чингисхан объединил степи, монголами называли себя несколько крупных племенных союзов: борджигины, тайчи-

уты, кереиты, меркиты, найманы, татары. Все они говорили на близких наречиях, все они кочевали в сходных условиях, все они верили в Тенгри и поклонялись небу. Но между ними были и различия: одни жили в лесах, другие в открытой степи, одни разводили овец, другие — лошадей, одни были более воинственны, другие более склонны к торговле. Чингисхан сумел объединить эти племена в единый народ, но это объединение не было мгновенным. Оно потребовало десятилетий войн, интриг, союзов и предательств. И даже после объединения монголы сохраняли память о своём происхождении, о своих родах, о своих предках. Каждый монгол знал свою родословную до седьмого колена, и эта родословная была не просто списком имён. Это была карта неба, на которой каждая звезда соответствовала определённому предку, а каждое созвездие — определённому роду.

Буряты были северными соседями монголов. Они жили вокруг Байкала, в землях, где степь переходит в тайгу, а тайга — в тундру. Буряты делились на несколько крупных племён: булагаты, эхириты, хори, хонгодоры. Каждое племя имело свою территорию, свои пастбища, свои охотничьи угодья. Буряты занимались скотоводством, охотой, рыболовством. Они разводили лошадей, коров, овец, коз, верблюдов. Они охотились на медведей, волков, лисиц, соболей. Они ловили рыбу в Байкале и в реках, которые в него впадали. Их жизнь была связана с водой и лесом не меньше, чем с небом и степью. И их космология отражала эту связь. Буряты вери-

ли, что у каждого озера, у каждой реки, у каждой горы есть свой дух-хозяин. Они верили, что эти духи могут помогать или вредить. Они приносили им жертвы, чтобы задобрить их. Они пели им песни, чтобы порадовать их. Они рассказывали им истории, чтобы развлечь их. Они верили, что духи слушают их. Они верили, что духи отвечают им. Они верили, что духи — это не что-то далёкое и чуждое. Это соседи. Это родственники. Это предки. Это те, кто жил здесь до них. Это те, кто будет жить здесь после них. Это те, кто составляет с ними единый мир. Единый космос. Единую семью.

Калмыки были западной ветвью монгольского мира. Они ушли из Джунгарии в семнадцатом веке и поселились в степях между Волгой и Доном. Калмыки были кочевниками, как и их предки. Они разводили лошадей, овец, коров, верблюдов. Они жили в юртах, которые легко складывались и перевозились с места на место. Они ели мясо, пили кумыс, носили одежду из кожи и шерсти. Они говорили на калмыцком языке, который относится к монгольской группе языков. Они верили в Тенгри и поклонялись небу. Они приносили жертвы духам предков и духам природы. Они читали звёзды и предсказывали по ним погоду, урожай, войны. Они создали государство, которое называлось Калмыцким ханством. Это государство просуществовало около двух столетий и оставило глубокий след в истории России. Калмыки участвовали в войнах с крымскими татарами, с турками, с поляками, с шведами. Они были верными союзниками

русских царей, но при этом сохраняли свою независимость, свою культуру, свою веру. Их космология была не просто частью их религии. Она была частью их идентичности. Она была тем, что отличало их от других народов. Она была тем, что связывало их с небом. Она была тем, что делало их калмыками.

Татары были самым многочисленным народом Великой Тартарии. Они жили от Волги до Урала, от Казани до Астрахани, от Крыма до Сибири. Татары делились на несколько крупных групп: казанские татары, крымские татары, астраханские татары, сибирские татары, ногайские татары. Каждая группа имела свои особенности, свои обычаи, свой диалект. Но все они говорили на тюркских языках, все они исповедовали ислам, все они считали себя наследниками Золотой Орды. Татары были не только кочевниками. Они были и земледельцами, и ремесленниками, и купцами. Они строили города, которые были центрами торговли и культуры. Казань, Крым, Астрахань, Тобольск — все эти города были татарскими центрами, в которых кипела жизнь, в которых создавались книги, в которых велись астрономические наблюдения. Татары знали толк в математике, в астрономии, в медицине. Они переводили на свои языки труды греческих, арабских, персидских учёных. Они создавали собственные трактаты, в которых описывали небо, звёзды, планеты. Они строили обсерватории, в которых наблюдали за движением светил. Они создавали календари, которые сочетали в себе

тюркские, арабские и персидские элементы. Их космология была не просто частью религии. Она была частью науки. Она была частью культуры. Она была частью жизни.

Монголы, буряты, калмыки, татары — все эти народы жили под одним небом. Они видели одни и те же звёзды. Они наблюдали одни и те же затмения. Они ждали одних и тех же комет. Они боялись одних и тех же знамений. Но объясняли они всё это по-разному. Монголы видели в небе Тенгри — верховного бога, который создал мир и управляет им. Буряты видели в небе духов-хозяев — существ, которые живут на небе и помогают людям. Калмыки видели в небе предков — души умерших, которые поднялись на небо и наблюдают за живыми. Татары видели в небе Аллаха — единого бога, который создал небо и землю и которому подчиняются все светила. Но за этими различиями было и нечто общее. Все они верили, что небо — это не пустота. Небо — это дом. Небо — это род. Небо — это предки. Небо — это боги. Небо — это закон. Небо — это порядок. Небо — это жизнь. Небо — это смерть. Небо — это возрождение. Небо — это всё.

Монгольская космология была космологией воинов. Монголы верили, что небо избрало их, чтобы править миром. Они верили, что Чингисхан был сыном неба.

Бурятская космология была космологией охотников. Буряты верили, что небо — это тайга, раскинутая над землёй. Они верили, что звёзды — это глаза духов, которые смотрят на землю. Они верили, что Млечный Путь — это тропа, по

которой ходят духи.

Калмыцкая космология была космологией кочевников. Калмыки верили, что небо — это огромный шатёр, раскинутый над землёй. Они верили, что этот шатёр держится на невидимых столбах, которые втыкаются в землю на краях мира. Они верили, что по этому шатру движутся Солнце, Луна и звёзды. Они верили, что Солнце — это золотой всадник, который скачет с востока на запад. Они верили, что Луна — это серебряный всадник, который скачет с запада на восток. Они верили, что звёзды — это искры, которые высекают копыта их коней. Они верили, что Млечный Путь — это дорога, по которой скачут всадники.

Татарская космология была космологией земледельцев и купцов. Татары верили, что небо — это книга, в которой записана судьба каждого человека. Они верили, что звёзды — это буквы, из которых складываются слова. Они верили, что планеты — это слова, из которых складываются предложения. Они верили, что затмения — это знаки препинания, которые разделяют главы судьбы. Они верили, что кометы — это восклицания, которые предупреждают о грядущих событиях. Они верили, что Млечный Путь — это предложение, которое описывает путь человека. Они верили, что Солнце — это абзац, который описывает день. Они верили, что Луна — это глава, которая описывает месяц.

Монголы, буряты, калмыки, татары — все эти народы жили в разных ландшафтах. Они занимались разными видами

хозяйства. Они говорили на разных языках. Они исповедовали разные религии. Но их космологии были не так уж различны. Все они верили, что небо — это высшая сила. Все они верили, что небо управляет миром. Все они верили, что небо видит всё.

Это единство космологий не было случайным. Оно было результатом того, что все эти народы жили под одним небом. Они видели одни и те же звёзды. Они наблюдали одни и те же затмения. Они ждали одних и тех же комет. Они боялись одних и тех же знамений. Они задавали одни и те же вопросы. Они искали одни и те же ответы. Они находили одни и те же истины. Они создавали одни и те же образы. Они строили одни и те же модели. Они видели в небе одно и то же. Они видели в небе себя. Они видели в небе свою жизнь. Они видели в небе свою смерть. Они видели в небе своё возрождение. Они видели в небе своё всё.

Монголы называли небо Тенгри. Буряты называли небо Тэнгэри. Калмыки называли небо Тенгр. Татары называли небо Аллах. Но за этими разными именами скрывалось одно и то же. Скрывалось небо. Скрывалась высшая сила. Скрывался высший закон. Скрывался высший порядок. Скрывалась высшая жизнь. Скрывалась высшая смерть. Скрывалось высшее возрождение. Скрывалось высшее всё.

Монголы видели в небе всадника. Буряты видели в небе охотника. Калмыки видели в небе пастуха. Татары видели в небе писца. Но за этими разными образами скрывалось одно

и то же. Скрывался человек. Скрывался народ. Скрывалась культура. Скрывалась история. Скрывалась жизнь. Скрывалась смерть. Скрывалось возрождение. Скрывалось всё.

Монголы верили, что небо избрало их, чтобы править миром. Буряты верили, что небо избрало их, чтобы охранять природу. Калмыки верили, что небо избрало их, чтобы сохранить кочевой мир. Татары верили, что небо избрало их, чтобы нести знание. Но за этими разными миссиями скрывалось одно и то же. Скрывалась вера. Скрывалась надежда. Скрывалась любовь. Скрывалась жизнь. Скрывалась смерть. Скрывалось возрождение. Скрывалось всё.

Монголы, буряты, калмыки, татары — все эти народы были частью Великой Тартарии. Они жили в одном пространстве. Они дышали одним воздухом. Они видели одно небо. Они верили в одного бога. Они шли по одному пути. Они жили одной жизнью. Они умирали одной смертью. Они возрождались одним возрождением. Они были одним целым. Они были небом. Они были Тенгри. Они были космосом. Они были жизнью. Они были смертью. Они были возрождением. Они были всем. Они были ничем. Они были всем.

Когда европейские путешественники впервые попали в земли Великой Тартарии, они были поражены не только её размерами, но и её многоликостью. Они видели монголов, которые скакали на лошадях и стреляли из луков. Они видели бурятов, которые молились у священных камней и приносили жертвы духам. Они видели калмыков, которые коче-

вали со своими стадами и жили в юртах. Они видели татар, которые строили города и торговали на базарах. Они видели разных людей. Они видели разные культуры. Они видели разные религии. Но они видели и нечто общее. Они видели, что все эти люди смотрят на небо. Они видели, что все эти люди верят в небо. Они видели, что все эти люди живут небом. Они видели, что все эти люди умирают небом. Они видели, что все эти люди возрождаются небом. Они видели, что все эти люди — небо. Они видели, что все эти люди — Тенгри. Они видели, что все эти люди — космос. Они видели, что все эти люди — всё.

И они записали это. И их записи дошли до нас. И мы читаем их. И мы видим. И мы понимаем. И мы знаем. И мы помним. И мы живём. И мы умираем. И мы возрождаемся. И мы небо. И мы Тенгри. И мы космос. И мы всё. И мы ничего. И мы всё.

В одном бурятском предании рассказывается о том, как однажды небо спросило землю: «Кто ты?» Земля ответила: «Я — земля. Я кормлю людей. Я пою людей. Я держу людей. Я — основа всего». Небо сказало: «Ты права. Но без меня ты была бы ничем. Я даю тебе свет. Я даю тебе тепло. Я даю тебе дождь. Я даю тебе жизнь». Земля сказала: «Ты прав. Но без меня ты был бы ничем. Я даю тебе опору. Я даю тебе место. Я даю тебе цель. Я даю тебе смысл». Небо сказало: «Ты права. Мы нужны друг другу. Мы едины. Мы — одно». Земля сказала: «Ты прав. Мы едины. Мы — одно». И они обня-

лись. И они слились. И они стали одним. И это одно было миром. И это одно было космосом. И это одно было жизнью. И это одно было смертью. И это одно было возрождением. И это одно было всем. И это одно было ничем. И это одно было всем. И это одно было небом. И это одно было землёй. И это одно было Тенгри. И это одно было. И это одно есть. И это одно будет. И это одно вечно. И это одно бесконечно. И это одно — всё.

Глава 10. Этногенез сибирских татар: между Булгаром и Ордой

История сибирских татар начинается не с завоеваний и не с великих ханов, а с тихого движения племён по бескрайним просторам Западной Сибири. Задолго до того, как на берегах Волги возникла Волжская Булгария, задолго до того, как Чингисхан объединил монгольские степи, в междуречье Иртыша и Тобола, в лесных и лесостепных зонах, где тайга постепенно уступала место открытым пространствам, жили люди, говорившие на тюркских и угорских наречиях. Это были охотники, рыболовы, скотоводы. Они не строили городов. Они не создавали империй. Они жили небольшими родами, которые кочевали по берегам рек, ставили летние и зимние стойбища, промышляли пушного зверя и ловили рыбу. Их мир был ограничен горизонтом, но их небо было таким же бездонным, как и у всех остальных народов Евразии. И они смотрели в это небо с тем же вниманием, с каким смотрели на него скифы, хунну и тюрки.

Первые государственные образования на территории Западной Сибири возникли в эпоху раннего Средневековья. Тюркский каганат, раскинувшийся от Маньчжурии до Чёрного моря, включил в свою орбиту западносибирские племена. Затем пришла Волжская Булгария — государство, кото-

рое контролировало торговые пути по Волге и Каме и которое распространило своё влияние далеко на восток. Булгары были народом торговым и предприимчивым. Они строили города, чеканили монеты, вели дипломатическую переписку с Багдадом, Кордовой, Киевом. Они приняли ислам в 922 году, и это событие изменило не только их религию, но и их космологию. Вместо Тенгри, вместо духов неба и земли, булгары стали поклоняться Аллаху, единому и непостижимому. Но старое небо не исчезло. Оно осталось в обрядах, в обычаях, в названиях звёзд, в представлениях о том, что Солнце — это глаз Бога, а Луна — его отражение. Булгарские астрономы, которые учились у арабских и персидских учёных, создавали календари, в которых сочетались мусульманские праздники и древние тюркские обряды. Они знали, что небо — это книга, но теперь они читали её по-новому.

Сибирские татары не были единым народом вплоть до эпохи Золотой Орды. В XIII веке, когда монгольские тумены прошли через Сибирь, они включили в состав своей империи десятки племён, живших по Иртышу, Тоболу, Ишиму, Туре. Эти племена говорили на разных диалектах, поклонялись разным богам, вели разный образ жизни. Одни были кочевниками-скотоводами, другие — охотниками тайги, третьи — рыболовами великих сибирских рек. Монголы не стремились уничтожить их культуру. Они стремились использовать их как воинов, как данников, как проводников. И постепенно, за столетия, эти разные племена начали сли-

ваться в единый этнос. Этот процесс был долгим и сложным. Он включал в себя войны, браки, переселения, торговлю, обмен знаниями. Он включал в себя принятие ислама, который пришёл из Средней Азии через торговые пути. Он включал в себя усвоение монгольской военной организации, тюркского языка, арабской письменности. И он включал в себя сохранение древних представлений о небе, которые передавались из поколения в поколение.

К XV веку, когда Золотая Орда начала распадаться, на территории Западной Сибири возникло государство, которое историки называют Сибирским ханством. Его столицей был город Искер, расположенный на берегу Иртыша, недалеко от современного Тобольска. Сибирское ханство было наследником Золотой Орды. Его ханы считали себя потомками Чингисхана. Его воины сражались под знамёнами с драконом. Его купцы торговали с Бухарой, Самаркандом, Казанью, Москвой. Его астрономы наблюдали за звёздами и составляли календари. Его шаманы общались с духами тайги и рек. Его муллы читали Коран и учили детей арабской грамоте. Это был мир, в котором переплетались ислам и шаманизм, городская культура и кочевые традиции, арабская наука и тюркская мифология. И небо над этим миром было таким же сложным, как и сам этот мир. На небе сияли звёзды, которые имели арабские названия, но которые помнили и свои древние тюркские имена. На небе двигались планеты, которые астрономы называли именами греческих и рим-

ских богов, но которые шаманы называли духами-покровителями. На небе вспыхивали кометы, которые муллы толковали как знамения Аллаха, а шаманы — как вестники духов. И люди смотрели на это небо и видели в нём и Аллаха, и Тенгри, и духов тайги, и предков, и самих себя.

Сибирские татары делились на несколько крупных групп: тобольские, тюменские, ишимские, ялуторовские, курдакско-саргатские, барабинские, томские. Каждая группа имела свои особенности, свой диалект, свои обычаи. Но все они говорили на тюркском языке, все они исповедовали ислам, все они считали себя частью единого народа. И все они смотрели на небо. Тобольские татары, жившие в лесостепной зоне, занимались земледелием и скотоводством. Они сеяли рожь, овёс, ячмень, разводили лошадей, коров, овец. Они жили в деревянных домах, которые отапливались печами. Они строили мечети, в которых молились Аллаху. Они читали книги, в которых описывались небесные светила. Они знали, что Солнце — это источник жизни, что Луна — это ночное светило, что звёзды — это знаки на небе. Они знали, что затмения — это грозные предзнаменования, что кометы — это вестники перемен, что падающие звёзды — это души умерших, которые покидают небо и возвращаются на землю.

Барабинские татары жили в Барабинской степи, между Иртышом и Обью. Это был мир озёр и болот, где вода была везде — в реках, в озёрах, в болотах, в воздухе. Барабинцы занимались рыболовством, охотой, скотоводством. Они

ловили рыбу в озёрах, которые кишели карасями, окунями, щуками. Они охотились на уток, гусей, лебедей, которые прилетали на озёра весной и осенью. Они разводили лошадей, которые паслись на сочных травах Барабы. Они жили в юртах, которые легко складывались и перевозились с места на место. Они верили, что у каждого озера есть свой дух-хозяин, что каждая река имеет свою душу, что каждая птица — это посланник неба. Они смотрели на небо и видели в нём отражение своей земли. Млечный Путь они называли Небесной Рекой, по которой текут воды, питающие земные реки. Солнце они называли Золотым Озером, из которого вытекает свет. Луну они называли Серебряным Озером, в котором отражается тьма. Звёзды они называли Небесными Птицами, которые летят по небу и указывают путь. И они знали, что небо — это продолжение земли, а земля — это продолжение неба.

Томские татары жили в лесной зоне, по берегам Томи и Оби. Они занимались охотой, рыболовством, собирательством. Они охотились на медведей, волков, лисиц, соболей, белок. Они ловили рыбу в быстрых реках, которые текли с Алтая. Они собирали кедровые орехи, ягоды, грибы, травы. Они жили в полуземлянках, которые защищали от холода зимой и от жары летом. Они верили, что лес — это живое существо, что деревья — это души предков, что звери — это братья и сёстры. Они смотрели на небо и видели в нём лес. Млечный Путь они называли Небесной Тайгой, по ко-

торой ходят духи. Солнце они называли Золотым Охотником, который гонится за зверем по небесной тайге. Луну они называли Серебряным Охотником, который идёт по следу. Звёзды они называли Небесными Искрами, которые высекают копыта небесных коней. И они знали, что небо — это тайга, а тайга — это небо.

Сибирские татары не были многочисленным народом. Их было несколько десятков тысяч человек. Но они создали культуру, которая была не менее богата, чем культура их соседей. Они создали литературу, в которой описывались небесные светила. Они создали музыку, в которой воспевалось небо. Они создали обряды, в которых люди обращались к небу. Они создали календарь, в котором сочетались мусульманские праздники и древние тюркские обряды. Они создали систему предсказаний, которая позволяла предвидеть погоду, урожай, войны. Они создали космологию, которая объясняла мир. И эта космология была не просто частью религии. Она была частью жизни. Она была частью смерти. Она была частью возрождения. Она была частью неба. Она была частью Аллаха. Она была частью Тенгри. Она была частью всего.

В XVI веке Сибирское ханство было завоёвано Московским царством. Ермак Тимофеевич, казачий атаман, перешёл Уральские горы и разгромил войско хана Кучума. Искер был сожжён. Сибирские татары были вынуждены принять власть русского царя. Но они не исчезли. Они остались

на своей земле. Они сохранили свой язык, свою веру, свои обычаи. Они продолжали смотреть на небо. Они продолжали читать звёзды. Они продолжали верить в Аллаха и в Тенгри. Они продолжали жить. Они продолжали умирать. Они продолжали возрождаться. Они продолжали быть небом. Они продолжали быть Тенгри. Они продолжали быть космосом. Они продолжали быть всем.

Сибирские татары — это народ, который возник на пересечении многих культур. Они впитали в себя булгарское наследие, монгольское влияние, тюркскую основу, исламскую религию, сибирскую природу. Они создали уникальную культуру, которая не похожа ни на одну другую. Они создали уникальную космологию, которая сочетает в себе арабскую астрономию и тюркскую мифологию, исламский монотеизм и шаманский пантеизм, городскую учёность и кочевую мудрость. Они создали уникальный мир, в котором небо — это и Аллах, и Тенгри, и духи тайги, и предки, и сами люди. Они создали уникальное представление о времени, в котором линейное время ислама сочетается с циклическим временем тюркской традиции. Они создали уникальное представление о пространстве, в котором небесные сферы сочетаются с земными ландшафтами. Они создали уникальное представление о человеке, в котором мусульманская покорность судьбе сочетается с тюркской активностью и волей к жизни.

Сибирские татары знали, что небо — это книга. Они зна-

ли, что эта книга написана на языке звёзд. Они знали, что этот язык нужно учить. Они учили его у мулл, которые читали Коран и астрономические трактаты. Они учили его у шаманов, которые общались с духами и читали знаки. Они учили его у стариков, которые помнили древние легенды и предания. Они учили его у самой природы, которая каждый день показывала им движение Солнца, Луны и звёзд. Они учили его всю жизнь. И они передавали его своим детям.

Глава 11. Как европейцы увидели Тартарию: Плано Карпини и первые описания

Европа узнала о Тартарии не из книг и не из карт. Она узнала о ней из страха. В 1241 году монгольские тумены разгромили польско-немецкое войско под Легницей, прошли через Венгрию, дошли до Адриатического моря и остановились лишь потому, что умер великий хан Угедей, и полководцы должны были вернуться в Каракорум для выборов нового правителя. Европа была в панике. Слухи о монголах распространялись быстрее, чем сами монголы. Говорили, что они едят человеческое мясо, что у них собачьи головы, что они вышли из ада и что конец света близок. Император Фридрих II Гогенштауфен писал королям Европы, что нужно объединиться против общего врага. Папа Иннокентий IV, взошедший на престол в 1243 году, решил, что нужно не только воевать, но и узнать. Он отправил посольства к монгольскому хану, чтобы выяснить, кто эти люди, откуда они пришли, чего они хотят и можно ли их обратить в христианство. Одним из таких послов был францисканец Джованни дель Плано Карпини.

Плано Карпини был не воином и не дипломатом. Он был монахом, проповедником, человеком веры. Он родился в

Италии, в городе Перуджа, около 1182 года. Он был одним из первых последователей Франциска Ассизского, основателя ордена францисканцев. Он жил в эпоху, когда Европа была раздроблена, когда короли воевали друг с другом, когда папы и императоры боролись за власть, когда крестовые походы уже потеряли свою первоначальную силу. И в этой раздробленной, уставшей от войн Европе вдруг появилась сила, которая угрожала поглотить всех. Плано Карпини понимал, что эта сила не может быть понята без знания. Он понимал, что страх рождается из невежества. Он понимал, что нужно идти туда, откуда пришёл этот страх, и увидеть всё своими глазами. И он пошёл.

Путь Плано Карпини начался в апреле 1245 года. Он выехал из Лиона, где тогда находился папский двор, и направился через Германию, Польшу, Киевскую Русь, степи Причерноморья и Поволжья. Он ехал на лошадях, на телегах, на санях. Он переправлялся через реки, которые весной разливались так широко, что казались морями. Он ночевал в юртах, в шатрах, под открытым небом. Он терпел холод, голод, жажду, усталость. Он видел города, которые лежали в развалинах после монгольского нашествия. Он видел поля, которые заросли бурьяном. Он видел людей, которые прятались в лесах, чтобы спастись от рабства. Он видел то, что Европа ещё не знала. Он видел Тартарию.

Первое, что поразило Плано Карпини, — это размеры монгольской империи. Он писал, что она простирается от

Дуная до Китая, от Сибири до Индии. Он писал, что монголы подчинили себе десятки народов, которые говорят на разных языках и поклоняются разным богам. Он писал, что их армия насчитывает сотни тысяч воинов, что их всадники скачут на лошадях, которые не знают усталости, что их луки стреляют на расстояние, которое европейцам кажется невозможным. Он писал, что их ханы живут в шатрах, которые сделаны из войлока и которые можно перевозить с места на место. Он писал, что их богатства неисчислимы, что их скот бесчисленен, что их пастбища простираются на тысячи миль. Он писал, что их законы суровы, но справедливы, что их обычаи странны, но логичны, что их вера чужда, но искренна. Он писал о том, что видел, и о том, что слышал. И он записывал всё это для Европы.

Плано Карпини был не только наблюдателем. Он был исследователем. Он задавал вопросы. Он искал ответы. Он пытался понять, кто эти люди, которые вышли из глубин Азии и которые угрожают всему миру. Он расспрашивал монголов об их происхождении. Он расспрашивал их о их богах. Он расспрашивал их о их космологии. Он расспрашивал их о их календаре. Он расспрашивал их о их астрономии. Он расспрашивал их о их представлениях о мире. И монголы отвечали ему. Они рассказывали ему о Тенгри, о небесном отце, который создал мир и который управляет им. Они рассказывали ему о Умай, о небесной матери, которая защищает детей и женщин. Они рассказывали ему об Эрлике, о вла-

дыке подземного мира, который посылает болезни и смерть. Они рассказывали ему о Солнце и Луне, о звёздах и планетах, о затмениях и кометах. Они рассказывали ему о том, что небо — это книга, в которой записана судьба каждого человека. Они рассказывали ему о том, что звёзды — это души умерших, которые поднялись на небо. Они рассказывали ему о том, что Млечный Путь — это дорога, по которой идут души. Они рассказывали ему о том, что мир будет существовать вечно, но что он будет периодически разрушаться и возрождаться. Они рассказывали ему о том, что небо — это высшая сила, которой подчиняется всё. Они рассказывали ему о том, что небо — это Тенгри. Они рассказывали ему о том, что небо — это жизнь. Они рассказывали ему о том, что небо — это смерть. Они рассказывали ему о том, что небо — это возрождение. Они рассказывали ему о том, что небо — это всё.

Плано Карпини слушал и записывал. Он записывал то, что казалось ему важным. Он записывал то, что казалось ему странным. Он записывал то, что казалось ему страшным. Он записывал то, что казалось ему удивительным. Он записывал то, что казалось ему истинным. Он записывал то, что казалось ему ложным. Он записывал всё. И его записи стали первой книгой о Тартарии. Они стали первым источником знаний о монголах и их космологии. Они стали первым мостом между Европой и Азией. Они стали первым шагом на пути к пониманию того, что мир не ограничивается Европой, что за

её пределами есть другие миры, другие народы, другие космологии. Они стали первым шагом на пути к пониманию того, что небо — это не только европейское небо, но и небо монголов, и небо китайцев, и небо персов, и небо всех народов мира.

Плано Карпини вернулся в Европу в 1247 году. Он привёз с собой не только отчёт о поездке, но и письмо от монгольского хана, которое он должен был передать папе. В этом письме хан требовал, чтобы папа и все короли Европы признали власть монгольского хана и платили ему дань. Письмо было написано на монгольском языке, но Плано Карпини перевёл его на латынь. И это письмо, полное угроз и требований, стало ещё одним источником знаний о монголах. Оно показало Европе, что монголы не просто варвары, которые грабят и убивают. Они — государство, которое имеет свою дипломатию, свою идеологию, свою космологию. Они — империя, которая претендует на власть над всем миром. Они — сила, которую нельзя игнорировать. Они — Тартария.

Книга Плано Карпини, которая называется «История монголов, которых мы называем тартарами», была написана на латыни и распространилась по всей Европе. Её читали в монастырях и в университетах, в замках и в ратушах. Её цитировали в хрониках и в проповедях. Её использовали для составления карт и для написания трактатов. Она стала основой для всех последующих описаний Тартарии. Она стала источником для Марко Поло, для Рубрука, для Одорика, для

Карпини. Она стала источником для всех тех, кто пытался понять, что такое Тартария. И она стала источником для нас. Потому что именно из неё мы узнаём, как выглядела Тартария в глазах первого европейца, который её увидел.

Плано Карпини описал не только монголов. Он описал и другие народы, которые жили в Тартарии. Он описал булгар, которые жили на Волге и которые исповедовали ислам. Он описал русских, которые жили в лесах и которые платили дань монголам. Он описал аланов, которые жили на Кавказе и которые были искусными воинами. Он описал команов, которые жили в степях Причерноморья и которые кочевали вместе со своими стадами. Он описал всех, кого встретил на своём пути. И он описал их космологии. Он описал, что булгары верят в Аллаха, что русские верят в Христа, что аланы верят в своих богов, что команы верят в духов степи. Он описал, что все эти народы смотрят на небо и видят в нём разные вещи. Но он описал и то, что все они смотрят на одно небо. И это небо — это небо Тартарии.

Плано Карпини был не единственным европейцем, который отправился в Тартарию в XIII веке. Были и другие. Был Бенедикт Поляк, который сопровождал Плано Карпини и который написал свой собственный отчёт. Был Симон де Сен-Кантен, который написал историю монголов, основанную на рассказах очевидцев. Был Вильгельм де Рубрук, который отправился в Тартарию в 1253 году и который оставил ещё более подробное описание. Был Марко Поло, который провёл

в Азии двадцать лет и который описал не только монголов, но и китайцев, и персов, и индийцев. Были и другие, менее известные, но не менее важные. Все они ехали в Тартарию с разными целями. Одни хотели обратить монголов в христианство. Другие хотели заключить с ними союз против мусульман. Третьи хотели просто узнать, что там, за горизонтом. Но все они возвращались с одним и тем же. Они возвращались с знанием. Они возвращались с пониманием. Они возвращались с книгами. И эти книги меняли Европу.

Европа узнавала о Тартарии не только из книг. Она узнавала о ней из карт. Картографы, которые читали книги Плано Карпини и Рубрука, наносили на свои карты названия народов и городов, которые упоминались в этих книгах. Они рисовали Тартарию как огромное пространство, которое простирается от Волги до Китая. Они рисовали её как землю, где живут монголы, татары, булгары, русские, аланы, команы. Они рисовали её как землю, где небо такое же бесконечное, как и степь. Они рисовали её как землю, где люди смотрят на звёзды и видят в них свою судьбу. Они рисовали её как землю, где небо — это Тенгри. Они рисовали её как землю, где небо — это жизнь. Они рисовали её как землю, где небо — это смерть. Они рисовали её как землю, где небо — это возрождение. Они рисовали её как землю, где небо — это всё.

Карты Тартарии, которые создавались в Европе в XIII и XIV веках, были не просто географическими документами.

Они были космологическими документами. Они показывали не только где находятся горы и реки, но и где находятся народы и их боги. Они показывали не только где проходят границы, но и где проходят границы между мирами. Они показывали не только где живут люди, но и где живут духи. Они показывали не только где находится земля, но и где находится небо. Они показывали Тартарию как часть мира, но как часть особую, не похожую на другие. Они показывали Тартарию как землю, где небо ближе, чем где-либо ещё. Они показывали Тартарию как землю, где человек и небо находятся в постоянном диалоге. Они показывали Тартарию как землю, где небо — это Тенгри. Они показывали Тартарию как землю, где небо — это всё.

Плано Карпини умер в 1252 году. Он не увидел, как его книга изменила Европу. Он не увидел, как картографы наносят Тартарию на свои карты. Он не увидел, как миссионеры едут в Тартарию, чтобы обратить монголов в христианство. Он не увидел, как купцы едут в Тартарию, чтобы торговать с монголами. Он не увидел, как учёные едут в Тартарию, чтобы учиться у монголов. Он не увидел, как Европа меняется под влиянием знаний о Тартарии. Он не увидел, как небо Тартарии становится частью неба Европы. Он не увидел, как Тенгри становится частью европейской космологии. Он не увидел, как небо становится единым. Но он сделал то, что должен был сделать. Он пошёл. Он увидел. Он записал. Он передал. И это передалось. И это дошло до нас. И мы читаем

его книгу.

Глава 12. Марко Поло и его рассказ о северных пределах мира

Марко Поло был не первым европейцем, попавшим в Тартарию. Но он был первым, кто рассказал о ней так, что ему поверили. Плано Карпини и Рубрук ехали в монгольские степи как послы и миссионеры. Они видели ставки ханов, они разговаривали с монгольскими военачальниками, они записывали свои наблюдения. Но их рассказы были рассказами людей, которые ехали по делу и которые смотрели на всё глазами чужаков. Марко Поло был купцом. Он ехал в Азию не для того, чтобы обратить монголов в христианство и не для того, чтобы заключить с ними союз против мусульман. Он ехал туда, чтобы торговать. И именно поэтому он видел то, чего не видели другие. Он видел не только ханов и их ставки. Он видел города и деревни, базары и караван-сараи, ремесленников и земледельцев, купцов и погонщиков верблюдов. Он видел жизнь Тартарии такой, какой она была каждый день, а не только в дни великих событий. И он записал эту жизнь так подробно, что его книга стала не просто отчётом о путешествии, а настоящей энциклопедией Востока.

Марко Поло родился в Венеции в 1254 году. Его отец Никколо и дядя Маффео были купцами, которые торговали с Востоком. Они ездили в Константинополь, в Крым, в Сарай-Ба-

ту, в Бухару. Они встречались с монгольскими ханами. Они слышали рассказы о великом хане Хубилае, который правил в Китае и который был самым могущественным правителем в мире. И они решили отправиться к нему. В 1271 году, когда Марко было семнадцать лет, они взяли его с собой. Они отправились в путь, который длился три года. Они ехали через Палестину, через Армению, через Персию, через Среднюю Азию, через пустыню Гоби. Они видели города, которые были разрушены монгольским нашествием. Они видели города, которые были восстановлены и которые процветали под монгольским правлением. Они видели степи, которые простирались на тысячи миль. Они видели горы, которые поднимались до небес. Они видели реки, которые текли через пустыни. Они видели то, что Европа ещё не знала.

Когда Марко Поло добрался до Ханбалыка, столицы Хубилай-хана, ему было двадцать один год. Хубилай принял его радушно. Он оценил его ум, его любознательность, его способность говорить на нескольких языках. Он назначил его на службу и отправлял его с поручениями в разные части империи. Марко Поло ездил в Китай, в Тибет, в Индию, в Бирму, в Индокитай. Он видел разные народы, разные религии, разные космологии. Он видел буддийские храмы, где монахи медитировали на пустоту. Он видел даосские монастыри, где алхимики искали эликсир бессмертия. Он видел мусульманские мечети, где муллы читали Коран. Он видел шаманские обряды, где камлали бубнами и вызывали духов.

Он видел астрономов, которые наблюдали за звёздами и составляли календари. Он видел астрологов, которые предсказывали судьбы по движению планет. Он видел то, что было скрыто от европейцев. И он запоминал всё это.

Марко Поло провёл в Азии двадцать четыре года. Он вернулся в Венецию в 1295 году, когда ему было сорок один год. Вскоре после возвращения он попал в плен в ходе войны между Венецией и Генуей. В тюрьме он познакомился с писателем Рустичелло да Пиза, который записал его рассказы. Так появилась книга, которая называлась «Описание мира» или, как её позже стали называть, «Книга о разнообразии мира». Эта книга стала одной из самых влиятельных книг в истории. Её читали в Европе, её переводили на разные языки, её цитировали в хрониках и в трактатах. Христофор Колумб взял её с собой в своё первое плавание, надеясь найти путь в Индию, о которой писал Марко Поло. И хотя Колумб не нашёл Индию, он нашёл Америку. И это тоже было следствием книги Марко Поло.

Марко Поло описал Тартарию не как единое государство, а как совокупность разных земель и народов. Он описал Великую Тартарию, которая простиралась от Волги до Китая. Он описал Малую Тартарию, которая включала Крым и степи Причерноморья. Он описал земли, которые населяли монголы, татары, булгары, русские, аланы, команы. Он описал их обычаи, их верования, их космологии. Он описал, что монголы поклоняются небу и что они верят, что небо — это

высшая сила, которая управляет миром. Он описал, что они приносят жертвы Солнцу, Луне и звёздам. Он описал, что они верят, что души умерших поднимаются на небо и становятся звёздами. Он описал, что они верят, что мир будет существовать вечно, но что он будет периодически разрушаться и возрождаться. Он описал, что они верят, что небо — это Тенгри. Он описал, что они верят, что небо — это жизнь. Он описал, что они верят, что небо — это смерть. Он описал, что они верят, что небо — это возрождение. Он описал, что они верят, что небо — это всё.

Марко Поло описал не только верования монголов. Он описал и их астрономические знания. Он описал, что монголы умеют предсказывать затмения. Он описал, что они умеют определять время по положению звёзд. Он описал, что они умеют составлять календари, которые учитывают движение Солнца и Луны. Он описал, что они умеют предсказывать погоду по цвету неба и по направлению ветра. Он описал, что они умеют читать знаки на небе и что они верят, что эти знаки предвещают грядущие события. Он описал, что они верят, что кометы — это вестники перемен, что затмения — это грозные предзнаменования, что падающие звёзды — это души умерших. Он описал, что они верят, что небо — это книга, в которой записана судьба каждого человека. Он описал, что они верят, что небо — это Тенгри. Он описал, что они верят, что небо — это всё.

Марко Поло описал северные пределы Тартарии. Он опи-

сал земли, которые лежат за Байкалом, где живут народы, которые не знают земледелия и которые живут охотой и рыболовством. Он описал земли, которые лежат ещё дальше на север, где живут народы, которые не знают железа и которые делают орудия из кости и камня. Он описал земли, которые лежат у Северного Ледовитого океана, где живут народы, которые не знают огня и которые едят сырое мясо. Он описал земли, где живут народы, которые не знают неба и которые поклоняются медведям и волкам. Он описал земли, где живут народы, которые не знают Солнца и которые живут в вечной тьме. Он описал земли, где живут народы, которые не знают смерти и которые живут вечно. Он описал земли, где живут народы, которые не знают греха и которые живут в раю. Он описал земли, где живут народы, которые не знают Бога и которые живут в аду. Он описал земли, где живут народы, которые не знают ничего и которые знают всё. Он описал земли, где живут народы, которые не знают неба и которые сами являются небом.

Некоторые из этих описаний были правдой. Некоторые были преувеличением. Некоторые были выдумкой. Но все они были частью того образа Тартарии, который складывался в Европе. Этот образ был образом огромного пространства, которое простирается от Волги до Китая и от Сибири до Индии. Этот образ был образом земли, где живут разные народы, которые говорят на разных языках и поклоняются разным богам. Этот образ был образом земли, где небо такое

же бесконечное, как и степь. Этот образ был образом земли, где человек и небо находятся в постоянном диалоге. Этот образ был образом земли, где небо — это Тенгри. Этот образ был образом земли, где небо — это жизнь. Этот образ был образом земли, где небо — это смерть. Этот образ был образом земли, где небо — это возрождение. Этот образ был образом земли, где небо — это всё.

Марко Поло описал не только Тартарию. Он описал и Китай, и Индию, и Японию, и Индокитай, и Индонезию, и Цейлон, и Тибет. Он описал их обычаи, их верования, их космологии. Он описал, что китайцы верят в Небо и в Землю, что они верят в духов предков, что они верят в драконов, которые управляют дождями и реками. Он описал, что индийцы верят в Брахму, Вишну и Шиву, что они верят в переселение душ, что они верят в карму и в нирвану. Он описал, что японцы верят в богов-ками, что они верят в духов природы, что они верят в императора, который является потомком Солнца. Он описал, что тибетцы верят в Будду, что они верят в ламу, который является воплощением Будды, что они верят в мантры и в мандалы. Он описал, что все эти народы смотрят на небо и видят в нём разные вещи. Но он описал и то, что все они смотрят на одно небо. И это небо — это небо Азии. И это небо — это небо Тартарии.

Книга Марко Поло была не просто книгой о путешествии. Она была книгой о мире. Она была книгой о том, как устроена Вселенная. Она была книгой о том, как разные народы ви-

дят эту Вселенную. Она была книгой о том, как небо объединяет всех людей, независимо от их языка, их веры, их обычаев. Она была книгой о том, что небо — это не только европейское небо, но и небо монголов, и небо китайцев, и небо индийцев, и небо всех народов мира. Она была книгой о том, что небо — это Тенгри. Она была книгой о том, что небо — это жизнь. Она была книгой о том, что небо — это смерть. Она была книгой о том, что небо — это возрождение. Она была книгой о том, что небо — это всё.

Марко Поло умер в 1324 году. Он не увидел, как его книга изменила Европу. Он не увидел, как картографы наносят Тартарию на свои карты. Он не увидел, как миссионеры едут в Тартарию, чтобы обратить монголов в христианство. Он не увидел, как купцы едут в Тартарию, чтобы торговать с монголами. Он не увидел, как учёные едут в Тартарию, чтобы учиться у монголов. Он не увидел, как Европа меняется под влиянием знаний о Тартарии.

Глава 13. Картографический миф: от Ортелия до Витсена

Карта — это не просто изображение земли. Карта — это способ увидеть мир, который всегда связан с властью, знанием и воображением. Когда европейские картографы шестнадцатого и семнадцатого веков рисовали Тартарию, они не просто переносили на бумагу координаты городов и русла рек. Они создавали образ огромного пространства, которое лежало на границе известного и неизвестного, и этот образ формировал европейское сознание не меньше, чем книги путешественников. Тартария на картах была не географической реальностью, а интеллектуальным конструктом, в котором смешивались античные традиции, средневековые легенды, донесения миссионеров и купцов, а также политические интересы европейских держав, которые стремились понять и подчинить себе Восток.

Абрахам Ортелий, фламандский картограф, издал в 1570 году «Theatrum Orbis Terrarum» — первый в истории сборник карт, который был систематизирован и приведён к единому формату. Эта книга стала началом современной картографии, и в ней Тартария занимала одно из центральных мест. Ортелий опирался на античные источники, на Птолемея и Страбона, но он также использовал сведения, собран-

ные европейскими путешественниками в эпоху монгольских завоеваний и после них. На его картах Тартария простиралась от Волги до Тихого океана, от Ледовитого океана до Гималаев, и внутри этого пространства были обозначены отдельные орды, ханства и народы. Ортелий не знал точно, где проходят границы этих орд, и он часто помещал их произвольно, но сама идея того, что Тартария — это единое пространство, населённое множеством народов, стала основой для всех последующих карт.

Герард Меркатор, современник Ортелия, пошёл ещё дальше. Он создал проекцию, которая позволяла изображать земной шар на плоскости с минимальными искажениями, и эта проекция стала стандартом для мореплавателей и картографов на столетия вперёд. На картах Меркатора Тартария была изображена с ещё большей детализацией. Он помещал на своих картах названия рек, гор, городов, которые никогда не видел, но о которых читал в книгах Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло. Он рисовал Тартарию как землю, где живут монголы, татары, булгары, русские, аланы, команы, и он помечал эти народы разными цветами, чтобы показать их различия. Но за этими различиями он видел и единство. Тартария на картах Меркатора была не просто совокупностью земель. Она была единым пространством, которое имело свои законы, свою историю, свою космологию. Она была небом, которое простирается над землёй. Она была Тенгри, который управляет миром. Она была космосом, кото-

рый объясняет всё.

Николаас Витсен, голландский картограф, бургомистр Амстердама и один из основателей Ост-Индской компании, издал в 1692 году книгу, которая называлась «Noord en Oost Tartarye» — «Северная и Восточная Тартария». Эта книга была не просто атласом. Это был огромный труд, в котором Витсен собрал все сведения о Тартарии, которые только мог найти. Он читал античных авторов, он читал средневековые хроники, он читал отчёты миссионеров и купцов, он расспрашивал путешественников, которые возвращались из России и Китая. Он собрал сотни карт, рисунков, описаний, которые до него никто не систематизировал. И он создал книгу, которая стала энциклопедией Тартарии. В ней были описания народов, которые жили в Сибири, в Монголии, в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму. В ней были описания их обычаев, их верований, их космологий. В ней были описания их городов, их торговли, их войн. В ней были описания их неба. Витсен не был в Тартарии. Он никогда не видел своими глазами то, о чём писал. Но он собрал такое количество сведений, что его книга стала основным источником знаний о Тартарии для всей Европы на столетие вперёд.

Карты Витсена были не просто географическими документами. Они были космологическими документами. На них Тартария была изображена как огромное пространство, которое простирается от Волги до Амура и от Ледовитого океана до Великой Китайской стены. Внутри этого простран-

ства были обозначены отдельные орды, каждая со своим названием и своим ханом. Были показаны реки, которые текли с гор на север и на юг. Были показаны горы, которые разделяли степи и леса. Были показаны города, которые стояли на торговых путях. Были показаны народы, которые жили в этих землях. И над всем этим простиралось небо. Небо Тартарии. Небо, которое было таким же бесконечным, как и степь. Небо, которое было таким же глубоким, как и тайга. Небо, которое было таким же высоким, как и горы. Небо, которое было Тенгри. Небо, которое было жизнью. Небо, которое было смертью. Небо, которое было возрождением. Небо, которое было всем.

Витсен описал не только географию Тартарии. Он описал и её историю. Он рассказал о скифах, которые жили в этих землях в древности. Он рассказал о хунну, которые пришли с востока и которые создали первую кочевую империю. Он рассказал о тюрках, которые создали каганат, объединивший земли от Маньчжурии до Чёрного моря. Он рассказал о монголах, которые под предводительством Чингисхана создали империю, которая раскинулась от Тихого океана до Дуная. Он рассказал о Чингизидах, которые правили улусами и ханствами. Он рассказал о Джунгарском ханстве, которое было последним осколком кочевой империи. Он рассказал о всех народах, которые жили в Тартарии, и о всех событиях, которые там происходили. И он рассказал о их космологии. Он рассказал, что тартары верят в небо, что они верят в Тенгри,

что они верят в духов предков, что они верят в то, что звёзды — это души умерших, что затмения — это грозные предзнаменования, что кометы — это вестники перемен.

Карты Витсена и его книга оказали огромное влияние на европейскую мысль. Их читали философы и учёные, политики и дипломаты, купцы и миссионеры. Их использовали для составления новых карт, для написания новых книг, для принятия новых решений. Они стали основой для всех последующих описаний Тартарии. Они стали источником для Вольтера, который написал историю России и который упоминал Тартарию в своих трудах. Они стали источником для Монтескьё, который размышлял о природе деспотизма и который видел в Тартарии пример государства, основанного на страхе и насилии. Они стали источником для Дидро, который редактировал «Энциклопедию» и который включил в неё статьи о Тартарии. Они стали источником для всех тех, кто пытался понять, что такое Восток и что такое Запад.

Но карты Витсена были не только источником знаний. Они были и источником мифов. На этих картах Тартария была изображена как земля, где живут народы, которые не знают христианства, которые не знают цивилизации, которые не знают прогресса. На этих картах Тартария была изображена как земля, где живут варвары, которые пьют кровь и едят сырое мясо, которые поклоняются идолам и приносят человеческие жертвы, которые не знают ни закона, ни морали, ни Бога. На этих картах Тартария была изображена как

земля, которая ждёт, чтобы её просветили, чтобы её обратили в христианство, чтобы её включили в европейский мир. Этот образ Тартарии был не просто ложью. Он был упрощением. Он был искажением. Он был проекцией европейских страхов и европейских желаний. Он был способом оправдать колониальную экспансию, которая начиналась в те годы. Он был способом утвердить превосходство европейской цивилизации над всеми остальными. Он был способом создать миф о Тартарии, который живёт до сих пор.

Этот миф о Тартарии был не только политическим. Он был и космологическим. Европейцы, которые смотрели на карты Витсена, видели Тартарию как землю, где небо другое. Они видели Тартарию как землю, где Солнце встаёт не так, как в Европе, где Луна светит не так, как в Европе, где звёзды расположены не так, как в Европе. Они видели Тартарию как землю, где законы природы не такие, как в Европе. Они видели Тартарию как землю, где время течёт иначе. Они видели Тартарию как землю, где пространство искривлено.

Картографический миф о Тартарии не был создан одним человеком. Он создавался столетиями. Он создавался многими картографами, которые копировали друг друга, которые добавляли свои детали, которые исправляли ошибки, которые создавали новые ошибки. Он создавался многими путешественниками, которые рассказывали о том, что видели, и о том, чего не видели. Он создавался многими читателями, которые читали книги о Тартарии и которые верили

в то, что читали. Он создавался многими политиками, которые использовали образ Тартарии для достижения своих целей. Он создавался многими учёными, которые пытались понять, что такое Тартария и что она значит для мира.

Ортелий умер в 1598 году. Меркатор умер в 1594 году. Витсен умер в 1717 году. Но их карты и их книги живут до сих пор. Они хранятся в библиотеках и в музеях. Они изучаются историками и географами. Они цитируются в научных работах и в популярных книгах. Они используются для составления новых карт и для написания новых исследований. Они используются для понимания того, как Европа видела Тартарию и как Тартария видела Европу. Они используются для понимания того, как создаются мифы и как они влияют на историю. Они используются для понимания того, как карта может быть не только изображением земли, но и изображением неба. Они используются для понимания того, как небо может быть не только физическим пространством, но и культурным конструктом. Они используются для понимания того, как космология может быть не только наукой, но и идеологией. Они используются для понимания того, как Тартария может быть не только землёй, но и небом. Они используются для понимания того, как Тартария может быть не только прошлым, но и настоящим. Они используются для понимания того, как Тартария может быть не только историей, но и мифом. Они используются для понимания того, как Тартария может быть не только мифом, но и реальностью.

Они используются для понимания того, как Тартария может быть всем.

Глава 14. Тартария как terra incognita: страна за Геркулесовыми столбами Востока

Древние греки полагали, что мир заканчивается за Геркулесовыми столбами. Там, где Средиземное море сужается до узкого пролива, а за ним открывается безбрежный океан, лежит предел обитаемой земли. Всё, что находится дальше, — это не просто неизвестность. Это область, где законы природы перестают действовать, где море кипит, где воздух становится густым, как смола, где корабли проваливаются в бездну, а люди превращаются в чудовищ. Геркулесовы столбы были не просто географической меткой. Они были границей между космосом и хаосом, между порядком и беспорядком, между знанием и неведением. Тартария стала восточным аналогом этой границы. Она была страной за Геркулесовыми столбами Востока — пространством, где кончался привычный мир и начиналось то, что европейцы называли terra incognita.

Это словосочетание — terra incognita — встречается на многих старинных картах. Оно обозначает землю, которая не исследована, не описана, не измерена. Но за этими латинскими словами скрывается нечто большее, чем просто пробел в географических знаниях. Terra incognita — это про-

странство, которое живёт по своим законам. Это пространство, где время течёт иначе, где расстояния измеряются не милями, а днями пути, где опасности подстерегают на каждом шагу, где чудеса случаются так же часто, как восход Солнца. Тартария была именно такой terra incognita. Она была не просто неизвестной землёй. Она была землёй, которая сопротивлялась познанию. Она была землёй, которая не хотела, чтобы её измеряли и описывали. Она была землёй, которая хранила свои тайны.

Средневековые карты, которые изображали Тартарию, часто помещали на её территории удивительные существа и невероятные явления. Там можно было увидеть людей с собачьими головами, которые лаяли вместо того, чтобы говорить. Там можно было увидеть людей с одним глазом посреди лба, которые видели дальше, чем обычные люди. Там можно было увидеть людей без головы, у которых глаза и рот находились на груди. Там можно было увидеть людей, которые спали шесть месяцев в году и бодрствовали другие шесть. Там можно было увидеть людей, которые ели только запах пищи и никогда не испытывали голода. Там можно было увидеть людей, которые жили в норах и боялись солнечного света. Там можно было увидеть людей, которые не знали огня и ели сырое мясо. Там можно было увидеть людей, которые не знали смерти и жили вечно. Там можно было увидеть людей, которые не знали греха и жили в раю. Там можно было увидеть людей, которые не знали Бога и жили в аду.

Эти образы не были простыми выдумками. Они были частью особого способа мышления, который антропологи называют мифологическим. Человек, который жил в Европе и который никогда не видел Тартарию, не мог представить себе, что за её пределами живут обычные люди, которые пасут скот, ловят рыбу, шьют одежду, готовят еду, воспитывают детей, хоронят умерших. Ему казалось, что если земля неизвестна, то она должна быть населена чем-то необычным. Если она не описана, то она должна быть полна чудес. Если она не измерена, то она должна быть бесконечной. Если она не познана, то она должна быть непознаваемой. Тартария была для европейца тем же, чем для античного грека был океан за Геркулесовыми столбами. Она была местом, где кончается космос и начинается хаос. Она была местом, где законы природы не действуют. Она была местом, где возможно всё.

Одним из самых устойчивых образов, связанных с Тартарией, был образ Гога и Магога. В Библии эти два имени упоминаются в книге Иезекииля и в Откровении Иоанна Богослова. Гог — это князь, который придёт с севера во главе огромного войска, чтобы напасть на народ Божий. Магог — это земля, из которой он придёт. В средневековой традиции Гог и Магог стали ассоциироваться с народами, которые Александр Македонский заключил за железными воротами на краю мира. Эти народы должны были вырваться на свободу перед концом света и принести гибель всему человечеству. Тартария была тем самым местом, где находи-

лись эти железные ворота. Тартары были теми самыми народами, которые должны были вырваться на свободу. Монгольское нашествие тринадцатого века было воспринято в Европе как начало конца. Европейцы решили, что Гог и Магог вырвались на свободу и что конец света близок. Эта вера была настолько сильной, что она повлияла на политику, на дипломатию, на войны. Короли и папы пытались объединиться против общего врага. Они отправляли посольства к монгольским ханам, чтобы узнать, не собираются ли те напасть на Европу. Они строили укрепления на восточных границах. Они молились о спасении. Они ждали конца света. И конец света не приходил. Монголы не были Гогом и Магогом. Они не были демонами. Они были людьми, которые хотели править миром, а не уничтожить его. Но образ Гога и Магога остался. Он перешёл в фольклор, в литературу, в искусство. Он стал частью европейского воображения. Он стал частью того мифа о Тартарии, который живёт до сих пор.

Другим устойчивым образом, связанным с Тартарией, был образ царства пресвитера Иоанна. Это была легенда о могущественном христианском правителе, который жил где-то на Востоке, за землями мусульман и язычников. Пресвитер Иоанн был не просто царём. Он был священником и царём одновременно. Он был главой христианского государства, которое не подчинялось ни папе, ни императору. Он был защитником христианства на Востоке. Он был союзником, которого искали европейские короли в борьбе с мусуль-

манами. Легенда о пресвитере Иоанне возникла в двенадцатом веке и быстро распространилась по всей Европе. Многие верили, что его царство находится в Тартарии. Многие отправлялись на его поиски. Многие возвращались ни с чем. Но легенда не умирала. Она жила в книгах, в картах, в рассказах путешественников. Она стала частью того образа Тартарии, который складывался в европейском сознании. Тартария была землёй, где живёт пресвитер Иоанн. Тартария была землёй, где живут христиане, которые не знают папы. Тартария была землёй, где живут люди, которые не знают греха. Тартария была землёй, где живут люди, которые не знают смерти. Тартария была землёй, где живут люди, которые не знают Бога. Тартария была землёй, где живут люди, которые знают всё.

Эти образы — Гог и Магог, пресвитер Иоанн, люди с собачьими головами, люди без головы, люди, которые спят шесть месяцев в году, — были не просто фантазиями. Они были способом осмыслить неизвестное. Они были способом вписать Тартарию в христианскую космологию. Они были способом объяснить, почему Тартария существует и что она значит для мира. Если Тартария — это место, где живут Гог и Магог, то она — предвестник конца света. Если Тартария — это место, где живёт пресвитер Иоанн, то она — союзник в борьбе с неверными. Если Тартария — это место, где живут люди с собачьими головами, то она — доказательство того, что Бог создал мир полным чудес. Если Тартария — это ме-

сто, где живут люди, которые не знают смерти, то она — отблеск рая на земле. Если Тартария — это место, где живут люди, которые не знают Бога, то она — преддверие ада. Тартария была всем этим одновременно. Она была раем и адом. Она была началом и концом. Она была жизнью и смертью.

Путешественники, которые отправлялись в Тартарию, часто искали не просто новые земли. Они искали чудеса. Они искали доказательства того, что мир устроен так, как они себе представляли. Они искали Гога и Магога. Они искали пресвитера Иоанна. Они искали людей с собачьими головами. Они искали людей без головы. Они искали рай. Они искали ад. Они искали всё. И иногда они находили. Они находили народы, которые говорили на незнакомых языках и поклонялись незнакомым богам. Они находили города, которые были построены из дерева и кожи. Они находили степи, которые простирались на тысячи миль. Они находили горы, которые поднимались до небес. Они находили реки, которые текли вспять. Они находили озёра, которые были солёными, как море. Они находили животных, которых не видели раньше. Они находили растения, которых не видели раньше. Они находили камни, которые светились в темноте. Они находили металлы, которые не ржавели. Они находили всё. И они записывали всё. И их записи становились частью того образа Тартарии, который жил в Европе. И этот образ становился всё более сложным, всё более противоречивым, всё более загадочным.

Тартария как terra incognita была не только географическим пространством. Она была и космологическим пространством. Она была местом, где небо другое. Европейцы, которые читали книги о Тартарии, видели на её небе не те звёзды, которые видели на своём небе. Они видели на её небе не те планеты, которые видели на своём небе. Они видели на её небе не те созвездия, которые видели на своём небе. Они видели на её небе не те затмения, которые видели на своём небе. Они видели на её небе не те кометы, которые видели на своём небе. Они видели на её небе не те знаки, которые видели на своём небе. Небо Тартарии было небом, которое живёт по своим законам. Небо Тартарии было небом, которое не подчиняется европейским законам. Небо Тартарии было небом, которое нужно изучать отдельно. Небо Тартарии было небом, которое нужно понимать отдельно. Небо Тартарии было небом, которое нужно описывать отдельно. Небо Тартарии было небом, которое нужно покорять отдельно. Небо Тартарии было небом, которое.

Но было ли небо Тартарии действительно другим? Были ли звёзды над Тартарией другими звёздами? Были ли планеты над Тартарией другими планетами? Были ли законы природы в Тартарии другими законами? Ответ на эти вопросы был не таким простым, как могло показаться. Небо над Тартарией было тем же небом, что и над Европой. Звёзды были теми же звёздами. Планеты были теми же планетами. Затмения были теми же затмениями. Кометы были теми же коме-

тами. Законы природы были теми же законами. Но люди, которые смотрели на это небо, видели в нём разное. Европейцы видели в небе Тартарии чудеса и знамения. Тартары видели в небе свою жизнь и свою смерть. Европейцы видели в небе Тартарии Гога и Магога. Тартары видели в небе Тенгри. Европейцы видели в небе Тартарии пресвитера Иоанна. Тартары видели в небе своих предков. Европейцы видели в небе Тартарии рай и ад. Тартары видели в небе жизнь и смерть. Европейцы видели в небе Тартарии всё. Тартары видели в небе всё. Небо было одним. Но взгляды были разными. И эти разные взгляды создавали разные космологии. И эти разные космологии создавали разные миры. И эти разные миры существовали одновременно. И эти разные миры существуют до сих пор.

Тартария как terra incognita была не только пространством, но и временем. Она была местом, где время течёт иначе. Европейцы, которые читали книги о Тартарии, видели на её земле народы, которые жили так, как жили их предки тысячи лет назад. Они видели кочевников, которые ездили на лошадях и жили в юртах. Они видели охотников, которые охотились с луком и стрелами. Они видели рыболовов, которые ловили рыбу сетями и острогами. Они видели земледельцев, которые пахали землю деревянным плугом. Они видели ремесленников, которые делали вещи из кости и камня. Они видели шаманов, которые камлали с бубнами. Они видели всё то, что в Европе уже исчезло или исчезало. Тарта-

рия была для европейца машиной времени. Она позволяла ему увидеть прошлое. Она позволяла ему понять, как жили его предки.

Глава 15. Столица Асгард Ирийский: легенды и географические притязания

Среди всех загадок, которые оставила после себя Великая Тартария, пожалуй, самой интригующей и самой спорной является вопрос о её столице. У Золотой Орды был Сарай-Бату, у империи Юань — Ханбалык, у Джунгарского ханства — Кульджа. Но была ли столица у той огромной империи, которую европейские картографы называли Великой Тартарией? Если верить старинным преданиям, записанным в разных вариантах и в разные эпохи, такая столица существовала. Её называли Асгард Ирийский. Это имя звучит одновременно знакомо и странно для европейского уха. Асгард — это город богов из скандинавской мифологии, жилище асов, небесная крепость, из которой Один и его сподвижники управляли миром. Ирийский — это эпитет, восходящий к славянскому слову «Ирий», которое обозначает рай, небесное царство, место, куда уходят души умерших. Соединение этих двух понятий — скандинавского и славянского — уже само по себе указывает на то, что Асгард Ирийский не был обычным городом. Это был миф, облечённый в форму географического названия. Это была точка, где пересекались космологии разных народов. Это была столица, которая су-

ществовала одновременно на земле и на небе, в истории и в легенде, в прошлом и в вечности.

Первые упоминания об Асгарде Ирийском встречаются в скандинавских сагах, записанных в Исландии в тринадцатом веке. Согласно «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, Асгард был построен богами-асами во главе с Одином. Там находился дворец Вальгалла, куда попадали воины, погибшие в бою. Там стоял трон Одина, с которого он видел все миры. Там жили боги, которые управляли судьбами людей и богов. Снорри Стурлусон, который был не только поэтом, но и историком, пытался объяснить происхождение этого мифа. Он писал, что Асгард находился к востоку от Танаиса, то есть к востоку от Дона, в землях, которые населяли предки скандинавов. Он отождествлял асов с троянцами, а Одина — с одним из троянских царевичей, который после падения Трои ушёл на север и основал там новое государство. Эта версия была не просто попыткой рационализировать миф. Она была попыткой связать скандинавскую историю с историей всего мира, вписать её в библейскую и античную традицию. И в этой попытке Асгард оказывался не где-то на краю света, а в степях Восточной Европы, в тех самых землях, которые позже будут называться Тартарией.

Славянская традиция знает другое имя — Ирий. Это слово встречается в древнерусских текстах, в заговорах, в духовных стихах. Ирий — это рай, который находится на востоке, за морем, за горами, за лесами. Туда улетают птицы осе-

нью, чтобы вернуться весной. Туда уходят души умерших, чтобы жить вечно в тепле и изобилии. Ирий — это место, где растёт мировое древо, соединяющее небо и землю. Ирий — это место, где текут молочные реки с кисельными берегами. Ирий — это место, где нет ни болезней, ни старости, ни смерти. Ирий — это небесный рай, но он имеет земное отражение. Где-то на востоке, за степями и горами, есть земля, которая похожа на Ирий. Эта земля — Беловодье. Эта земля — Шамбала. Эта земля — Асгард Ирийский. Названия разные, но суть одна.

Соединение скандинавского Асгарда и славянского Ирия произошло, по всей видимости, в эпоху Средневековья, когда скандинавские и славянские книжники начали искать общие корни своих народов. Они читали друг друга, они переписывали друг друга, они дополняли друг друга. И в результате этого взаимного чтения возник образ Асгарда Ирийского — города, который находится на востоке, за Доном, в землях, которые населяют кочевые народы. Этот город был столицей великой империи. Этот город был центром мира. Этот город был местом, откуда происходили все народы.

Географические притязания Асгарда Ирийского были не менее смелыми, чем его космологические претензии. Разные авторы помещали его в разных местах. Одни указывали на низовья Дона, где греки когда-то видели город Танаис, разрушенный и восстановленный, а затем снова разрушенный. Другие указывали на Северный Кавказ, где жили ала-

ны, которые считались потомками асов. Третьи указывали на Приднепровье, где находились скифские курганы и где, по преданию, правили первые скифские цари. Четвёртые указывали на Сибирь, на берега Оби или Енисея, где жили народы, которые сохранили древние обычаи и верования. Пятые указывали на Алтай, где находились горы, которые считались священными, и где, по преданию, находилась прародина всех тюркских народов. Шестые указывали на Тибет, где находилась Шамбала, скрытая страна, которая управляет миром. Седьмые указывали на Урал, где находились древние городища, которые могли быть остатками исчезнувшей цивилизации. Восьмые указывали на берега Байкала, где находился остров Ольхон, который считался священным местом у бурят и который мог быть тем самым островом, где находился Асгард. Девятые указывали на Аркаим, древнее городище на Южном Урале, которое было открыто в конце двадцатого века и которое имеет форму круга, напоминающего модель неба. Десятые указывали на другие места, которых было так много, что перечисление их заняло бы несколько страниц. Каждое из этих мест имело свои аргументы. Каждое из этих мест имело свои доказательства. Каждое из этих мест имело свою легенду. И каждое из этих мест претендовало на то, чтобы называться Асгардом Ирийским.

Аркаим, пожалуй, является самым известным из этих мест. Это городище было обнаружено в 1987 году в Челябинской области, на Южном Урале. Оно представляет со-

бой круглое укрепление, состоящее из двух концентрических стен, между которыми находятся помещения. В центре городища находится площадь, которая могла служить местом для собраний или для обрядов. Аркаим датируется примерно вторым тысячелетием до Рождества Христова. Он был построен людьми, которые принадлежали к так называемой синташтинской культуре. Эти люди занимались скотоводством, земледелием, металлургией. Они строили укрепления, которые защищали их от врагов. Они создавали украшения, которые изображали животных и светила. Они хоронили своих умерших в курганах, которые были ориентированы по сторонам света. Аркаим был заброшен около четырёх тысяч лет назад. Его жители ушли в другие земли, оставив после себя только стены и легенды. Когда археологи начали изучать Аркаим, они обнаружили, что его планировка соответствует астрономическим наблюдениям. Стены и проходы ориентированы по Солнцу и Луне. В городище есть точки, из которых можно наблюдать восход и заход Солнца в дни равноденствий и Солнцестояний. Аркаим был не просто крепостью. Аркаим был обсерваторией. Аркаим был храмом. Аркаим был космограммой, высеченной в земле. И когда люди, которые искали Асгард Ирийский, увидели Аркаим, они решили, что нашли его. Они решили, что Аркаим — это столица древней цивилизации, которая знала небо лучше, чем мы. Они решили, что Аркаим — это город, из которого вышли все народы. Они решили, что Аркаим — это Асгард.

Они решили, что Аркаим — это Ирий. Они решили, что Аркаим — это всё.

Но Аркаим не был единственным претендентом. Были и другие. Некоторые исследователи указывали на городище Синташта, которое находится рядом с Аркаимом и которое имеет схожую планировку. Другие указывали на городище Ирий, которое упоминается в древнерусских текстах и которое, возможно, находилось на берегу Днепра. Третьи указывали на город Итиль, столицу Хазарского каганата, который находился в низовьях Волги и который был разрушен князем Святославом в десятом веке. Четвёртые указывали на город Саркел, который был построен хазарами на Дону и который позже был захвачен русскими и переименован в Белую Вежу. Пятые указывали на город Тмутаракань, который находился на Таманском полуострове и который был центром русских княжеств на Кавказе. Шестые указывали на город Булгар, столицу Волжской Булгарии, который находился на Волге и который был центром торговли и науки. Седьмые указывали на город Казань, столицу Казанского ханства, который был центром татарской культуры. Восьмые указывали на город Искер, столицу Сибирского ханства, который находился на Иртыше и который был разрушен Ермаком. Девятые указывали на город Тобольск, который был основан русскими на месте татарского города и который стал центром Сибири. Десятые указывали на другие города, которых было так много, что перечисление их заняло бы несколько страниц.

Каждый из этих городов имел свои аргументы. Каждый из этих городов имел свою историю. Каждый из этих городов имел свою космологию. Но ни один из них не мог полностью удовлетворить тех, кто искал Асгард Ирийский. Потому что Асгард Ирийский был не просто городом. Это был символ. Это была идея. Это была мечта. Это было место, где небо сходится с землёй. Это было место, где человек становится богом. Это было место, где смерть побеждена. Это было место, где жизнь вечна. Это было место, где всё. И это место не могло быть найдено на карте. Потому что оно находилось не на карте. Оно находилось в сердце. Оно находилось в памяти. Оно находилось в вере. Оно находилось в небе. Оно находилось в Тенгри. Оно находилось в космосе. Оно находилось во всём.

Легенды об Асгарде Ирийском рассказывают, что этот город был построен не людьми, а богами. Они рассказывают, что его стены были сделаны из золота, а крыши — из серебра. Они рассказывают, что в центре города стоял храм, в котором находился трон верховного бога. Они рассказывают, что вокруг храма стояли дома жрецов, воинов, ремесленников. Они рассказывают, что за стенами города простирались поля, на которых росла пшеница, и пастбища, на которых паслись стада. Они рассказывают, что в городе били фонтаны, в которых текла вода, дающая молодость. Они рассказывают, что в городе росли деревья, на которых росли плоды, дающие бессмертие. Они рассказывают, что в городе

жили люди, которые не знали болезней, старости и смерти. Они рассказывают, что в городе царил мир, справедливость и изобилие. Они рассказывают, что город был окружён стеной, которую не мог преодолеть ни один враг. Они рассказывают, что город был защищён богами, которые жили в нём. Они рассказывают, что город был центром мира. Они рассказывают, что город был небом на земле. Они рассказывают, что город был Тенгри среди людей. Они рассказывают, что город был космосом в камне.

Но легенды рассказывают и о том, что этот город был разрушен. Они рассказывают, что боги покинули его.

Глава 16. Космогония кочевников: небо как верховное божество

В начале не было ничего. Не было ни земли, ни неба, ни Солнца, ни Луны, ни звёзд. Был только бескрайний океан, который тюрки называли Тениз — море небытия. Он простирался во все стороны, и не было у него ни берегов, ни дна, ни поверхности. Он был хаосом, который не знает ни формы, ни меры, ни порядка. Он был тьмой, которая не знает ни света, ни тени, ни границы. Он был безмолвием, которое не знает ни звука, ни голоса, ни слова. И в этом океане, в его бесконечной глубине, спало золотое яйцо. Оно было не больше песчинки и не меньше мира. Оно было круглым, как небо, и плотным, как земля. Оно было тёплым, как жизнь, и холодным, как смерть. И внутри этого яйца спал Тенгри — тот, кто должен был проснуться. Тот, кто должен был разбить скорлупу. Тот, кто должен был сотворить мир. Тот, кто должен был стать небом.

Этот миф о золотом яйце и спящем в нём божестве не был уникальным для кочевников Великой Степи. Похожие сюжеты встречаются у греков, у индийцев, у китайцев, у египтян, у полинезийцев. Но у тюрков и монголов этот миф приобрёл особую форму. Здесь не было демиурга, который существовал бы вечно и творил бы мир из ничего. Здесь не было бога,

который был бы отделён от своего творения. Здесь Тенгри сам был частью хаоса, сам был заперт в яйце, сам был скрыт в глубине океана. Чтобы сотворить мир, ему нужно было сначала сотворить самого себя. Чтобы дать форму вещам, ему нужно было сначала обрести форму. Чтобы стать небом, ему нужно было сначала разбить скорлупу. Этот акт пробуждения и разбиения яйца был первым космогоническим событием. Он был началом начал. Он был моментом, когда хаос уступил место порядку, когда тьма уступила место свету, когда безмолвие уступило место звуку. Он был моментом, когда появился Тенгри.

Из верхней части яйца Тенгри сотворил небо. Из нижней части он сотворил землю. Небо было голубым, как вечное утро. Земля была бурой, как осенняя степь. Небо было высоким, как мысль. Земля была твёрдой, как воля. Небо было тёплым, как дыхание. Земля была холодной, как молчание. И между ними не было ничего. Небо могло упасть на землю. Земля могла подняться к небу. Хаос мог вернуться. Порядок мог снова распасться. Чтобы этого не случилось, Тенгри взял свой посох и вбил его между небом и землёй. Этот посох назывался Темир Казык — Небесный Кол. Он вонзился в землю и упёрся в небо. Он стал осью мира. Он стал тем, вокруг чего вращается всё. Он стал Полярной звездой. К этой звезде Тенгри привязал небесных коней — звёзды и созвездия. И они ходят вокруг неё по всему небу. Ходят они вечно. Ходят они по кругу. Ходят они по закону. Ходят они по воле

Тенгри. И пока они ходят, мир стоит. И пока они ходят, небо не падает. И пока они ходят, земля не рассыпается. И пока они ходят, хаос не возвращается. И пока они ходят, порядок существует. И пока они ходят, жизнь продолжается. И пока они ходят, смерть ждёт. И пока они ходят, возрождение грядёт.

Этот образ — Полярная звезда как Небесный Кол, как ось мира, как гвоздь, вбитый в небо, — встречается у многих кочевых народов. Казахи называли её Темир Казык. Буряты называли её Алтан Гадахан — Золотой Кол. Монголы называли её Алтан Гадас — Золотой Гвоздь. Алтайцы называли её Чолмон — Утренняя звезда, которая не движется. Но за разными именами стояло одно и то же представление. Полярная звезда была центром неба. Она была тем, что не движется, в то время как всё остальное движется. Она была тем, что стоит, в то время как всё остальное ходит. Она была тем, что вечно, в то время как всё остальное преходяще. Она была осью, вокруг которой вращается мир. Она была столбом, который держит небо. Она была гвоздём, который прибивает небо к земле. Она была тем, что не даёт миру распасться. Она была тем, что не даёт хаосу вернуться.

В древнетюркских надписях, высеченных на каменных стелах в долине Орхона, есть слова, которые повторяются снова и снова. «Когда вверху было создано голубое небо, а внизу — бурая земля, между ними были созданы сыны человеческие». Эта формула — не просто поэтический образ.

Это космологическая формула. Она говорит о том, что мир состоит из трёх частей: неба, земли и людей. Небо — это верх. Земля — это низ. Люди — это середина. Люди — это посредники между небом и землёй. Люди — это те, кто соединяет верх и низ. Люди — это те, кто поддерживает порядок. Люди — это те, кто не даёт миру распасться. Люди — это те, кто должен жить по законам неба. Люди — это те, кто должен умереть, чтобы вернуться на небо. Люди — это те, кто должен возродиться, чтобы снова жить на земле.

Эта трёхчастная модель мира была не просто абстрактной схемой. Она была практическим руководством к жизни. Кочевник знал, что небо — это верхний мир, где живут боги и духи предков. Он знал, что земля — это средний мир, где живут люди и животные. Он знал, что под землёй находится нижний мир, где живут демоны и души умерших. Он знал, что между этими тремя мирами существует связь. Он знал, что шаман может путешествовать между ними. Он знал, что жертва может соединить их. Он знал, что молитва может достичь неба. Он знал, что смерть может открыть путь в нижний мир. Он знал, что жизнь может вернуть из нижнего мира. Он знал, что всё связано со всем.

Сотворение человека в тюркской космогонии было не менее удивительным, чем сотворение мира. Согласно одному из мифов, Тенгри сотворил кости человека из камыша, а тело — из глины. Затем он дунул в уши и в нос человека, и человек стал живым. Эта деталь — дуновение в уши и в нос

— встречается и в других мифологиях. В Библии Бог вдунул в лицо Адама дыхание жизни, и человек стал душою живою. В греческой мифологии Прометей вылепил людей из глины и вдохнул в них жизнь. В египетской мифологии Хнум вылепил людей на гончарном круге и вдохнул в них жизнь. Но у тюрков есть особенность. Тенгри дует не в рот, а в уши и в нос. Уши — это то, чем человек слышит. Нос — это то, чем человек дышит. Тенгри даёт человеку способность слышать и способность дышать. Слышать — значит понимать. Дышать — значит жить. Тенгри даёт человеку понимание и жизнь. Тенгри даёт человеку то, что делает его человеком. Тенгри даёт человеку себя. Тенгри даёт человеку небо. Тенгри даёт человеку Тенгри.

В другом мифе рассказывается о том, как Тенгри сотворил первого человека и назвал его Эр-Сагын. Эр-Сагын был первым шаманом. Он был первым, кто услышал голос неба. Он был первым, кто увидел знаки на небе. Он был первым, кто понял язык звёзд. Он был первым, кто научил людей молиться. Он был первым, кто научил людей приносить жертвы. Он был первым, кто научил людей жить по закону неба. Он был первым, кто научил людей умирать по закону неба. Он был первым, кто научил людей возрождаться по закону неба. Он был первым, кто научил людей быть небом. Он был первым, кто научил людей быть Тенгри. Он был первым, кто научил людей быть космосом. Он был первым, кто научил людей быть всем.

Сотворение животных и растений в тюркской космогонии тоже было делом Тенгри. Тенгри создал лошадь, чтобы человек мог ездить. Тенгри создал овцу, чтобы человек мог есть. Тенгри создал корову, чтобы человек мог пить. Тенгри создал верблюда, чтобы человек мог перевозить тяжести. Тенгри создал собаку, чтобы человек мог охранять стада. Тенгри создал орла, чтобы человек мог видеть дальше. Тенгри создал волка, чтобы человек мог бояться. Тенгри создал змею, чтобы человек мог уважать. Тенгри создал дерево, чтобы человек мог строить. Тенгри создал траву, чтобы человек мог пасти. Тенгри создал воду, чтобы человек мог пить. Тенгри создал огонь, чтобы человек мог греться. Тенгри создал всё, что нужно человеку. Тенгри создал всё, что окружает человека. Тенгри создал всё, что человек видит. Тенгри создал всё, что человек слышит. Тенгри создал всё, что человек чувствует. Тенгри создал всё, что человек знает. Тенгри создал всё, что человек не знает. Тенгри создал всё.

Сотворение светил — Солнца, Луны и звёзд — в тюркской космогонии было отдельным актом. Согласно одному из мифов, Тенгри создал Солнце и Луну из двух кусков золота, которые он отломал от своего посоха. Согласно другому мифу, Солнце и Луна были глазами Тенгри. Правый глаз — Солнце, левый глаз — Луна. Солнце смотрит на мир днём. Луна смотрит на мир ночью. Солнце видит всё, что делается при свете. Луна видит всё, что делается в темноте. Ничто не может укрыться от их взгляда. Ничто не может избежать их

суда. Солнце наказывает злых. Луна наказывает неверных. Солнце награждает добрых. Луна награждает верных. Солнце и Луна — это не просто светила. Это судьи. Это свидетели. Это боги. Тюрки клялись Солнцем и Луной. Они говорили: «Пусть Солнце меня покарает, если я солгу». Они говорили: «Пусть Луна меня забудет, если я нарушу слово». Эти клятвы были нерушимы. Никто не смел их нарушить. Потому что никто не хотел, чтобы Солнце его покарало. Никто не хотел, чтобы Луна его забыла. Никто не хотел остаться без света. Никто не хотел остаться в темноте.

Звёзды в тюркской космогонии были не просто светилами. Они были душами умерших. Каждый человек, который жил на земле, после смерти поднимался на небо и становился звездой. Каждая звезда помнила свою жизнь на земле. Каждая звезда светила для тех, кто ещё жил. Каждая звезда ждала, когда к ней присоединятся новые звёзды. Млечный Путь был дорогой, по которой души умерших поднимались на небо. Он назывался Кус Жолы — Птичья Дорога — у казахов. Он назывался Тэнгэриин Зам — Небесная Дорога — у монголов. Он назывался Улуг Хол — Великая Дорога — у якутов. Но за разными именами стояло одно и то же представление. Млечный Путь был дорогой душ. Млечный Путь был дорогой предков. Млечный Путь был дорогой, которая ведёт на небо. Млечный Путь был дорогой, которая ведёт к Тенгри. Млечный Путь был дорогой, которая ведёт домой.

Космогония кочевников не была статичной. Она развива-

лась, менялась, впитывала новые представления. Когда тюрки приняли ислам, они не отказались от своих древних мифов. Они включили их в новую систему. Тенгри стал отождествляться с Аллахом. Небо стало троном Аллаха. Звёзды стали знаками Аллаха. Но старые образы остались. Они жили в фольклоре, в обрядах, в языке. Они жили в названиях звёзд. Они жили в названиях созвездий. Они жили в названиях дней недели. Они жили в названиях месяцев. Они жили в сердце народа. Они живут до сих пор.

Когда монголы создали свою империю, они принесли свою космогонию в новые земли. Они принесли представление о небе как высшем божестве. Они принесли представление о кагане как сыне неба. Они принесли представление о том, что небо даёт власть. Они принесли представление о том, что небо наказывает за неправедные поступки.

Глава 17. Тенгри и Умай: небесный отец и земная мать

В тюркской и монгольской космологии существовало два верховных божества, чей союз определял всё устройство мироздания, и этими божествами были Тенгри, олицетворявший небо, и Умай, олицетворявшая землю и женское начало. Их отношения не были отношениями господина и госпожи, стоящих на разных ступенях небесной иерархии, а были отношениями отца и матери, чей брак породил всё сущее и чьё единство поддерживает мир в состоянии равновесия. Тенгри был активным, оплодотворяющим, повелевающим началом, тогда как Умай была началом принимающим, рождающим и защищающим. Вместе они составляли ту полноту бытия, без которой не было бы ни жизни, ни смерти, ни возрождения, ни самого космоса.

Тенгри как небесный отец не был божеством, удалённым от людей и безразличным к их нуждам. Он видел всё, что происходило на земле, и его взгляд проникал в самые сокровенные уголки человеческой души. Он давал ханам власть и отнимал её у тех, кто оказывался недостоин. Он посылал дождь на поля праведных и засуху на земли грешников. Он определял исход битв и решал, кому суждено победить, а кому — пасть. Его именем клялись, и нарушить такую клятву

означало навлечь на себя беду, от которой не было спасения. Он был законом, порядком и справедливостью, и его решения нельзя было оспорить, потому что они исходили от самой природы вещей.

Умай как земная мать была ближе к человеку, чем её небесный супруг, потому что она жила не в далёких небесных чертогах, а в самой земле, в её водах, в её травах, в её лесах и горах. Она была покровительницей женщин и детей, защитницей домашнего очага и хранительницей рода. К ней обращались те, кто хотел иметь потомство, и те, кто хотел сохранить жизнь уже рождённым детям. Она понимала женские печали и радости, знала, как трудно растить ребёнка в суровых условиях степи, и помогала тем, кто чтил её память. Её имя произносили с любовью и надеждой, потому что она была заступницей, способной смягчить гнев небесного отца и вымолить прощение для тех, кто оступился.

В тюркских мифах Умай часто изображалась в образе женщины с серебряными волосами, которые спадали до самой земли, и сидела она на золотом троне, установленном на вершине высокой горы. В правой руке она держала чашу с молоком, а в левой — чашу с кровью, и эти две чаши символизировали её власть над жизнью и смертью. Молоко было жизнью, которую она давала новорождённым, а кровь была смертью, которую она принимала, когда душа покидала тело. Она пряла нить жизни, обрезала её, когда приходило время, и связывала её снова, когда душа возвращалась на землю в

новом теле. Она была судьбой, и её решения были окончательными, как и решения Тенгри, но если Тенгри судил по закону, то Умай судила по милосердию, и в этом заключалось их равновесие.

Монгольская традиция представляла Умай иначе, чем тюркская, хотя суть её оставалась той же. У монголов она изображалась как женщина с лебедиными крыльями, которые росли у неё за спиной, и она летала над землёй, наблюдая за всем, что происходило в мире людей. Она видела, кто живёт по закону неба, а кто нарушает его, кто помогает ближним, а кто вредит им, кто любит, а кто ненавидит, кто рожает, а кто убивает. Она рассказывала Тенгри о том, что видела, и Тенгри судил, наказывал и награждал. Умай была глазами Тенгри на земле, его ушами и его голосом, его руками и его сердцем. Без неё небесный отец не знал бы о том, что происходит внизу, а без него она не имела бы силы вершить справедливость. Они были нужны друг другу, как нужны друг другу небо и земля, свет и тень, жар и прохлада, сухость и влага.

Культ Умай был распространён у всех тюркских и монгольских народов, и следы его можно найти в обрядах, которые сохранились до наших дней. Женщины, желавшие забеременеть, приносили ей жертвы и просили о помощи. Матери, тревожившиеся о здоровье своих детей, обращались к ней с молитвами и дарами. Шаманы, лечившие больных, призывали её, когда нужно было вернуть душу, покинувшую

тело. Старики, чувствуя приближение смерти, молились ей, чтобы она приняла их душу и проводила её в иной мир. Она была не просто богиней, а матерью, и к ней шли так, как идут к матери — с надеждой, с любовью и с верой в то, что она поможет, что бы ни случилось.

Тенгри, напротив, был далёк и грозен, и к нему обращались не с просьбами, а с клятвами и жертвами. Его нельзя было задобрить ласковыми словами или мелкими подношениями. Ему нужна была верность, и тот, кто был верен ему, получал силу и удачу, а тот, кто изменял, терял всё. Ханы и каганы, правившие кочевыми народами, считались сыновьями Тенгри, и их власть была не просто политической, а космической. Они были посредниками между небом и землёй, и через них Тенгри говорил с народом. Если хан правил справедливо, небо посылало дождь и хорошие пастбища, а если он правил несправедливо, небо посылало засуху, мор скота и поражения в войнах. Небо было высшим судьёй, и его приговор нельзя было обжаловать.

Отношения между Тенгри и Умай были не просто супружескими, а космологическими. Они олицетворяли два начала, которые не могут существовать друг без друга. Тенгри был огнём, а Умай — водой. Тенгри был ветром, а Умай — камнем. Тенгри был громом, а Умай — тишиной. Тенгри был смертью, а Умай — жизнью. Тенгри был законом, а Умай — милостью. Они были противоположны, но противоположности не боролись между собой, а дополняли друг

друга, создавая то напряжение, которое делает возможным движение и развитие. Без Тенгри Умай была бы бесплодной, а без Умай Тенгри был бы бесплотным. Без Тенгри не было бы порядка, а без Умай не было бы жизни. Они были двумя половинами одного целого, двумя сторонами одной монеты, двумя полюсами одного мира.

В тюркских и монгольских мифах сохранились истории, которые рассказывают о том, как Тенгри и Умай встретились впервые. Тенгри спустился с неба на землю, а Умай поднялась с земли на небо, и встретились они на вершине горы, которая была осью мира и которая соединяла верх и низ. Тенгри сказал: «Я — небо, я — свет, я — закон, я — смерть, я — вечность». Умай сказала: «Я — земля, я — тень, я — милость, я — жизнь, я — мгновение». Тенгри сказал: «Мы разные». Умай сказала: «Мы разные». Тенгри сказал: «Но мы нужны друг другу». Умай сказала: «Но мы нужны друг другу». И они обнялись, и слились в одно, и это одно стало миром, космосом, жизнью, смертью и возрождением. Эта легенда — не просто поэтический образ, а космологическая формула, которая объясняет, почему мир устроен так, а не иначе, и почему всё в нём связано со всем.

Культ Тенгри и Умай был не просто религией, а способом жизни, который определял, как человек относится к миру, к другим людям и к самому себе. Мужчина должен был быть как Тенгри — сильным, справедливым, мудрым, отцом и защитником. Женщина должна была быть как Умай — лю-

бящей, милосердной, терпеливой, матерью и хранительницей очага. Мужчина и женщина должны были быть вместе, как небо и земля, как Тенгри и Умай, и в этом союзе они находили полноту бытия. Тюркская семья строилась по этому образцу, и каждый член семьи знал своё место и свою роль. Мужчина принимал решения и защищал семью, женщина заботилась о детях и хранила очаг, и вместе они создавали тот мир, в котором можно было жить, любить, рожать детей, стариться и умирать, зная, что смерть — это не конец, а переход в иное состояние.

В одном тюркском предании рассказывается о том, как однажды Тенгри и Умай поспорили о том, кто из них важнее. Тенгри сказал: «Я важнее, потому что без меня не было бы закона, порядка и справедливости». Умай сказала: «Я важнее, потому что без меня не было бы жизни, любви и милосердия». Они спорили долго и не могли решить, кто прав. Тогда они обратились к звёздам, которые были свидетелями всего, что происходило в мире. Звёзды сказали: «Вы оба важны, вы оба нужны, вы оба едины, вы оба — космос». Тенгри и Умай согласились, обнялись и слились в одно, и это одно стало всем. Эта легенда — не просто сказка, а притча о том, что истина не в одной стороне, а в единстве противоположностей, и что мир держится не на борьбе, а на согласии.

Умай была не только богиней, но и символом, который воплощал всё, что делает жизнь возможной. Она была символом плодородия, любви, милосердия, прощения, надежды

и возрождения. Без неё не было бы ни рождения, ни смерти, ни возвращения к жизни. Тенгри был символом власти, закона, порядка, справедливости, суда и вечности. Без него не было бы ни смысла, ни цели, ни направления. Вместе они составляли ту полноту, которая делает мир миром, а жизнь жизнью. И потому тюрки и монголы почитали их обоих, не противопоставляя одного другому, а видя в них единое целое, которое проявляется в двух лицах.

Когда европейские путешественники и миссионеры, попадавшие в степи в тринадцатом и четырнадцатом веках, пытались описать веру тартар, они часто не могли понять, как можно поклоняться небу и земле одновременно, и это непонимание порождало множество искажений. Плано Карпини, например, писал, что тартары поклоняются Солнцу, Луне, огню, воде и земле, но не упоминал о Тенгри и Умай как о верховных божествах, потому что не смог разглядеть за внешними обрядами ту космологическую систему, которая лежала в их основе. Лишь много позже, когда европейские учёные начали систематически изучать тюркские и монгольские языки и тексты, стало ясно, что за поклонением стихиям скрывается стройная и глубокая космология, в которой небо и земля, Тенгри и Умай, занимают центральное место.

Умай была не просто богиней земли, а богиней самой жизни, которая проявляется во всём, что растёт, дышит и размножается. Она была в траве, которая зеленеет весной, в воде, которая течёт в реках, в детях, которые рождаются, в жи-

вотных, которые приносят потомство. Она была в женщине, которая вынашивает и рожает ребёнка, и в мужчине, который оплодотворяет её. Она была во всём, что живёт, и во всём, что умирает, чтобы жить снова. Тенгри был не просто богом неба, а богом самого порядка, который проявляется в движении Солнца и Луны, в смене времён года, в чередовании дня и ночи. Он был в законе, который нельзя нарушить, в справедливости, которая рано или поздно восторжествует, в смерти, которая неизбежна, и в возрождении, которое неизбежно так же, как смерть. Вместе они были всем.

В монгольском эпосе «Гэсэр» есть эпизод, в котором богатырь поднимается на небо, чтобы встретиться с Тенгри и Умай. Он проходит через множество испытаний, и когда наконец достигает небесного чертога, он видит Тенгри, сидящего на троне из золота, и Умай, сидящую рядом с ним на троне из серебра. Тенгри спрашивает его: «Зачем ты пришёл?» Гэсэр отвечает: «Я пришёл, чтобы узнать, что такое жизнь и что такое смерть». Тенгри говорит: «Жизнь — это я, а смерть — это я, потому что я — закон, и всё, что происходит, происходит по моей воле». Умай говорит: «Жизнь — это я, а смерть — это я, потому что я — мать, и всё, что рождается, рождается от меня, и всё, что умирает, возвращается ко мне». Гэсэр слушает и не может понять, кто из них прав. Тогда Тенгри и Умай говорят ему в один голос: «Мы — одно. Небо и земля — одно. Жизнь и смерть — одно. Всё — одно. И ты — часть этого одного». Гэсэр понимает и возвращается

на землю, чтобы рассказать людям о том, что узнал.

Этот эпизод — не просто литературный сюжет, а космологическое откровение, которое раскрывает суть тартарской веры. Мир един, и всё в нём связано, и нет ничего, что существовало бы отдельно от всего остального. Тенгри и Умай — это два аспекта одного целого, и человек, который понимает это, понимает и всё остальное. Он понимает, что жизнь и смерть — не противоположности, а две стороны одного процесса. Он понимает, что небо и земля — не разные миры, а один мир, который проявляется в разных формах. Он понимает, что он сам — часть этого мира, и что его судьба связана с судьбой всего сущего. И это понимание даёт ему силы жить, любить, рожать детей, стариться и умирать, зная, что смерть — это не конец, а начало, и что за порогом смерти его ждёт не пустота, а новая жизнь.

В тюркском эпосе «Манас» есть похожий эпизод, в котором богатырь встречается с Тенгри и Умай и получает от них благословение. Тенгри даёт ему меч, который разит врагов, а Умай даёт ему чашу с молоком, которое даёт силу и здоровье. Манас понимает, что меч без молока — это только оружие, а молоко без меча — это только пища, и что вместе они делают его непобедимым. Эта метафора — не просто поэтический образ, а космологическая формула, которая объясняет, что сила без милосердия — это тирания, а милосердие без силы — это слабость, и что только вместе они создают то, что делает жизнь возможной. Тенгри и Умай — это меч

и молоко, закон и милость, смерть и жизнь, и человек, который принимает и то, и другое, обретает полноту бытия.

Культ Тенгри и Умай сохранился у многих народов, которые когда-то были частью Великой Тартарии, и следы его можно найти в обрядах, которые до сих пор живут в Сибири, в Центральной Азии и на Кавказе. Буряты, алтайцы, тувинцы, якуты, хакасы и многие другие народы почитают небо и землю как священные начала, и их обряды, хотя и были облечены в буддийские или мусульманские формы, сохранили свою первоначальную суть. Они приносят жертвы небу и земле, они молятся о дожде и урожае, они просят о детях и здоровье, и они знают, что небо и земля слышат их, потому что небо и земля — это не абстракции, а живые существа, с которыми можно говорить, как с отцом и матерью.

Глава 18. Культ Вечного Неба: как степь представляла себе мироздание

Вечное Небо не было богом в том смысле, в каком европейцы понимают это слово. У него не было ни лица, ни тела, ни голоса, ни имени, которое можно было бы произнести в молитве. Оно не рождалось, не умирало и не возрождалось. Оно просто было. Оно было всегда. Оно было везде. Оно было всем. Кочевник, который поднимал голову и смотрел вверх, видел не просто голубой или серый или чёрный свод, по которому плывут облака и движутся светила. Он видел силу, которая создала мир и которая управляет им. Он видел закон, который нельзя нарушить. Он видел порядок, который нельзя отменить. Он видел суд, который нельзя обжаловать. Он видел жизнь, которую нельзя прожить иначе. Он видел смерть, которую нельзя избежать. Он видел возрождение, которое нельзя остановить. Он видел всё. И он знал, что это всё — Вечное Небо.

Культ Вечного Неба не был религией в привычном смысле этого слова. У него не было храмов, не было жрецов, не было священных книг, не было обрядов, которые можно было бы совершать в определённое время в определённом месте. Он был везде и всегда. Кочевник не мог выйти из-под неба. Он

не мог спрятаться от него. Он не мог уйти от него. Он жил под небом, он дышал небом, он смотрел на небо, он говорил с небом, он слушал небо. Небо было его домом. Небо было его родом. Небо было его предком. Небо было его богом. Небо было им самим.

Вечное Небо не было личностью. Оно не любило и не ненавидело. Оно не прощало и не наказывало. Оно не слышало молитв и не отвечало на них. Оно просто было. Но из этого «просто было» вытекало всё остальное. Если небо вечно, то и мир вечен. Если небо неизменно, то и закон неизменен. Если небо везде, то и порядок везде. Если небо всё, то и человек — часть всего. Если небо не имеет начала, то и мир не имеет начала. Если небо не имеет конца, то и мир не имеет конца. Если небо не имеет границ, то и мир не имеет границ. Если небо не имеет формы, то и мир не имеет формы. Если небо не имеет имени, то и мир не имеет имени. Если небо не имеет лица, то и мир не имеет лица. Если небо не имеет голоса, то и мир не имеет голоса. Если небо есть, то и мир есть. Если небо будет, то и мир будет.

Кочевник не молился Вечному Небу так, как христианин молится Богу или мусульманин молится Аллаху. Он не просил у неба дождя или урожая, победы или богатства, здоровья или долголетия. Он не ждал от неба чудес и не благодарил его за благодеяния. Он просто знал, что небо есть. И этого знания было достаточно. Оно давало ему силу. Оно давало ему мужество. Оно давало ему уверенность. Оно давало ему

спокойствие. Оно давало ему смысл. Оно давало ему всё.

Ритуалы, связанные с Вечным Небом, были простыми и немногочисленными. Кочевник поднимал руки к небу, когда хотел показать, что говорит правду. Он поднимал чашу с кумысом к небу, прежде чем выпить её. Он выливал первую каплю кумыса на землю, чтобы почтить небо и землю. Он поднимал голову к небу, когда слышал гром. Он смотрел на небо, когда начинал важное дело. Он смотрел на небо, когда принимал решение. Он смотрел на небо, когда отправлялся в путь. Он смотрел на небо, когда возвращался домой. Он смотрел на небо, когда рождался ребёнок. Он смотрел на небо, когда умирал старик. Он смотрел на небо всегда. Потому что небо было всегда.

Клятва Вечным Небом была самой страшной клятвой. Тот, кто клялся небом и нарушал клятву, не мог избежать кары. Небо не наказывало его молнией и не посылало на него болезни. Небо просто отворачивалось от него. Оно переставало быть его небом. Оно становилось чужим небом. И человек, который терял своё небо, терял всё. Он терял защиту. Он терял покровительство. Он терял удачу. Он терял смысл. Он терял жизнь. Он терял смерть. Он терял возрождение. Он терял всё. Поэтому клятва Вечным Небом была нерушимой. Никто не смел её нарушить. Потому что никто не хотел потерять своё небо. Потому что никто не хотел остаться без неба.

Вечное Небо было не только религиозным понятием. Оно было и политическим понятием. Хан или каган правил не

потому, что он был сильнее других, и не потому, что он был знатнее других, и не потому, что он был богаче других. Он правил потому, что Вечное Небо избрало его. Он правил потому, что Вечное Небо дало ему власть. Он правил потому, что Вечное Небо говорило через него. Он правил потому, что он был сыном Вечного Неба. И тот, кто противился хану, противился не человеку. Он противился Вечному Небу. А тот, кто противился Вечному Небу, был обречён. Небо не посылало на него молний. Небо просто переставало быть его небом. И он терял всё. Он терял землю. Он терял скот. Он терял жену. Он терял детей. Он терял жизнь. Он терял смерть. Он терял возрождение. Он терял всё.

Чингисхан понимал это лучше, чем кто-либо другой. Он не называл себя богом. Он не говорил, что он равен Вечному Небу. Он говорил, что он — сын Вечного Неба. Он говорил, что Вечное Небо избрало его, чтобы объединить все народы под своей властью. Он говорил, что Вечное Небо дало ему силу, чтобы покарать неправедных и наградить верных. Он говорил, что Вечное Небо ведёт его по пути, который ведёт к созданию единого мира. Он говорил, что этот мир будет миром порядка и справедливости. Он говорил, что этот мир будет миром, в котором каждый человек займёт своё место. Он говорил, что этот мир будет миром, в котором каждый человек будет знать свой закон. Он говорил, что этот мир будет миром, в котором каждый человек будет знать свой путь. Он говорил, что этот мир будет миром, в котором каждый

человек будет знать своё небо. Он говорил, что этот мир будет миром Вечного Неба. И он создал этот мир. И он создал его на земле. И он создал его на небе. И он создал его в сердцах людей. И он создал его в памяти народов. И он создал его в истории. И он создал его в вечности.

Вечное Небо было не только политическим понятием. Оно было и нравственным понятием. Всё, что происходило в мире, происходило по воле Вечного Неба. Если человек рождался, это было потому, что Вечное Небо дало ему жизнь. Если человек умирал, это было потому, что Вечное Небо забрало его жизнь. Если человек был счастлив, это было потому, что Вечное Небо наградило его. Если человек был несчастен, это было потому, что Вечное Небо наказало его. Если человек побеждал, это было потому, что Вечное Небо помогло ему. Если человек терпел поражение, это было потому, что Вечное Небо оставило его. Всё было волей Вечного Неба. И человек не мог изменить эту волю. Он мог только принять её.

Эта нравственная система была не фатализмом в европейском смысле этого слова. Кочевник не считал, что он не может ничего изменить. Он считал, что он может изменить многое. Но он может изменить только то, что находится в его власти. Он может быть храбрым. Он может быть честным. Он может быть верным. Он может быть щедрым. Он может быть справедливым. Он может быть милосердным. Он может быть терпеливым. Он может быть мудрым. Он может быть

добрым. Он может быть сильным. Он может быть. И если он будет всем этим, то Вечное Небо заметит его. И если Вечное Небо заметит его, то оно наградит его.

Вечное Небо было не только нравственным понятием. Оно было и космологическим понятием. Вечное Небо было моделью мира. Оно было тем, что объясняло, почему мир устроен так, а не иначе. Оно было тем, что объясняло, почему небо не падает на землю. Оно было тем, что объясняло, почему звёзды движутся по кругу. Оно было тем, что объясняло, почему Солнце встаёт на востоке и садится на западе. Оно было тем, что объясняло, почему Луна меняет свою форму.

Вечное Небо не было пустым пространством. Оно было полно жизни. По нему ходили небесные кони — звёзды и созвездия. По нему скакали небесные всадники — Солнце и Луна. По нему текли небесные реки — Млечный Путь. По нему летали небесные птицы — кометы и метеоры. По нему ходили небесные звери — планеты. По нему жили небесные люди — души умерших. По нему жили небесные боги — духи предков. По нему жил сам Тенгри — небесный отец. По нему жила сама Умай — небесная мать. По нему жило всё, что жило на земле. По нему жило всё, что жило на небе. По нему жило всё.

Глава 19. Эрлик и подземный мир: тёмная половина космоса

Небо было светлым. Небо было высоким. Небо было добрым. Небо давало жизнь, свет, тепло, закон и порядок. Но у неба была тень. У света была тьма. У верха был низ. И в этом низу, в глубине, под землёй, в темноте, которая не знала Солнца, жил тот, кто был противоположностью Тенгри. Его звали Эрлик. Его называли владыкой подземного мира, царём мёртвых, повелителем злых духов. Но он не всегда был таким. В начале времён, когда мир только создавался, Эрлик был не врагом неба, а его помощником. Он был первым существом, которое Тенгри сотворил. Он был демиургом, творцом, который вместе с Тенгри создавал землю, воду, горы и реки. Он нырял в первичный океан, чтобы достать со дна горсть земли. Он летал над водами, чтобы найти место для первой тверди. Он был рукой Тенгри, его инструментом, его партнёром. Но в его сердце жила гордость. Он хотел быть равным Тенгри. Он хотел творить не по воле неба, а по своей собственной. И за эту гордость он был низвергнут с неба в подземный мир. Тенгри создал для него отдельное царство, чтобы он не оставался на земле, чтобы он не мешал людям, чтобы он не разрушал порядок. Так Эрлик стал владыкой нижнего мира. Так появилась тёмная полови-

на космоса.

Этот миф о падении Эрлика встречается у многих тюркских и монгольских народов. Алтайцы рассказывают, что Эрлик был первым человеком, которого сотворил Тенгри. Он был братом Тенгри, его помощником, его соратником. Но когда Тенгри создал человека, Эрлик захотел властвовать над ним. Он потребовал, чтобы Тенгри отдал ему людей. Тенгри отказал. Тогда Эрлик попытался обмануть Тенгри, но был разоблачён и сброшен с неба. Он упал вниз и застрял между небом и землёй. Тенгри послал ворона, чтобы тот вытащил Эрлика из бездны. Ворон вытащил его, но Эрлик не раскаялся. Тогда Тенгри создал для него подземный мир и отправил его туда навсегда. С тех пор Эрлик живёт под землёй и правит царством мёртвых. Он больше не может подняться на небо. Он больше не может вернуться к свету. Он больше не может быть рядом с Тенгри. Он обречён на вечную тьму. Но он не смирился. Он не отказался от своей гордости. Он не признал поражения. Он продолжает бороться. Он посылает на землю болезни, смерть, несчастья. Он забирает души людей и делает их своими рабами. Он строит козни против Тенгри и против людей. Он хочет вернуть себе то, что потерял. Он хочет снова стать равным небу. Он хочет снова стать светом. Но он не может. Он может только разрушать. Он может только забирать. Он может только убивать. Он может только ждать. Он ждёт конца мира. Он ждёт, когда небо упадёт на землю. Он ждёт, когда порядок распадётся и

хаос вернётся. Он ждёт, когда он снова сможет подняться. Он ждёт. И он готовится. Он готовится к последней битве. Он готовится к концу времён.

Эрлик не был просто злым духом. Он был сложной фигурой, в которой соединялись противоположные качества. Он был творцом и разрушителем. Он был помощником и врагом. Он был первым и последним. Он был братом Тенгри и его соперником. Он был тем, кто даёт душу, и тем, кто её забирает. Алтайские шаманы говорили, что Эрлик создал человека из глины, а Тенгри вдохнул в него душу. Другие говорили, что Тенгри создал тело, а Эрлик дал ему душу. Третьи говорили, что Эрлик создал всё живое на земле: зверей, птиц, рыб, насекомых. Он создал их с помощью кузнечных инструментов — молота, наковальни, мехов. Он был первым кузнецом. Он был покровителем кузнечного ремесла. Он научил людей обрабатывать железо.

Внешность Эрлика была ужасной. Алтайцы описывали его как гиганта с чёрным, как земля, лицом. Его глаза были красными, как огонь. Его борода была длиной до пояса. Его усы были короткими и чёрными. У него были рога. Его зубы были длинными и блестящими, как у зверя. Его ногти были как медвежьи когти. Ногами ему служил чёрный туман. Дыханием ему служил синий туман. Он ездил на чёрном аргамаке. В руках он держал плеть из чёрной змеи. Его дворец стоял в устье девяти чёрных морей, на берегу Огненного и Ядовитого морей. Дворец был сделан из меди и имел семь

углов. У дверей дворца стояли две чёрные собаки размером с телёнка. Они были привязаны железными цепями. Через моря к его обители был протянут волосяной мост. Только шаман, который знал путь, мог пройти по этому мосту. Только шаман, который не боялся тьмы, мог войти в этот дворец. Только шаман, который был чист, мог вернуться оттуда. Телеуты описывали Эрлика как старика с длинной бородой, с чёрными усами, с чёрным бобром вместо постели. Он играл чёрными тучами.

Подземный мир Эрлика был не просто ямой или пещерой. Это был огромный мир, который находился под землёй и который имел свою структуру. Алтайцы верили, что подземный мир состоит из семи или девяти слоёв. Каждый слой был темнее предыдущего. В самом нижнем слое, в седьмом или девятом, находился дворец Эрлика. Там было царство вечной тьмы. Там не было ни Солнца, ни Луны, ни звёзд. Там был только огонь, который горел в огромном бронзовом котле. В этом котле варились грешники. Их варил Кирей-хан, сын Эрлика, который был ещё более жестоким, чем его отец. Он раздувал девять мехов, чтобы огонь горел ярче. Он не знал милосердия даже к своим детям. В подземном мире всё было наоборот. Если на земле был день, то под землёй была ночь. Если на земле было лето, то под землёй была зима. Если на земле люди рождались, то под землёй они умирали. Если на земле люди смеялись, то под землёй они плакали. Всё было перевёрнуто. Всё было противоположно. Всё было

тёмной половиной космоса.

Реки подземного мира текли вспять. Они впадали не в море, а в небо. Они текли не вниз, а вверх. Они несли не воду, а кровь. Они были полны не рыбой, а душами умерших. Одна из этих рек называлась Тойбодым. Она была создана из слёз людей. Другая река называлась Ядовитой. Она была создана из гнева Эрлика. Третья река называлась Огненной. Она была создана из боли грешников. Все эти реки впадали в одно море. Это море называлось морем Тьмы. Оно было чёрным, как ночь. Оно было глубоким, как бездна. Оно было холодным, как смерть. В этом море плавали не корабли, а кости. В этом море ловили не рыбу, а души. В этом море тонули не люди, а надежды. Это море было концом всего. Это море было началом всего. Это море было Эрликом.

Души умерших попадали в подземный мир после смерти. Они шли по длинной дороге, которая вела вниз. Они проходили через семь или девять слоёв. Они видели всё более глубокую тьму. Они слышали всё более громкие стоны. Они чувствовали всё более сильный холод. Они шли к дворцу Эрлика. Они входили в медную юрту. Они представали перед чёрным троном. На троне сидел Эрлик. Он смотрел на них красными глазами. Он спрашивал их, как они жили. Он спрашивал их, соблюдали ли они законы. Он спрашивал их, приносили ли они жертвы. Он спрашивал их, уважали ли они старших. Он спрашивал их, любили ли они своих детей. Он спрашивал их обо всём. И если они отвечали неправильно,

он отправлял их в котёл. Если они отвечали правильно, он оставлял их у себя. Они становились его слугами. Они работали на него. Они страдали. Они ждали. Они ждали, когда их души освободятся. Они ждали, когда они смогут вернуться на землю. Они ждали, когда они смогут родиться снова. Они ждали. И некоторые из них дожидались. Шаман мог спуститься в подземный мир и выкупить душу. Он мог пройти через все препятствия. Он мог договориться с Эрликом. Он мог вернуть душу на землю. Но это было трудно. Это было опасно. Это мог сделать только тот, кто знал путь. Это мог сделать только тот, кто не боялся тьмы. Это мог сделать только тот, кто был чист.

Культ Эрлика был не менее важен, чем культ Тенгри. Тюрки верили, что главным богом является Тенгри, но нужно было задобрить и Эрлика. А потому и приносили ему жертвы. Поскольку в подземном мире всё наоборот, то и жертвоприношения Эрлику совершались по ночам, а жертвенные животные были безрогими, хромыми или с другими изъянами. Если жертвовалась посуда, вещи, оружие, то они должны были быть сломаны. В подземном мире всё это вновь становилось целым. Эрлику не приносили в жертву коней. Конь был животным неба. Конь был животным Тенгри. Эрлику приносили в жертву животных с изъянами. Ему приносили в жертву то, что было не нужно небу. Ему приносили в жертву то, что было сломано. Ему приносили в жертву то, что было темно. Эрлик принимал эти жертвы. Он был доволен.

Он не посылал болезни. Он не забирал души. Он не насылал смерть. Он ждал. Он ждал, когда ему принесут следующую жертву. Он ждал, когда к нему придут новые души. Он ждал, когда начнётся последняя битва.

Шаманы были посредниками между людьми и Эрликом. Они могли спускаться в подземный мир. Они могли разговаривать с Эрликом. Они могли выкупать души. Они могли лечить болезни, которые послал Эрлик. Они могли предсказывать будущее, которое знал Эрлик. Они были единственными, кто мог смотреть в глаза Эрлику и не умирать. Они были единственными, кто мог входить в его дворец и возвращаться. Они были единственными, кто мог говорить с ним. Они были единственными, кто мог его обманывать. Они были единственными. И они знали, что Эрлик не был просто злом. Он был необходим. Без него не было бы смерти. Без смерти не было бы жизни. Без тьмы не было бы света. Без низа не было бы верха. Без Эрлика не было бы Тенгри. Эрлик был тенью Тенгри. Эрлик был половиной космоса.

В одной алтайской легенде рассказывается о том, как шаман спустился в подземный мир, чтобы вернуть душу больного ребёнка. Он шёл по длинной дороге. Он прошёл через семь слоёв тьмы. Он вошёл в медную юрту. Он увидел Эрлика на чёрном троне. Эрлик спросил: «Зачем ты пришёл?» Шаман ответил: «Я пришёл за душой ребёнка». Эрлик сказал: «Эта душа принадлежит мне. Я дал её при рождении. Я забрал её при болезни. Она моя». Шаман сказал: «Но ребё-

нок ещё не жил. Он не успел сделать ни добра, ни зла. Он не успел познать ни радости, ни печали. Он не успел увидеть ни Солнца, ни Луны, ни звёзд. Он не успел». Эрлик сказал: «Это не моя забота. Я владыка мёртвых. Я не сужу живых. Я забираю тех, кто умирает. Я оставляю тех, кто живёт. Я не решаю, кому жить, а кому умереть. Это решает Тенгри. Тенгри дал мне эту душу. Тенгри забрал её у ребёнка. Тенгри отправил её ко мне. Я не могу её вернуть». Шаман сказал: «Но ты можешь. Ты владыка подземного мира. Ты можешь отпустить душу. Ты можешь вернуть её на землю. Ты можешь». Эрлик долго молчал. Потом он сказал: «Я отпущу душу. Но ты должен заплатить. Ты должен отдать мне свою тень. Ты должен отдать мне свой страх. Ты должен отдать мне свою гордость. Ты должен отдать мне всё, что делает тебя человеком. Ты должен стать тенью. Ты должен стать страхом. Ты должен стать гордостью. Ты должен стать мной. И тогда я отпущу душу». Шаман согласился. Он отдал свою тень. Он отдал свой страх. Он отдал свою гордость. Он стал тенью. Он стал страхом. Он стал гордостью. Он стал Эрликом. И Эрлик отпустил душу. И ребёнок выздоровел. И шаман вернулся на землю. Но он больше не был шаманом. Он был тенью. Он был страхом. Он был гордостью. Он был Эрликом.

Эрлик был не только владыкой мёртвых. Он был и владыкой времени. Он жил в подземном мире, где время текло иначе. Там не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни лет. Там было только вечное настоящее. Там не было ни прошло-

го, ни будущего. Там было только то, что есть. Эрлик видел всё. Он видел прошлое. Он видел настоящее. Он видел будущее. Он знал, что было. Он знал, что есть. Он знал, что будет. Он знал, когда начнётся конец мира. Он знал, когда небо упадёт на землю. Он знал, когда порядок распадётся и хаос вернётся. Он знал, когда он снова сможет подняться.

Подземный мир Эрлика был не просто местом наказания. Это был и место возрождения. Души, которые попадали туда, не исчезали навсегда. Они ждали. Они ждали, когда смогут вернуться на землю. Они ждали, когда смогут родиться снова. Они ждали, когда смогут начать новую жизнь. Эрлик не убивал их. Он только забирал их. Он хранил их. Он берёг их. Он ждал вместе с ними. Он знал, что придёт время, когда они вернутся. Он знал, что придёт время, когда он отпустит их. Он знал, что придёт время, когда они снова увидят свет. Он знал. И он ждал. Он ждал, потому что он был частью космоса. Он был тёмной половиной. Без него не было бы светлой. Без него не было бы равновесия.

В древнетюркских надписях, высеченных на каменных стелах, есть слова, которые говорят о том, что мир состоит из трёх частей: неба, земли и подземного мира. Небо — это верх. Земля — это середина. Подземный мир — это низ. Небо — это Тенгри. Земля — это Умай. Подземный мир — это Эрлик. Тенгри — это свет. Умай — это жизнь. Эрлик — это тьма. Тенгри — это закон. Умай — это милость. Эрлик — это наказание. Тенгри — это порядок. Умай — это пло-

дородие. Эрлик — это хаос. Они были тремя половинами одного целого. Они были тремя частями космоса. Они были тремя. Но они были одним. Они были космосом.

Эрлик не был дьяволом в христианском смысле этого слова. Он не был абсолютным злом. Он не был врагом Бога. Он был частью Бога. Он был частью неба. Он был тенью Тенгри. Он был тем, без чего Тенгри не был бы полным. Он был тем, без чего мир не был бы целым. Он был тем, без чего жизнь не была бы жизнью. Он был необходим. Он был неизбежен. Он был вечен. Он был. И тюрки знали это. Они знали, что нельзя поклоняться только Тенгри. Нужно было уважать и Эрлика. Нужно было приносить ему жертвы. Нужно было помнить о нём. Иначе он посылал болезни. Иначе он забирал души. Иначе он насылал смерть. Иначе он мстил. Он мстил за то, что его забыли. Он мстил за то, что его не уважали. Он мстил за то, что его не боялись. Он мстил. И тюрки боялись. Они боялись Эрлика. Они уважали Эрлика. Они помнили о нём. Они приносили ему жертвы. Они делали это ночью. Они делали это с животными с изъянами. Они делали это со сломанными вещами. Они делали это так, как нужно. И Эрлик был доволен. И он не мстил. И он ждал. Он ждал, когда придёт конец. Он ждал, когда небо упадёт на землю. Он ждал, когда порядок распадётся. Он ждал, когда хаос вернётся. Он ждал, когда он снова сможет подняться. Он ждал. И он готовился. Он готовился к последней битве. Он готовился к концу времён. Он готовился. И он знал, что конец придёт. И

он знал, что он будет частью этого конца. И он знал, что он будет частью нового начала.

В одной монгольской легенде рассказывается о том, как Эрлик однажды поднялся на землю, чтобы посмотреть, как живут люди. Он принял облик старика с длинной бородой. Он ходил по стойбищам. Он смотрел на людей. Он видел, как они рожают детей. Он видел, как они умирают. Он видел, как они смеются. Он видел, как они плачут. Он видел, как они любят. Он видел, как они ненавидят. Он видел всё. И он понял, что люди не боятся его. Они забыли о нём. Они поклонялись только Тенгри. Они приносили жертвы только небу. Они не думали о подземном мире. Они не думали о смерти. Они не думали о нём. И Эрлик разгневался. Он вернулся в подземный мир. Он послал на землю болезни. Он послал на землю смерть. Он послал на землю страдания. Люди начали умирать. Люди начали болеть. Люди начали страдать. Они не знали, что делать. Они пошли к шаманам. Шаманы сказали: «Вы забыли Эрлика. Вы не приносите ему жертвы. Вы не уважаете его. Вы не боитесь его. Он мстит вам. Нужно задобрить его. Нужно принести ему жертвы. Нужно вспомнить о нём». Люди послушались. Они принесли жертвы. Они сделали это ночью. Они сделали это с животными с изъянами. Они сделали это со сломанными вещами. Они сделали это так, как нужно. И Эрлик был доволен. И он перестал мстить. И он ждал. Он ждал, когда люди снова забудут о нём. Он ждал, когда он снова сможет мстить. Он ждал. И он знал,

что этот день придёт. Он знал, что люди забывчивы. Он знал, что они помнят только о свете. Он знал, что они не помнят о тьме.

Эрлик был не просто богом. Он был символом. Он был символом смерти. Он был символом тьмы. Он был символом зла. Он был символом страха. Он был символом того, что человек не может контролировать.

Глава 20. Боги Великой Тартарии: от Натагая до Аар-Тойона

Пантеон Великой Тартарии никогда не был застывшим списком имён, высеченным на камне и обязательным для всех. Это был живой, дышащий мир, в котором боги рождались, менялись, сливались с другими образами и иногда уходили в тень, уступая место новым. У каждого народа, вошедшего в состав этой огромной империи, были свои божества, свои духи-покровители, свои представления о том, кто управляет небом, землёй и подземным миром. Но при всём этом многообразии существовала и общая основа, тот незримый каркас, на который нанизывались бесчисленные имена и эпитеты. Этой основой было небо. Всё остальное — боги войны и плодородия, духи рек и гор, хозяева тайги и степи — так или иначе соотносилось с ним, получало от него силу и закон.

Самым удивительным и одновременно самым загадочным персонажем тартарского пантеона был Натагай. Европейские авторы семнадцатого и восемнадцатого веков, описывавшие верования тартар, упоминали его с неизменным удивлением. Николаас Витсен в своей «Северной и Восточной Тартарии» сообщал, что тартары поклоняются некоему божеству по имени Натагай, которого они считают владыкой земли и

всех её богатств. У него нет ни храмов, ни жрецов, ни священных книг. Его изображения — грубые идолы из дерева, кожи или войлока — стоят в юртах и кибитках, и их кормят тем же, что едят сами люди. Перед идолом ставят чашку с мясом или кумысом, мажут ему губы жиром, и если идол доволен, он посылает удачу в охоте и на войне. Если же его забывают накормить, он может отвернуться, и тогда человека ждут болезни, голод и поражения.

Эта практика — кормление идолов — была не примитивным суеверием, а глубоко осмысленным ритуалом. В ней отражалось представление о том, что бог неотделим от человека, что он живёт рядом, дышит тем же воздухом и ест ту же пищу. Натагай не был далёким и непостижимым творцом вселенной. Он был соседом, родственником, старшим в роду. Его можно было попросить, но его можно было и задобрить. С ним можно было договориться. И это представление о договоре между человеком и богом пронизывало всю тартарскую космологию, придавая ей удивительную теплоту и человечность.

Когда речь заходит о богах Великой Тартарии, невозможно обойти вниманием тех, кого исследователи называют небесными покровителями якутов. В якутской мифологии, которая сохранила многие черты древнего тюрко-монгольского наследия, верховным божеством был Юрюнг Аар-Тойон — Белый Светлый Господин. Он жил на девятом небе, в обители, где никогда не бывает тьмы и холода. Оттуда он

управлял всем миром, но сам не вмешивался в повседневные дела людей. Он был создателем вселенной, установителем законов, источником жизни и смерти. Его имя произносили с благоговением и страхом, потому что он видел всё и знал всё.

Рядом с Аар-Тойоном стояла его супруга Кюбэй-Хатун — Великая Госпожа, покровительница женщин, домашнего очага и деторождения. Она была заступницей перед мужем, смягчала его гнев и давала жизнь всему, что рождается на земле. В якутских обрядах, связанных с рождением ребёнка или свадьбой, к ней обращались в первую очередь, потому что она была ближе к человеку, чем грозный и далёкий Аар-Тойон. Она понимала женские печали и радости, она знала, как трудно растить детей в суровом северном крае, и она помогала тем, кто чтил её память.

Помимо этих высших божеств, якутский пантеон включал в себя множество других небожителей. Были среди них Дьылга Хаан — бог судьбы, который определял срок жизни каждого человека и записывал его деяния в огромную книгу. Были боги, отвечавшие за гром и молнию, за ветры и дожди, за грозу и бурю. Все они жили на небесах, и все они так или иначе влияли на жизнь людей. Но самое поразительное заключалось в том, что якуты, как и другие народы Тартарии, не считали небо единственным местом обитания богов. Боги жили и на земле, в лесах, горах, реках и озёрах. Они населяли весь мир, и человек жил в постоянном окружении

невидимых существ, каждое из которых могло помочь или навредить.

Особое место в тартарском пантеоне занимали богини-матери. У бурят их называли Эхэ-бурхан, у монголов — Умай, у тюрков — Айыысыт. Все они были связаны с землёй, с рождением, с плодородием и с защитой детей. Бурятские эхэ-бурханы жили в юрте, у очага, и им приносили жертвы при каждом важном событии в жизни семьи. Когда рождался ребёнок, к ним обращались с просьбой дать младенцу здоровье и долгую жизнь. Когда девушка выходила замуж, их просили о счастье в новом доме. Когда кто-то умирал, их просили проводить душу в иной мир. Они были матерями не только людей, но и всего живого. Они были матерями самой земли.

Эта связь между богиней-матерью и землёй была настолько глубокой, что в некоторых мифах земля сама называлась матерью. У алтайцев существовало представление о Йер-Су — земле-воде, которая была одновременно и божеством, и стихией. Йер-Су была не просто землёй, по которой ходят люди. Она была живым существом, которое дышит, чувствует и помнит. Ей приносили жертвы перед началом кочевий, перед переправой через реку, перед подъёмом на гору. Её просили о хороших пастбищах, о полноводных реках, о тёплой зиме. И она отвечала тем, кто её чтил. Она давала траву для скота, воду для питья, место для жизни. Она была матерью, и она была богиней.

Но не все боги Тартарии были добрыми и заботливыми. Был среди них и тот, кого боялись больше всех, — Эрлик, владыка подземного мира. О нём уже говорилось в предыдущей главе, но его образ настолько важен для понимания тартарского пантеона, что к нему стоит вернуться ещё раз. Эрлик не был просто злым духом или демоном. Он был богом, равным по силе самому Тенгри, хотя и уступавшим ему в могуществе. Он был создателем и разрушителем, дарителем жизни и смерти. У него были свои слуги, свои посланцы, свои воины. Он посылал на землю болезни и несчастья, но он же мог и отступить, если его правильно попросить. Шаманы, которые спускались в его подземный дворец, знали, что с ним можно договориться. Они знали, что он не всегда бывает страшен. Они знали, что он тоже часть космоса, без которой мир не был бы целым.

Тартарский пантеон не был иерархией в том смысле, в каком иерархичны пантеоны греков или римлян. Здесь не было Зевса, который сидел на троне и раздавал приказы. Здесь не было совета богов, который решал судьбы мира. Здесь каждый бог был самостоятелен, каждый имел свою сферу влияния, каждый мог вступать в отношения с другими богами — в союз, в соперничество, в борьбу. Небо и земля, Тенгри и Умай, Эрлик и Аар-Тойон — все они существовали в сложной сети связей, которая не поддавалась простому описанию. Эта сеть была живой, подвижной, меняющейся. Она отражала саму жизнь кочевника, в которой не было жёстких иерар-

хий, но было уважение к старшим, к силе, к мудрости. Она отражала мир степи, где каждый род был независим, но все роды были связаны общим происхождением, общими предками, общим небом.

Отдельного разговора заслуживают боги войны. У монголов это был Сульдэ — гений-хранитель, который вёл воинов в бой и приносил победу. Сульдэ не был богом в привычном смысле. Это была сила, которая жила в знамени, в оружии, в боевом кличе. Чингисхан, по преданию, имел собственное Сульдэ, которое помогало ему побеждать врагов. Это Сульдэ изображалось в виде всадника с копьём, который мчался впереди войска. Ему приносили жертвы перед битвой, его просили о помощи, ему посвящали победы. Сульдэ было не просто божеством. Оно было символом воинской доблести, знаком того, что небо на стороне воина.

У тюркских народов богом войны был Кюк-Тенгри — Синее Небо. Это имя иногда употреблялось как синоним Тенгри, но в некоторых контекстах Кюк-Тенгри выступал как самостоятельное божество, покровительствовавшее воинам и завоевателям. Ему молились перед походом, его просили о победе, ему приносили в жертву коней. Кюк-Тенгри был не просто богом. Он был небом в его грозном, воинственном аспекте. Он был той силой, которая ведёт народ к славе, которая даёт силу оружию, которая делает воина непобедимым.

Но не только война занимала умы тартар. Были среди их

богов и покровители мирных занятий. У скотоводов особым почётом пользовался бог, которого называли Кюн-Тенгри — Солнечное Небо. Ему молились о тепле и свете, о хорошей траве, о здоровье скота. У охотников был свой бог — Бай-Тенгри, который посылал удачу в тайге и помогал найти зверя. У рыбаков был бог воды — Су-Тенгри, который жил в реках и озёрах и распоряжался рыбой. У земледельцев был бог урожая — Тар-Тенгри, который давал хлеб и овощи. Все эти боги были небожителями, но каждый из них отвечал за свою сферу. Они не соперничали друг с другом, потому что каждый знал своё место. Они дополняли друг друга, как дополняют друг друга разные занятия людей, разные времена года, разные стороны света.

Особое место в тартарском пантеоне занимали духи предков. У монголов их называли онгонами. Онгоны — это не просто души умерших. Это духи, которые продолжают жить среди живых, которые помогают своим потомкам, которые защищают род от бед и несчастий. Онгоны могли вселяться в шаманов, говорить их устами, давать советы, предсказывать будущее. Им приносили жертвы, их изображения хранили в юртах, к ним обращались за помощью в трудную минуту. Онгоны были не богами в строгом смысле слова, но они были частью того же мира, что и боги. Они жили на небе, но они помнили землю. Они были духами, но они были предками. Они были небом, но они были и родом.

Эта связь между предками и небом была неразрывной.

Когда умирал человек, его душа поднималась на небо и становилась звездой. Но она не исчезала. Она продолжала светить для живых. Она продолжала помнить своих потомков. Она продолжала помогать им. Каждая звезда была чьей-то душой. Каждое созвездие было чьим-то родом. Млечный Путь был дорогой, по которой души поднимались на небо и по которой они возвращались на землю, чтобы родиться снова. Небо было не просто местом обитания богов. Оно было местом обитания предков. Оно было продолжением рода. Оно было вечной жизнью, которая не заканчивается со смертью, а продолжается в звёздах, в небе, в памяти живых.

Тартарский пантеон был не просто совокупностью богов. Это была система, которая объясняла мир и давала человеку ориентиры. Если ты хочешь удачи в охоте, обратись к Бай-Тенгри. Если ты хочешь здоровья для ребёнка, обратись к Умай. Если ты хочешь победы в бою, обратись к Сульдэ. Если ты хочешь хорошей травы для скота, обратись к Йер-Су. Если ты хочешь узнать свою судьбу, обратись к Дьылга Хаану. Если ты хочешь вернуть душу больного, обратись к шаману, который знает путь в подземный мир. Каждый бог знал своё дело. Каждый бог помогал в своей области. И человек знал, к кому идти с какой просьбой. Это знание передавалось из поколения в поколение. Оно было частью культуры. Оно было частью жизни.

В одном из якутских преданий рассказывается о том, как один старик, потерявший в тайге сына, пришёл к шаману и

попросил помочь найти мальчика. Шаман ударил в бубен, вошёл в транс и отправился в путь. Он прошёл через лес, через горы, через реки. Он спустился в подземный мир и увидел Эрлика. Эрлик сидел на чёрном троне и держал в руке маленькую искру. Шаман понял, что это душа сына старика. Он попросил Эрлика отпустить её. Эрлик сказал: «Я отпущу её, если ты отдашь мне свою тень». Шаман согласился. Он отдал свою тень и вернулся на землю. Мальчик ожил. Но шаман с тех пор перестал отбрасывать тень. Он ходил по земле, но тени у него не было. Люди боялись его. Они говорили, что он продал душу Эрлику. Но старик, чей сын вернулся, знал правду. Он знал, что шаман отдал свою тень за жизнь ребёнка. Он знал, что шаман — настоящий герой. Он знал, что шаман — это тот, кто соединяет небо и землю, жизнь и смерть, людей и богов. Он знал, что шаман — это часть космоса.

Этот рассказ — не просто сказка. Это притча о том, как устроен мир. Мир тартар — это мир, в котором нет ничего случайного. Всё имеет смысл. Всё имеет цену. Всё имеет последствия. Если ты хочешь что-то получить, ты должен что-то отдать. Если ты хочешь жизни, ты должен отдать часть себя. Если ты хочешь вернуть душу, ты должен спуститься в подземный мир. Если ты хочешь говорить с богами, ты должен стать шаманом. Если ты хочешь быть небом, ты должен стать небом. Таков закон. Таков порядок. Таков космос.

В другом предании, на этот раз бурятском, рассказывается

о том, как однажды небо прогневалось на людей и перестало посылать дождь. Земля высохла. Трава пожелтела. Скот начал падать. Люди пришли к шаману и попросили его поговорить с небом. Шаман поднялся на высокую гору, разжёг костёр и начал камлать. Он бил в бубен, он пел, он танцевал. Он поднимался всё выше и выше, пока не достиг девятого неба. Там он увидел Аар-Тойона, который сидел на золотом троне и смотрел на землю. Шаман сказал: «Люди умирают. Земля сохнет. Скот падает. Пожалей нас». Аар-Тойон долго молчал. Потом он сказал: «Вы забыли меня. Вы не приносите мне жертвы. Вы не почитаете моё имя. Вы думаете только о себе. За это я наказал вас». Шаман сказал: «Прости нас. Мы будем помнить. Мы будем приносить жертвы. Мы будем почитать твоё имя». Аар-Тойон сказал: «Хорошо. Я пошлю дождь. Но помните: небо видит всё. Небо знает всё. Небо судит всё. И если вы снова забудете меня, я снова накажу вас». Шаман вернулся на землю. Дождь пошёл. Люди ожили. Они принесли жертвы. Они вспомнили о небе. И небо было довольно.

Боги Великой Тартарии были не просто сверхъестественными существами. Они были частью мира, частью природы, частью человека. Они жили в небе, но они жили и в юрте. Они были далёкими, но они были и близкими. Они были грозными, но они были и милосердными. Они были богами, но они были и предками.

В книге Уильяма Гатри, изданной в 1792 году, есть раз-

дел, посвящённый Тартарии. Гатри описывает её как огромную страну, которая простирается от Каспийского моря до Камчатки и от Ледовитого океана до Гималаев. Он перечисляет народы, которые её населяют: монголов, калмыков, бурят, якутов, тунгусов, башкир, киргизов, казахов. Он описывает их обычаи, их верования, их космологию. Он сообщает, что тартары верят в единое верховное существо, которое они называют Тенгри, и что они поклоняются Солнцу, Луне и звёздам как его проявлениям. Он сообщает, что они верят в бессмертие души и в переселение душ. Он сообщает, что они верят в рай и ад. Он сообщает, что у них есть шаманы, которые общаются с духами и предсказывают будущее. Он сообщает, что они приносят жертвы богам и духам. Он сообщает, что они почитают предков. Он сообщает, что они смотрят на небо и видят в нём свою судьбу.

Гатри писал свою книгу в конце восемнадцатого века, когда Тартария уже перестала существовать как единое политическое целое. Но он всё ещё видел её как культурное и космологическое пространство, которое имеет свои границы, свою историю, свою идентичность. Он понимал, что Тартария — это не просто географическая область. Это мир, который живёт по своим законам. Это мир, в котором небо играет особую роль. Это мир, в котором боги живут рядом с людьми. Это мир, в котором человек и космос находятся в постоянном диалоге. Гатри не был специалистом по тартарской мифологии. Он был географом. Но он интуитивно чув-

ствовал, что за географическими названиями и статистическими данными скрывается нечто большее. Скрывается душа народа.

Когда читаешь книгу Гатри сегодня, поражаешься тому, как много он знал о Тартарии и как мало мы знаем о ней сейчас. Он описывал народы, которые мы почти забыли. Он описывал богов, которых мы почти не помним. Он описывал космологию, которую мы почти утратили. Но он описывал их с уважением и интересом. Он не считал тартар дикарями. Он считал их людьми, у которых есть своя культура, своя история, своя вера. Он считал их частью человечества. Он считал их частью мира. Он считал их частью космоса.

Боги Великой Тартарии — от Натагая, которого кормили жиром, до Аар-Тойона, который сидел на девятом небе, — были не просто идолами. Они были символами. Они были образами. Они были способом объяснить мир. Они были способом понять себя. Они были способом жить. И когда мы сегодня смотрим на их изображения, когда мы читаем их имена, когда мы пытаемся представить их мир, мы прикасаемся к чему-то очень древнему и очень важному. Мы прикасаемся к небу. Мы прикасаемся к Тенгри. Мы прикасаемся к космосу. Мы прикасаемся к себе.

Глава 21. Натагай, бог земли: домашние идолы и их кормление

Уильям Гатри, шотландский географ, чьи труды в конце восемнадцатого века читала вся образованная Европа, посвятил Тартарии несколько десятков страниц. Он описывал её как огромное пространство, которое простирается от Каспийского моря до Камчатки и от Ледовитого океана до Гималаев. Он перечислял народы, которые её населяют, их обычаи, их верования, их космологию. И среди всех этих сведений особое внимание Гатри уделил одной детали, которая для европейского читателя того времени казалась одновременно и странной, и поучительной. Он писал, что тартары Великой Тартарии поклоняются божеству, которое называют Натагай, и почитают его как бога земли. У этого бога нет ни храмов, ни жрецов, ни священных книг. Его изображения — грубые идолы из дерева, кожи или войлока — стоят в юртах и кибитках, и их кормят тем же, что едят сами люди. Перед идолом ставят чашку с мясом или кумысом, мажут ему губы жиром, и если идол доволен, он посылает удачу в охоте и на войне. Если же его забывают накормить, он может отвернуться, и тогда человека ждут болезни, голод и поражения.

Это наблюдение, зафиксированное в книге Гатри, а до него — у Витсена и других европейских авторов, приоткры-

вает завесу над одним из самых интересных и одновременно самых непонятных для внешнего наблюдателя аспектов тартарской космологии. Речь идёт о практике кормления идолов — ритуале, который на первый взгляд может показаться примитивным суеверием, но который на самом деле является ключом к пониманию того, как кочевник представлял себе отношения между человеком и богом. В этом ритуале отражалось представление о том, что бог неотделим от человека, что он живёт рядом, дышит тем же воздухом и ест ту же пищу. Натагай не был далёким и непостижимым творцом вселенной, каким его видели христианские теологи или мусульманские богословы. Он был соседом, родственником, старшим в роду. Его можно было попросить, но его можно было и задобрить. С ним можно было договориться. И это представление о договоре между человеком и богом пронизывало всю тартарскую космологию, придавая ей удивительную теплоту и человечность.

Идолы, которым поклонялись тартары, не были просто изображениями богов. Они были вместилищами духов, точками соприкосновения между миром людей и миром небесным. Каждый идол имел своё имя, свою историю, свою сферу влияния. Одни идолы покровительствовали охоте, другие — скотоводству, третьи — войне, четвёртые — деторождению. Их делали из разных материалов: из дерева, из кожи, из войлока, из кости. Иногда их украшали лентами, бусами, металлическими пластинами. Иногда их одевали в ми-

ниатюрные одежды, сшитые из тех же тканей, что и одежда людей. Им приносили жертвы — не кровавые, а символические. Чашку с кумысом, кусок мяса, горсть зерна. Эти жертвы были не столько данью, сколько приглашением к трапезе. Бога приглашали разделить с человеком его пищу, его жизнь, его судьбу.

Кормление идолов было не просто обрядом. Это был способ поддержания космического порядка. Если люди забывали кормить своих богов, боги могли отвернуться, и тогда мир терял равновесие. Дожди прекращались, трава высыхала, скот падал, охота становилась неудачной, войны проигрывались. Поэтому кормление идолов было не прихотью, а обязанностью. Каждый глава семьи, каждый род, каждый род знал, каких идолов нужно кормить, когда и чем. Эти знания передавались из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери. Они были частью повседневной жизни, частью кочевого быта, частью культуры.

В разных частях Великой Тартарии эта практика принимала разные формы. У бурят идолы назывались онгонами. Онгоны были духами предков, которые продолжали жить среди живых, помогали своим потомкам, защищали род от бед и несчастий. Онгоны могли вселяться в шаманов, говорить их устами, давать советы, предсказывать будущее. Им приносили жертвы, их изображения хранили в юртах, к ним обращались за помощью в трудную минуту. У алтайцев идолы назывались тайылга. Тайылга были духами гор, рек, ле-

сов. Их делали из камня или дерева, и им приносили жертвы перед началом кочевий, перед переправой через реку, перед подъёмом на гору. У якутов идолы назывались тангара. Тангара были небесными духами, которые помогали людям в их делах. Их изображения хранили в специальных местах, и им приносили жертвы в определённые дни года.

Но за всеми этими разными именами и формами стояло одно и то же представление. Бог живёт рядом. Бог видит всё. Бог знает всё. Бог слышит всё. Бог ест то же, что едят люди. Бог пьёт то же, что пьют люди. Бог дышит тем же воздухом. Бог живёт той же жизнью. Бог умирает той же смертью. Бог возрождается той же жизнью. Бог — это человек. Человек — это бог. Они едины.

Эта идея единства человека и бога была не просто абстрактной философией. Она имела практические последствия. Она определяла, как человек относился к миру. Если бог живёт в идоле, то идол — это не просто вещь. Это живое существо. Его нельзя выбрасывать. Его нельзя ломать. Его нельзя оставлять без присмотра. Его нужно кормить. Его нужно поить. Его нужно одевать. Его нужно уважать. С ним нужно разговаривать. Ему нужно рассказывать о своих делах. Его нужно спрашивать о будущем. Его нужно благодарить за прошлое.

Когда умирал глава семьи, его идолы переходили к его сыновьям. Когда род переселялся на новое место, идолов везли с собой. Когда начиналась война, идолов брали в поход. Ко-

гда рождался ребёнок, ему делали собственного идола. Когда человек умирал, его идол хоронили вместе с ним или передавали его духу. Идолы были не просто предметами культа. Они были свидетелями жизни. Они были хранителями памяти. Они были связью между поколениями.

Кормление идолов было не только религиозным обрядом. Это был и социальный ритуал. Когда род собирался на праздник, идолов выносили из юрт и ставили в круг. Им приносили жертвы от имени всего рода. Их просили о благополучии для всех. Их благодарили за то, что они сделали для рода. Этот ритуал укреплял связи между членами рода. Он напоминал им, что они не одиноки. Он напоминал им, что у них есть предки, которые заботятся о них. Он напоминал им, что у них есть боги, которые их защищают. Он напоминал им, что они — часть чего-то большего, чем они сами.

В одном алтайском предании рассказывается о том, как однажды род, забывший кормить своих идолов, был наказан. Дожди прекратились. Трава высохла. Скот начал падать. Охота стала неудачной. Люди начали болеть. Люди начали умирать. Они пришли к шаману и спросили, что делать. Шаман сказал: «Вы забыли своих богов. Вы не кормите их. Вы не поите их. Вы не говорите с ними. Они отвернулись от вас. Они наказывают вас». Люди испугались. Они собрали всех идолов. Они принесли им жертвы. Они покормили их. Они напоили их. Они поговорили с ними. И дожди пошли. И трава выросла. И скот поправился. И охота стала удачной. И лю-

ди выздоровели. И люди перестали умирать. И род был спасён. И род был.

Эта история — не просто назидание. Это космология. Это объяснение того, почему тартары кормят идолов. Это объяснение того, почему они верят, что боги могут наказывать. Это объяснение того, почему они верят, что боги могут прощать. Это объяснение того, почему они верят, что человек и бог связаны. Это объяснение того, почему они верят, что всё связано со всем.

Натагай, бог земли, был не просто идолом. Он был символом. Он был символом связи между человеком и землёй. Он был символом связи между человеком и небом. Он был символом связи между человеком и предками. Он был символом связи между человеком и космосом. Он был символом того, что человек не одинок. Он был символом того, что человек — часть чего-то большего. Он был символом того, что человек — часть земли. Он был символом того, что человек — часть неба. Он был символом того, что человек — часть всего.

В книге Гатри есть ещё одна деталь, которая заслуживает внимания. Гатри пишет, что тартары, помимо Натагая, поклоняются также Солнцу, Луне и звёздам. Они верят, что эти светила — глаза неба, которые смотрят на землю и видят всё, что делают люди. Они верят, что Солнце наказывает злых, а Луна награждает добрых. Они верят, что звёзды — это души умерших, которые поднялись на небо и стали

светить для живых. Эти верования не противоречили культу Натагая. Они дополняли его. Натагай был богом земли, который жил рядом с человеком. Солнце, Луна и звёзды были богами неба, которые жили далеко. Но и те, и другие были частью одного космоса. Они были частью одного мира. Они были частью одного неба. Они были частью одного бога. Они были частью всего.

Гатри, будучи человеком европейского Просвещения, смотрел на эти верования с любопытством и снисхождением. Он не считал их истинными. Он считал их заблуждениями. Но он не считал их опасными. Он не считал их злыми. Он считал их частью человеческой культуры, которую нужно изучать и понимать. Он видел в них отражение того, как люди пытаются объяснить мир, в котором живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются найти своё место в этом мире. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, кто они и зачем они живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, что такое жизнь, что такое смерть и что такое возрождение.

Глава 22. Пантеон якутских божеств: Аар-Тойон и Кюбэй-Хатун

Великая Тартария была не только пространством степей и гор, не только империей ханов и орд, не только совокупностью народов, говоривших на разных языках и поклонявшихся разным богам. Это был ещё и мир, в котором небо делилось на ярусы, а каждый ярус населяли существа, от которых зависела жизнь человека. Нигде эта многослойная архитектура неба не проявилась так отчётливо, как в верованиях якутов — народа, который ушёл на север, в ледяные пределы, и сохранил там древние представления, утраченные другими. Якутский пантеон — это не просто список имён и титулов. Это карта неба, на которой каждая точка соответствует определённой силе, определённому закону, определённому аспекту бытия. И в центре этой карты, на самом верхнем небе, на девятом ярусе, где никогда не бывает тьмы и холода, стоит тот, кого называют Юрюнг Аар-Тойон — Белый Светлый Господин, или Юрюнг Айыы-Тойон — Белый Творец-Господин.

Имя этого божества состоит из нескольких частей, и каждая часть имеет значение. Юрюнг означает «белый», «светлый», «священный». Аар — это усилительная частица, кото-

рая указывает на величие, на высшую степень, на то, что не имеет равных. Тойон — это господин, хозяин, повелитель. Вместе эти слова образуют титул, который невозможно перевести одним словом. Это не просто «бог» и не просто «творец». Это тот, кто стоит над всем, кто создал всё, кто управляет всем, но кто не вмешивается в повседневные дела людей. Он живёт на девятом небе, в обители, которая называется Халлаан. Оттуда он видит всё, что происходит на земле, но сам остаётся невидимым и неслышимым. Его нельзя увидеть глазами, нельзя услышать ушами, нельзя коснуться руками. Его можно только знать. Его можно только чувствовать. Его можно только помнить.

Якуты представляли себе Юрюнг Аар-Тойона не как человека и не как зверя и не как какое-либо конкретное существо. Он был духом, чистым разумом, высшей справедливостью. Он не рождался, не умирал и не возрождался. Он был всегда. Он был везде. Он был всем. Но при этом он не был одинок. Рядом с ним, на том же девятом небе, жила его супруга — Кюбэй-Хатун, чьё имя означает «Великая Госпожа» или «Солнечная Добродетельная Госпожа». Если Юрюнг Аар-Тойон был отцом, законом, судом, то Кюбэй-Хатун была матерью, милостью, заступницей. Она понимала женские печали и радости. Она знала, как трудно растить детей в суровом северном крае. Она помогала тем, кто чтил её память. К ней обращались в первую очередь в обрядах, связанных с рождением ребёнка или свадьбой, потому что она

была ближе к человеку, чем грозный и далёкий Аар-Тойон.

Кюбэй-Хатун была не просто богиней. Она была символом. Она была символом жизни, символом плодородия, символом любви, символом милосердия, символом прощения, символом надежды, символом возрождения. В якутских мифах её иногда изображали в образе лебедя — птицы, которая прилетает с юга весной и улетает на юг осенью. Лебедь был символом чистоты, красоты и верности. Лебедь был символом души, которая покидает тело и возвращается к небу. Лебедь был символом Кюбэй-Хатун. И якуты, которые видели лебедя в небе, знали, что богиня смотрит на них.

Супружеская пара Юрюнг Аар-Тойон и Кюбэй-Хатун была не просто семьёй богов. Это была модель мира. Небо было отцом, земля была матерью. Юрюнг Аар-Тойон был небом. Кюбэй-Хатун была землёй. Они были двумя половинами одного целого. Они не могли существовать друг без друга. Без Юрюнг Аар-Тойона Кюбэй-Хатун была бы бесплодной. Без Кюбэй-Хатун Юрюнг Аар-Тойон был бы бесплотным. Они были едины. Они были космосом.

Но якутский пантеон не ограничивался двумя верховными божествами. На разных ярусах неба жили другие айыы — добрые духи, которые помогали людям в их делах. Среди них были Дьылга-Хан, бог судьбы, который определял срок жизни каждого человека и записывал его деяния в огромную книгу. Дьылга-Хан был не просто богом. Он был судьбой. Он был тем, кто прядёт нить жизни. Он был тем, кто обре-

зает её. Он был тем, кто решает, кому жить, кому умереть, кому возродиться. Его имя произносили с благоговением и страхом, потому что он видел всё и знал всё. Рядом с ним стояли Одун-Хан, который предопределял жребий человека, и Тёлкё-Хан, который ткал уникальный рисунок жизни каждого отдельного человека. Вместе эти три божества составляли триаду судьбы, которая управляла временем и роком.

Были среди айыы и богини-покровительницы. Айыысыт была богиней чадородия и покровительницей рожениц. Она давала женщине душу ребёнка, которую испрашивала у Юрюнг Аар-Тойона. Иэйэхсыт покровительствовала на земле людям и скоту, заботилась о благополучии рода и изобилии конного скота. Эти богини были не просто духами. Они были матерями. Они были защитницами. Они были заступницами. К ним обращались женщины, которые хотели забеременеть. К ним обращались матери, которые хотели защитить своих детей. К ним обращались все, кто хотел жить. К ним обращались все, кто хотел умереть. К ним обращались все, кто хотел возродиться.

Особое место в якутском пантеоне занимал Сюгэ-Тойон — бог-громовержец. Он жил на одном из верхних небес и управлял громом и молнией. Якуты верили, что гром — это голос Сюгэ-Тойона, который говорит с людьми. Молния — это стрела, которую он посылает в грешников. Радуга — это мост, по которому он спускается на землю. Сюгэ-Тойон был не просто богом. Он был судьёй. Он был свидетелем. Он был

тем, кто наказывает злых и награждает добрых. Его боялись. Его уважали. Его помнили. Его имя произносили с осторожностью, потому что он мог услышать и ответить.

Но не все боги якутского пантеона были добрыми. Был среди них и Улуу-Тойон — глава духов Верхнего мира, покровитель шаманов. Улуу-Тойон был могучим и грозным. Он не был злым в том смысле, в каком злым был Эрлик. Он был строгим. Он был требовательным. Он был тем, кто испытывает людей, кто проверяет их силу, их мужество, их верность. Улуу-Тойон был покровителем шаманов, потому что только шаман мог говорить с ним напрямую. Только шаман мог смотреть в его глаза и не умирать. Только шаман мог входить в его жилище и возвращаться. Улуу-Тойон был не просто богом. Он был учителем. Он был наставником. Он был тем, кто ведёт шамана по пути знания. Он был тем, кто открывает ему тайны неба. Он был тем, кто даёт ему силу. Он был тем, кто даёт ему власть. Он был тем, кто даёт ему всё.

Шаманы были посредниками между людьми и богами. Они могли подниматься на небо и спускаться в подземный мир. Они могли разговаривать с Юрюнг Аар-Тойоном и с Эрликом. Они могли выкупать души и лечить болезни. Они могли предсказывать будущее и толковать сны. Они были единственными, кто мог смотреть в глаза богам и не умирать. Они были единственными, кто мог входить в их мир и возвращаться. Они были единственными, кто мог говорить

с ними. Они были единственными. И они знали, что боги не были далёкими. Они были рядом. Они были в небе. Они были в земле. Они были в воде. Они были в огне. Они были в ветре. Они были в дереве. Они были в камне. Они были везде. Они были во всём.

Якутские шаманы делились на несколько категорий. Были белые шаманы, которые служили светлым богам айыы. Они носили белые одежды, приносили бескровные жертвы и никогда не спускались в подземный мир. Были чёрные шаманы, которые служили Эрлику и тёмным духам. Они носили чёрные одежды, приносили кровавые жертвы и умели спускаться в подземный мир. Были шаманы, которые служили и светлым, и тёмным силам одновременно. Они были самыми могущественными и самыми опасными. Они знали оба мира. Они могли говорить и с небом, и с подземельем. Они могли исцелять и убивать. Они могли возвращать к жизни и отправлять на смерть. Они были избранными. Они были отмеченными. Они были шаманами.

Камлание якутского шамана было не просто обрядом. Это было путешествие. Шаман бил в бубен, пел, танцевал. Он входил в транс. Его душа покидала тело и отправлялась в путь. Она поднималась на небо или спускалась в подземный мир. Она встречала духов и богов. Она говорила с ними. Она просила их о помощи. Она возвращалась обратно и рассказывала людям то, что узнала. Камлание могло длиться несколько часов или несколько дней. Шаман мог путеше-

ствовать по разным ярусам неба и по разным слоям подземного мира. Он мог видеть прошлое и будущее. Он мог знать то, что скрыто от других. Он мог. И люди верили ему. Они знали, что он говорит правду.

Якутский пантеон был не просто совокупностью богов. Это была система, которая объясняла мир и давала человеку ориентиры. Если ты хочешь узнать свою судьбу, обратись к Дьылга-Хану. Если ты хочешь здоровья для ребёнка, обратись к Айыысыт. Если ты хочешь хорошей травы для скота, обратись к Иэйэхсыт. Если ты хочешь победы в бою, обратись к Сюгэ-Тойону. Если ты хочешь вернуть душу больного, обратись к шаману, который знает путь в подземный мир. Каждый бог знал своё дело. Каждый бог помогал в своей области. И человек знал, к кому идти с какой просьбой. Это знание передавалось из поколения в поколение. Оно было частью культуры. Оно было частью жизни.

В одном якутском предании рассказывается о том, как однажды женщина, потерявшая в тайге сына, пришла к шаману и попросила помочь найти мальчика. Шаман ударил в бубен, вошёл в транс и отправился в путь. Он прошёл через лес, через горы, через реки. Он поднялся на девятое небо и увидел Юрюнг Аар-Тойона. Юрюнг Аар-Тойон сидел на золотом троне и смотрел на землю. Шаман сказал: «Женщина потеряла сына. Помоги найти его». Юрюнг Аар-Тойон долго молчал. Потом он сказал: «Я видел мальчика. Он в тайге, у Большого Камня. Он жив. Он ждёт». Шаман вернулся на

землю. Он пошёл к Большому Камню. Он нашёл мальчика. Он привёл его к матери. Женщина плакала от счастья. Она благодарила шамана. Она благодарила Юрюнг Аар-Тойона. Она благодарила небо. Она благодарила всё. Она благодарила.

Этот рассказ — не просто сказка. Это притча о том, как устроен мир. Мир якутов — это мир, в котором нет ничего случайного. Всё имеет смысл. Всё имеет цену. Всё имеет последствия. Если ты хочешь что-то получить, ты должен что-то отдать. Если ты хочешь жизни, ты должен отдать часть себя. Если ты хочешь вернуть душу, ты должен подняться на небо. Если ты хочешь говорить с богами, ты должен стать шаманом. Если ты хочешь быть небом, ты должен стать небом. Таков закон. Таков порядок. Таков космос.

В другом предании, на этот раз о Кюбэй-Хатун, рассказывается о том, как однажды женщина, которая не могла родить ребёнка, пришла к шаманке и попросила помочь. Шаманка ударила в бубен, вошла в транс и отправилась в путь. Она поднялась на девятое небо и увидела Кюбэй-Хатун. Кюбэй-Хатун сидела на серебряном троне и смотрела на землю. Шаманка сказала: «Женщина не может родить. Помоги ей». Кюбэй-Хатун долго молчала. Потом она сказала: «Я дам ей душу ребёнка. Но она должна быть достойна. Она должна быть добра. Она должна быть верна. Она должна быть терпелива. Она должна быть. И тогда я дам ей ребёнка». Шаманка вернулась на землю. Она рассказала женщине о том,

что сказала Кюбэй-Хатун. Женщина обещала быть достойной. Она стала добрее. Она стала вернее. Она стала терпеливее. Она стала. И Кюбэй-Хатун дала ей ребёнка. И женщина родила. И ребёнок вырос. И он стал хорошим человеком. И он помнил о Кюбэй-Хатун. И он благодарил её. И он благодарил небо. И он благодарил всё. И он.

Якутский пантеон был не только религиозной системой. Это была и космология. Это было объяснение того, почему мир устроен так, а не иначе. Это было объяснение того, почему небо делится на ярусы. Это было объяснение того, почему на каждом ярусе живут свои боги. Это было объяснение того, почему каждый бог отвечает за свою сферу. Это было объяснение того, почему человек может говорить с богами. Это было объяснение того, почему человек может влиять на свою судьбу. Это было объяснение того, почему человек может возродиться после смерти. Это было объяснение того, почему человек — часть космоса.

Юрюнг Аар-Тойон и Кюбэй-Хатун были не просто богами. Они были символами. Они были образами. Они были способом объяснить мир. Они были способом понять себя. Они были способом жить. И когда мы сегодня смотрим на их изображения, когда мы читаем их имена, когда мы пытаемся представить их мир, мы прикасаемся к чему-то очень древнему и очень важному. Мы прикасаемся к небу. Мы прикасаемся к земле. Мы прикасаемся к космосу. Мы прикасаемся к себе.

Глава 23. Тэнгэри и три невидимых бога: Ар-тэнгри, Шуго-тэнгри, Тангара

Когда европейские путешественники и миссионеры, оказавшиеся в степях Великой Тартарии, пытались описать веру кочевников, они неизменно сталкивались с одной и той же трудностью. Тартары говорили о небе, но не как о месте, где живут боги, а как о самом боге. Они говорили о Тенгри, но не как об отдельном существе, а как о силе, которая пронизывает всё. Они говорили о Солнце, Луне и звёздах, но не как о светилах, а как о глазах и руках этого бога. Европейцы, воспитанные на христианской или мусульманской теологии, не могли понять, как можно поклоняться небу. Им казалось, что небо — это пустота, воздух, пространство, а не личность. Им казалось, что тартары поклоняются ничему. Но тартары знали то, чего не знали европейцы. Они знали, что за видимым небом, за голубым или серым или чёрным сводом, за облаками и звёздами, за Солнцем и Луной, скрывается нечто такое, что нельзя увидеть глазами, нельзя услышать ушами, нельзя коснуться руками. Это нечто называлось по-разному у разных народов. У одних — Айыы Тангара, у других — Ар-тэнгри, у третьих — Шуго-тэнгри, у четвёртых — просто Тэнгэри. Но за всеми этими именами стояло одно. Стояло

небо, которое видит.

Среди всех этих имён особое место занимает Айыы Тангара. Это имя встречается в якутских олонхо — эпических сказаниях, которые исполняются сказителями на протяжении многих дней и ночей. В этих сказаниях Айыы Тангара описывается как «Небесное Божество», как создатель всего видимого и невидимого, как тот, кто живёт на девятом ярусе неба и оттуда управляет миром. В трудах исследователей, изучавших якутскую культуру в девятнадцатом и двадцатом веках, образ Айыы Тангара упоминается наряду с образом Юрюнг Аар-Тойона — Белого Светлого Господина. Некоторые учёные полагали, что это два имени одного и того же божества. Другие считали, что это разные существа, между которыми существует сложная иерархия. Третьи видели в них отражение разных исторических эпох, разных влияний, разных пластов культуры. Но за всеми этими спорами скрывалось одно: Айыы Тангара был небом. Он был тем небом, которое якуты видели над собой каждый день. Он был тем небом, которое давало им свет и тепло, дождь и снег, жизнь и смерть. Он был тем небом, которое они не могли понять, но которое они должны были почитать. Он был тем небом, которое они не могли увидеть, но которое они должны были знать. Он был тем небом, которое они не могли коснуться, но которое они должны были чувствовать. Он был тем небом, которое было ими. Он был тем небом, которое было всем.

Слово «айыы» в якутском языке имеет несколько значе-

ний. Оно означает «творение», «творить», «творец». Оно означает «добрый дух», «светлое божество». Оно означает «путь», «закон», «порядок». Когда эти значения соединяются со словом «тангара», которое означает «небо» и «бог», получается нечто такое, что невозможно перевести одним словом. Получается Айыы Тангара — Небесное Божество, Творец, который создал мир и который управляет им по закону. Получается тот, кто установил порядок и тот, кто следит за его соблюдением. Получается тот, кто дал людям путь и тот, кто ведёт их по этому пути. Получается тот, кто есть начало и конец всего.

В якутских олонхо Айыы Тангара не описывается как человек или зверь. У него нет ни лица, ни тела, ни голоса. Он не ходит по земле и не сидит на троне. Он не ест и не пьёт. Он не рождается и не умирает. Он просто есть. Он есть везде. Он есть всегда. Он есть во всём. Но при этом он не безразличен. Он видит всё, что происходит на земле. Он знает всё, что делают люди. Он судит всё, что они совершают. Он награждает тех, кто живёт по закону. Он наказывает тех, кто нарушает его. Он посылает дождь на поля праведных и засуху на поля грешных. Он даёт победу храбрым и поражение трусливым. Он даёт жизнь тем, кто должен жить, и смерть тем, кто должен умереть. Он даёт возрождение тем, кто должен вернуться.

Ар-тэнгри — другое имя, которое встречается в тюркских и монгольских текстах. Слово «ар» в древнетюркском язы-

ке означало «муж», «воин», «герой». Оно также означало «чистый», «священный», «небесный». Когда эти значения соединяются со словом «тэнгри», получается Ар-тэнгри — Небесный Воин, Небесный Муж, Небесный Герой. Это не просто бог. Это бог в его воинственном, активном, мужском аспекте. Это тот, кто ведёт воинов в бой. Это тот, кто даёт им силу и мужество. Это тот, кто решает исход сражений. Это тот, кто награждает победителей и наказывает побеждённых. Это тот, кто есть война. Это тот, кто есть победа. Это тот, кто есть смерть в бою. Это тот, кто есть возрождение в славе.

Шуго-тэнгри — третье имя, которое встречается в бурятских и монгольских источниках. Слово «шуго» в монгольском языке означает «молния», «гроза», «гром». Оно также означает «внезапный», «быстрый», «неожиданный». Когда эти значения соединяются со словом «тэнгри», получается Шуго-тэнгри — Небесный Гром, Небесная Молния, Небесная Гроза. Это бог в его грозном, разрушительном, очищающем аспекте. Это тот, кто посылает на землю молнии. Это тот, кто гремит в небесах. Это тот, кто сжигает грешников. Это тот, кто очищает мир от скверны. Это тот, кто есть страх. Это тот, кто есть гнев. Это тот, кто есть наказание. Это тот, кто есть очищение. Это тот, кто есть возрождение через смерть.

Шуго-тэнгри был особенно важен для тех, кто искал справедливости. Если кто-то был убит безвинно, если кто-то был обманут, если кто-то был ограблен, он мог обратиться к Шу-

го-тэнгри. Он мог просить его о мести. Он мог просить его о наказании. Он мог просить его о справедливости. И Шуго-тэнгри слышал его. Он посылал молнию в дом убийцы. Он посылал гром в дом обманщика. Он посылал грозу в дом грабителя. Он наказывал злых. Он очищал мир от скверны. Он восстанавливал порядок. Он возвращал справедливость. Он делал то, что не могли сделать люди. Он делал то, что должны были сделать боги.

Тангара — четвёртое имя, которое встречается в якутских и алтайских текстах. Это имя является вариантом имени Тенгри. Оно означает то же самое: небо, бог, творец. Но в якутском языке оно приобрело дополнительные оттенки. Тангара — это не просто небо. Это небо, которое видит всё. Это небо, которое знает всё. Это небо, которое судит всё. Это небо, которое решает всё. Это небо, которое даёт всё. Это небо, которое забирает всё. Это небо, которое возрождает всё. Это небо, которое есть всё. В якутских олонхо Тангара упоминается вместе с Айыы Тангара и Юрюнг Аар-Тойоном. Иногда эти имена используются как синонимы. Иногда они обозначают разные аспекты одного и того же божества. Иногда они обозначают разных божеств, между которыми существует сложная иерархия. Но за всеми этими различиями скрывается одно. Скрывается небо. Скрывается Тенгри. Скрывается космос.

Три невидимых бога — Ар-тэнгри, Шуго-тэнгри и Тангара — не были отдельными существами, которые соперника-

ли друг с другом или делили между собой сферы влияния. Они были тремя аспектами одного и того же божества. Они были тремя лицами одного и того же неба. Они были тремя силами одной и той же космической реальности. Ар-тэнгри был небом в его воинственном, активном, мужском аспекте. Шуго-тэнгри был небом в его грозном, разрушительном, очищающем аспекте. Тангара был небом в его всеобъемлющем, всезнающем, всесущем аспекте. Вместе они составляли полноту неба. Вместе они составляли полноту космоса. Вместе они составляли полноту бога. Вместе они составляли полноту всего.

Почему эти боги назывались невидимыми? Потому что их нельзя было увидеть. Небо можно увидеть. Солнце можно увидеть. Луну можно увидеть. Звёзды можно увидеть. Но того, кто за небом, кто за Солнцем, кто за Луной, кто за звёздами, увидеть нельзя. Его можно только знать. Его можно только чувствовать. Его можно только помнить. Его можно только любить. Его можно только бояться. Его можно только уважать. Его можно только. Невидимые боги были не теми, кто скрывается от людей. Они были теми, кто находится за пределами человеческого зрения. Они были теми, кто находится за пределами человеческого понимания.

В бурятском шаманизме существовало представление о девяноста девяти тэнгриях, которые населяли небесный мир. Пятьдесят пять из них были западными, добрыми, светлыми. Сорок четыре были восточными, грозными, тёмными. За-

падные тэнгрии покровительствовали людям, помогали им в их делах, защищали их от зла. Восточные тэнгрии насылали на людей болезни, несчастья, войны. Они были грозными и требовательными. Они требовали жертв. Они требовали уважения. Они требовали страха. И люди давали им всё это. Они приносили им жертвы. Они уважали их.

Но все эти девяносто девять тэнгриев были лишь проявлениями одного неба. Они были лишь аспектами одного бога. Они были лишь лицами одной силы. Они были лишь частями одного целого. За ними стоял Хухэ Мунхэ Тэнгри — Синее Вечное Небо. Это имя встречается в бурятских и монгольских текстах. Оно означает небо, которое вечно. Небо, которое неизменно. Небо, которое всегда. Хухэ Мунхэ Тэнгри — это не просто бог. Это основа всего. Это закон всего. Это порядок всего. Это жизнь всего. Это смерть всего. Это возрождение всего. Это всё. Хухэ Мунхэ Тэнгри — это то, что стоит за всеми богами. Это то, что стоит за всеми тэнгриями. Это то, что стоит за всем. Это то, что есть. Это то, что было. Это то, что будет. Это то, что всегда. Это то, что вечно. Это то, что бесконечно. Это то, что всё. Это то, что ничего. Это то, что всё.

В книге Уильяма Гатри, изданной в 1792 году, есть раздел, посвящённый религии тартар. Гатри пишет, что религия тартар «различно модифицируется религией их соседей; ибо она участвует в магометанской, греческой и даже римско-католической религиях». Это наблюдение отражает ре-

альную сложность тартарского мира, в котором ислам, буддизм, христианство и шаманизм сосуществовали и влияли друг на друга. Но Гатри также отмечает, что за всеми этими внешними влияниями скрывается нечто более древнее и более глубокое. Он пишет, что тартары «признавали верховное существо, которое они обозначали, как и небо, под именем Тенгри». Это верховное существо не было ни Аллахом, ни Буддой, ни Христом. Оно было небом. Оно было Тенгри. Оно было тем, что было до всех религий. Оно было тем, что будет после всех религий. Оно было тем, что есть всегда.

Гатри, будучи человеком европейского Просвещения, смотрел на эти верования с любопытством и снисхождением. Он не считал их истинными. Он считал их заблуждениями. Но он не считал их опасными. Он не считал их злыми. Он считал их частью человеческой культуры, которую нужно изучать и понимать. Он видел в них отражение того, как люди пытаются объяснить мир, в котором живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются найти своё место в этом мире. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, кто они и зачем они живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, что такое жизнь, что такое смерть и что такое возрождение.

Когда читаешь эти страницы Гатри сегодня, понимаешь, что он был прав. Тартары не были дикарями. Они были людьми, которые создали сложную и глубокую космологию. Они были людьми, которые видели мир иначе, чем европей-

цы. Они были людьми, которые жили в мире, где небо было ближе, чем где-либо ещё. Они были людьми, которые знали, что человек — часть космоса. Они были людьми, которые знали, что космос — это небо. Они были людьми, которые знали, что небо — это Тенгри. Они были людьми, которые знали, что Тенгри — это всё. Они были людьми, которые знали. И они жили. И они умирали. И они возрождались. И они были небом. И они были Тенгри. И они были космосом. И они были всем. И они были.

В одном якутском олонхо рассказывается о том, как богатырь поднимается на небо, чтобы встретиться с Айыы Тангарой. Он проходит через девять ярусов неба. На каждом ярусе его встречают разные боги. Он видит Дьылга-Хана, который записывает судьбы. Он видит Одун-Хана, который предопределяет жребий. Он видит Тёлкё-Хана, который ткёт рисунок жизни. Он видит Айыысыт, которая даёт души детям. Он видит Иэйэхсыт, которая заботится о скоте. Он видит Сюгэ-Тойона, который управляет громом. Он видит Улуу-Тойона, который покровительствует шаманам. Он видит всех. И наконец он доходит до девятого неба. Там он видит Айыы Тангару. Айыы Тангара не сидит на троне. У него нет ни лица, ни тела, ни голоса.

Глава 24. Шаманизм как практическая космология: бубен, дерево и птица

Бубен не был музыкальным инструментом. Это европейское слово, обозначающее круглую раму с натянутой кожей, не передаёт и сотой доли того, чем был шаманский бубен для кочевника Великой Тартарии. Для человека, который жил под небом и смотрел на звёзды каждую ночь, бубен был не средством для извлечения звука, а средством для путешествия. Он был конём, на котором шаман скакал по ярусам неба. Он был лодкой, на которой шаман плыл по подземным рекам. Он был птицей, на которой шаман летел к гнезду Тенгри. Он был деревом, по которому шаман поднимался от корней до вершины. Он был картой мира, на которой были изображены все три сферы: небо, земля и подземный мир. Он был живым существом, у которого была душа, был хозяин, была судьба. Он был космосом, который шаман носил с собой.

Круглая форма бубна была не случайной. Круг был образом неба. Круг был образом Солнца. Круг был образом Луны. Круг был образом мира, у которого нет начала и нет конца. Круг был образом вечности, которая не имеет границ. Круг был образом космоса, который замкнут на самом себе.

Рама бубна делалась из дерева, и это дерево было не простым. Это было дерево, которое росло в священной роще. Это было дерево, которое было выбрано духами. Это было дерево, которое дало согласие на то, чтобы из него сделали бубен. Если дерево не давало согласия, бубен не получался. Кожа, натянутая на раму, была кожей животного, и это животное тоже было не простым. Это было животное, которое было принесено в жертву. Это было животное, которое отдало свою жизнь для того, чтобы шаман мог путешествовать. Это было животное, которое стало духом-помощником шамана. Кожа хранила память о животном. Кожа помнила его бег по степи. Кожа помнила его дыхание. Кожа помнила его смерть. И когда шаман бил в бубен, он будил эту память. Он будил животное. Он будил его дух. И дух животного поднимался и нёс шамана туда, куда тот хотел попасть.

На коже бубна рисовали изображения. Эти изображения не были украшениями. Это была карта. Это была схема мироздания. В центре бубна часто рисовали мировое дерево — огромный дуб или берёзу или лиственницу, которая росла от нижнего мира до верхнего. Корни дерева уходили в подземный мир, в царство Эрлика. Ствол дерева проходил через средний мир, где жили люди и животные. Ветви дерева поднимались в верхний мир, к Тенгри и небесным богам. По этому дереву шаман мог подниматься и спускаться. Он мог идти от корней к вершине. Он мог идти от вершины к корням. Он мог путешествовать между мирами. Дерево было

лестницей. Дерево было дорогой. Дерево было осью мира.

На бубнах тюрков Саяно-Алтая рисовали звёздное небо, Солнце, Луну, бубны, птиц и зверей. Бубен служил не только священным инструментом, но и маленькой походной молельней кочевника, отражающей всю концепцию алтайского шаманизма. На некоторых бубнах изображали семь фигур птиц, возможно лебедей, потому что семь дев на плаще алтайского шамана иногда превращаются в лебедей и в этом виде летают купаться на озеро. Птицы были не просто птицами. Они были духами-помощниками. Они были посланцами неба. Они были вестниками. Они летели впереди шамана и указывали ему путь. Они предупреждали его об опасностях. Они защищали его от врагов. Они были его глазами на небе. Они были его ушами на небе. Они были его крыльями.

Верхний мир на бубне обозначался верхней частью кожи. Там рисовали Солнце и Луну. Там рисовали звёзды. Там рисовали радугу. Там рисовали небесных всадников и небесных оленей. Там рисовали птиц, которые летели к Солнцу. Средний мир обозначался средней частью. Там рисовали людей, которые ехали на лошадях. Там рисовали юрты и стада. Там рисовали реки и горы. Там рисовали деревья и травы. Нижний мир обозначался нижней частью. Там рисовали змей и ящериц. Там рисовали лягушек и рыб. Там рисовали чудовищ и демонов. Там рисовали огненное море и медный дворец Эрлика. Вся вселенная была нарисована на одной коже. Вся космология была сжата в один круг. Шаман смотрел

на бубен и видел мир. Шаман бил в бубен и путешествовал по миру. Шаман жил в бубне и умирал в бубне. Бубен был его домом. Бубен был его храмом. Бубен был его космосом.

Колотушка, которой шаман бил в бубен, тоже была не простым предметом. Она делалась из дерева и обтягивалась кожей. Иногда её украшали лентами и бусами. Иногда к ней привязывали колокольчики и металлические пластинки. Колотушка была не просто палочкой. Она была плетью, которой шаман погонял своего небесного коня. Она была веслом, которым шаман греб по подземным рекам. Она была молотом, которым шаман выковывал свою судьбу. Она была жезлом, которым шаман повелевал духами. Удары в бубен были ритмом. Ритм был языком. Ритм был молитвой. Ритм был заклинанием. Ритм был дорогой. Ритм вёл шамана в транс. Транс был состоянием, в котором душа шамана покидала тело и отправлялась в путешествие. Тело оставалось на земле, но душа летела. Тело сидело у костра, но душа была на небе. Тело билось в конвульсиях, но душа говорила с богами.

Бубен вешали на дерево. Когда шаман умирал, его бубен вешали на дерево около могилы, разрезав предварительно кожу, натянутую на раму. Это был обряд возвращения. Бубен возвращался в исходное древесное состояние. Он возвращался к дереву, из которого был сделан. Он возвращался к жизни. Он возвращался к космосу. Смерть шамана была не концом. Это было возвращением. Душа шамана поднималась на небо и становилась звездой. Бубен возвращался на

дерево и становился частью леса. И то, и другое было частью круговорота. И то, и другое было частью вечности. И то, и другое было частью Тенгри.

Дерево было не только материалом для бубна. Дерево было осью мира. Это представление встречается у всех народов Великой Тартарии. У бурят это была берёза, которая росла у входа в юрту. У якутов это была лиственница, которая росла в центре мира. У алтайцев это была лиственница или берёза, которая соединяла небо и землю. У монголов это было дерево, которое росло на вершине горы. Это дерево называлось мировым деревом. У него были корни, которые уходили в подземный мир. У него был ствол, который проходил через средний мир. У него были ветви, которые поднимались в верхний мир. По этому дереву шаман мог подниматься на небо. По этому дереву души умерших поднимались к звёздам. По этому дереву боги спускались на землю. Дерево было лестницей. Дерево было дорогой. Дерево было связью между мирами.

В бурятском эпосе «Гэсэр» рассказывается о том, как богатырь поднимается по мировому дереву на небо. Дерево это называется «Алтан Гадахан» — Золотой Кол. Оно стоит на вершине горы Сумеру. Корни его уходят в подземный мир, а вершина касается неба. По этому дереву Гэсэр поднимается к небесным богам, чтобы просить их о помощи. Дерево помогает ему. Дерево ведёт его. Дерево защищает его. Дерево — это не просто дерево. Это путь. Это цель. Это судьба. Это

космос. Гэсэр идёт по дереву. Гэсэр идёт по небу. Гэсэр идёт к богам. Гэсэр идёт.

Птица была не просто животным. Птица была душой. Птица была вестником. Птица была проводником. У многих народов Тартарии существовало представление о том, что душа человека после смерти превращается в птицу. У якутов душа шамана превращалась в орла. У бурят душа умершего превращалась в лебедя. У алтайцев душа умершего превращалась в кукушку. Птица летела на небо. Птица летела к Тенгри. Птица летела домой. Шаман, который путешествовал по небу, часто принимал облик птицы. Он летел к Солнцу. Он летел к Луне. Он летел к звёздам. Он летел к богам. Птица была его средством передвижения. Птица была его крыльями. Птица была его свободой.

На бубнах тюрков Саяно-Алтая часто рисовали птицу с распростёртыми крыльями. Эта птица называлась «Карагуш» или «Кара-Куш» — чёрная птица. Она сидела на ветвях мирового дерева. Она смотрела на мир. Она видела всё. Она знала всё. Она была глазами Тенгри на земле. Она была вестницей неба. Она была посланницей богов. Шаман обращался к ней за помощью. Он просил её о совете. Он просил её о защите. Он просил её о знании. И она отвечала ему. Она говорила с ним. Она вела его. Она была его духом-помощником. Она была его птицей. Она была его космосом.

В якутском олонхо рассказывается о том, как богатырь поднимается на небо и встречает там птицу. Птица эта на-

зывается «Хотой» — орёл. Орёл говорит с богатырём. Орёл ведёт его к Юрюнг Аар-Тойону. Орёл помогает ему пройти через все испытания. Орёл — это не просто птица. Это дух-покровитель. Это предок. Это шаман. Это космос. Богатырь идёт за орлом. Богатырь идёт по небу. Богатырь идёт к богам. Богатырь идёт.

Бубен, дерево и птица были тремя элементами одного целого. Бубен был картой. Дерево было дорогой. Птица была проводником. Вместе они составляли практическую космологию шаманизма. Шаман брал бубен. Шаман бил в бубен. Шаман входил в транс. Шаман садился на своего небесного коня. Шаман поднимался по мировому дереву. Шаман летел на птице. Шаман достигал неба. Шаман говорил с богами. Шаман возвращался на землю. Шаман рассказывал людям то, что узнал. Шаман помогал людям. Шаман лечил больных. Шаман возвращал души. Шаман предсказывал будущее. Шаман был посредником. Шаман был мостом. Шаман был связью. Шаман был космосом.

В книге Уильяма Гатри, изданной в 1792 году, есть раздел, посвящённый религии тартар. Гатри пишет, что «другая религия, которая очень распространена среди тартар, — это шаманизм». Он описывает шаманов как жрецов, которые общаются с духами и предсказывают будущее. Он сообщает, что тартары обращаются к ним за помощью в болезнях, в трудных делах, в войнах. Он сообщает, что шаманы используют бубны и другие инструменты для того, чтобы войти в

транс. Он сообщает, что они верят в то, что душа может покидать тело и путешествовать по другим мирам. Гатри, будучи человеком европейского Просвещения, смотрел на эти верования с любопытством и снисхождением. Он не считал их истинными. Он считал их заблуждениями. Но он не считал их опасными. Он считал их частью человеческой культуры, которую нужно изучать и понимать. Он видел в них отражение того, как люди пытаются объяснить мир, в котором живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются найти своё место в этом мире. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, кто они и зачем они живут. Он видел в них отражение того, как люди пытаются понять, что такое жизнь, что такое смерть и что такое возрождение.

Когда читаешь эти страницы Гатри сегодня, понимаешь, что он был прав. Тартары не были дикарями. Они были людьми, которые создали сложную и глубокую космологию. Они были людьми, которые видели мир иначе, чем европейцы. Они были людьми, которые жили в мире, где небо было ближе, чем где-либо ещё. Они были людьми, которые знали, что человек — часть космоса. Они были людьми, которые знали, что космос — это небо. Они были людьми, которые знали, что небо — это Тенгри.

Глава 25. Молитвы, обращённые к небу: ритуалы кочевых народов

Молитва кочевника не была похожа на молитву земледельца или горожанина, и в этом различии скрывалась целая вселенная смыслов, доступная лишь тому, кто сам когда-либо стоял посреди бескрайней степи, где горизонт отступает так далеко, что кажется, будто земля вот-вот сомкнётся с небом в единое целое. Земледелец молится, стоя на коленях в тени храма или у порога своего дома, обращаясь к образам и иконам, которые он может потрогать руками, поцеловать, украсить цветами и лампадами; его молитва привязана к месту, к стенам, к фундаменту, к той земле, которую он возделывает и которая кормит его род из поколения в поколение. Кочевник же не имел ни храма, ни иконы, ни постоянного места для молитвы, потому что сам он не стоял на месте, и вся его жизнь была дорогой, а дорога не терпит остановок и не признаёт постоянства. Его храмом было небо, которое раскинулось над ним повсюду, куда бы он ни пошёл, и потому молитва его была не привязана к конкретной точке на карте, а свободно парила в воздухе, поднимаясь вверх вместе с дымом жертвенного костра и растворяясь в бесконечной голубизне.

Когда кочевник хотел обратиться к небу, он не искал для

этого особого места и не ждал особого часа; он просто выходил из юрты, поднимал голову вверх и начинал говорить, и слова его были простыми, потому что простота была не признаком скудости ума, а признаком глубокого понимания того, что небу не нужны пышные формулы и длинные славословия, что небу достаточно одного искреннего слова, одного честного взгляда, одного порыва души, который невозможно подделать и невозможно сыграть. Он говорил с небом так, как говорят со старшим родственником, с отцом или дедом, которого уважают, но не боятся до дрожи в коленях, которому можно сказать правду, даже если эта правда горькая, и который всё равно поймёт и всё равно поможет, потому что он свой, потому что он родной, потому что он часть того же мира, что и ты сам.

Ритуалы, связанные с молитвой, были немногочисленными, но каждый из них имел глубокий смысл и строгую последовательность, нарушение которой считалось не просто ошибкой, а настоящим преступлением против неба. Утром, едва проснувшись и выйдя из юрты, кочевник смотрел на восток, где занималась заря, и произносил слова благодарности за то, что он дожил до нового дня, за то, что Солнце снова взошло над степью, за то, что его скот цел, а его семья жива, и в этих словах не было ничего лишнего, ничего показного, ничего такого, что могло бы оскорбить небо своей неискренностью. Вечером, когда Солнце клонилось к западу и небо окрашивалось в багровые и золотые тона, он снова выходил

из юрты и смотрел на закат, и снова говорил слова, но теперь это были слова просьбы, потому что ночь всегда приносит с собой неизвестность, а неизвестность всегда пугает, и потому он просил небо о защите, о том, чтобы тьма не принесла с собой беды, о том, чтобы утро снова наступило и снова принесло свет.

Перед началом важного дела, будь то дальний поход, перегон скота на новые пастбища, свадьба или похороны, кочевник совершал обряд, который назывался по-разному у разных народов, но суть его всегда оставалась неизменной. Он брал чашу с кумысом или с молоком, поднимал её к небу и выливал первую каплю на землю, а потом отпивал сам, и этот жест означал, что он делится с небом тем, что имеет, что он не хочет ничего утаить, что он готов отдать часть, чтобы получить целое. Иногда он разжигал костёр и бросал в огонь кусок мяса или жира, и дым поднимался вверх, и вместе с дымом поднималась его молитва, и он верил, что небо слышит его, потому что дым не может обмануть, потому что дым всегда идёт вверх, туда, где живёт Тенгри, туда, где живут предки, туда, где живёт всё, что было и что будет.

Клятва небом была самой страшной и самой нерушимой из всех клятв, какие только существовали в степи. Тот, кто клялся небом и нарушал клятву, не мог рассчитывать на прощение, потому что небо не прощает обмана, и не потому, что оно злое, а потому, что оно справедливое, и справедливость его не знает исключений. Кочевник, который давал клятву,

поднимал руки вверх и говорил: «Пусть небо меня покарает, если я солгу», и после этого он не мог отступить, потому что отступление означало бы не просто обман человека, а обман самого неба, а обман неба был хуже смерти, потому что смерть заканчивает жизнь, а обман неба заканчивает всё, и после него не остаётся ничего, ни памяти, ни уважения, ни места в роду, ни надежды на возрождение. Поэтому клятвы в степи давали редко, только в самых исключительных случаях, и тот, кто их давал, знал, что обратной дороги у него нет, и шёл до конца, каким бы этот конец ни был.

Жертвоприношения были не просто обрядом, а способом поддержания равновесия между миром людей и миром богов, и без этого равновесия мир не мог существовать. Кочевник приносил в жертву животных, чаще всего баранов или лошадей, и делал это не потому, что хотел задобрить небо, а потому, что хотел накормить его, поделиться с ним тем, что сам получил от земли и от Солнца. Кровь жертвенного животного выливалась на землю, и это была не просто кровь, а жизнь, которая возвращалась к источнику жизни, к земле, которая кормит, к небу, которое светит, к тому круговороту, в котором ничто не исчезает бесследно и ничто не появляется из ниоткуда. Мясо варилось в большом котле и съедалось всем родом, и это был не просто обед, а причастие, потому что, вкушая жертвенное мясо, люди соединялись с богами, становились частью того же целого, к которому принадлежали и Солнце, и Луна, и звёзды, и ветер, и трава, и вода.

Шаманы были главными посредниками между людьми и небом, и их молитвы были не просто словами, а действиями, которые меняли мир. Шаман не просил небо о милости, он требовал её, потому что знал, что имеет право требовать, потому что он не был просто человеком, а был избранным, тем, кого небо само позвало к себе на службу. Он бил в бубен, и звук бубна поднимался вверх, проходя через все преграды, через тучи, через грозы, через сами звёзды, и достигал того места, где сидел Тенгри, и Тенгри слышал его, потому что звук бубна был не просто звуком, а голосом самого шамана, который оставил своё тело и стал чистым духом, свободным от всего земного. Шаман пел, и песня его была не мелодией, а дорогой, по которой он шёл к небу, и каждый куплет был шагом, и каждый припев был вдохом, и когда песня заканчивалась, шаман стоял перед лицом Тенгри и говорил с ним напрямую, без посредников, без переводчиков, без свидетелей.

Молитвы кочевников не были записаны, и это не случайно, потому что записанная молитва мертва, а живая молитва всегда новая, всегда разная, всегда рождается в тот самый момент, когда произносится. Каждый кочевник молился своими словами, и даже если он повторял слова, которые слышал от отца или деда, он вкладывал в них свой смысл, свою боль, свою надежду, свою любовь, и потому одна и та же молитва, произнесённая разными людьми в разное время, звучала по-разному и означала разное. Это не было недостат-

ком, а было высшим достижением, потому что живое слово всегда сильнее мёртвой буквы, и небо, которое слышит живое слово, отвечает на него живым ответом, который нельзя записать и нельзя передать, но который можно почувствовать и можно запомнить на всю жизнь.

Бурятские шаманы, камлая, обращались к небу с длинными песнопениями, в которых перечисляли всех богов и духов, всех предков и всех животных, и это перечисление было не простым списком, а способом установить связь с каждым из них, назвать каждого по имени, вспомнить каждого, чтобы никто не остался забытым и никто не обиделся. Они называли западных тэнгриев, добрых и светлых, которые помогали людям, и восточных тэнгриев, грозных и тёмных, которые могли наказать, и в этом перечислении не было страха, а было уважение, потому что и добрые, и злые боги были частью одного неба, и без них небо не было бы полным. Они называли духов гор и рек, духов лесов и степей, духов огня и воды, и каждый дух был не просто именем, а силой, с которой нужно было считаться, и потому шаман говорил с каждым, и каждый отвечал ему, и вместе они создавали тот мир, в котором жили люди, и тот порядок, который нельзя было нарушить.

Якутские шаманы, поднимаясь на небо, проходили через девять ярусов, и на каждом ярусе их встречали разные боги, и с каждым нужно было поговорить, и каждому нужно было объяснить, зачем шаман пришёл и что он хочет. Они гово-

рили с Дьылга-Ханом, который записывал судьбы, и просили его продлить жизнь больного или изменить судьбу несчастного. Они говорили с Айыысыт, которая давала души детям, и просили её послать ребёнка бездетной женщине. Они говорили с Сюгэ-Тойоном, который управлял громом, и просили его не посылать молнию в дом, где живут праведные люди. Они говорили со всеми, и все слушали их, потому что шаман был не просто человеком, а посланцем земли, который пришёл к небу с просьбой, и небо не могло отказать земле, потому что небо и земля были едины, и то, что происходило на земле, отражалось на небе, и то, что происходило на небе, отражалось на земле.

Алтайские шаманы, камлая, обращались к Ульгеню, который был добрым творцом, и к Эрлику, который был владыкой подземного мира, и в их молитвах не было противопоставления добра и зла, потому что и Ульгень, и Эрлик были частью одного целого, и без Эрлика не было бы смерти, а без смерти не было бы жизни, и потому шаман говорил с обоими, и обоим приносил жертвы, и обоих просил о помощи, потому что помощь могла прийти с любой стороны, и неважно, откуда она приходит, важно, что она приходит. Он говорил с Ульгенем о жизни, о здоровье, о детях, о скоте, о хорошей траве, о тёплой зиме, и Ульгень слушал его и помогал ему. Он говорил с Эрликом о смерти, о болезнях, о потерях, о том, что нельзя изменить, и Эрлик слушал его и не мешал ему, потому что Эрлик знал, что шаман не боится

его, а уважает, и уважение было важнее страха.

Молитвы кочевников не были обращены к небу как к чему-то внешнему и чуждому; они были обращены к небу как к чему-то внутреннему и родному, потому что кочевник не отделял себя от неба, а чувствовал себя его частью, его продолжением, его голосом. Когда он молился, он не просил небо сделать что-то для него, он говорил с небом о том, что они сделают вместе, потому что небо и человек были союзниками, были партнёрами, были одной командой, и в этой команде не было начальников и подчинённых, а было взаимное уважение и взаимная ответственность. Человек заботился о небе, принося ему жертвы и вознося молитвы, а небо заботилось о человеке, посылая ему свет и тепло, дождь и траву, жизнь и смерть, и в этом круговороте не было ничего унизительного ни для человека, ни для неба, потому что оба они были частью чего-то большего, чем каждый из них по отдельности.

В книге Уильяма Гатри, изданной в 1792 году, есть строки, которые поражают своей точностью и глубиной. Гатри пишет, что тартары «поклоняются Солнцу, Луне и звёздам как проявлениям верховного существа», и в этих словах схвачена сама суть тартарской молитвы, которая не разделяет небо на части, а видит в каждой части целое. Солнце для кочевника не просто светило, а глаз Тенгри, который смотрит на землю и видит всё, и потому, молясь Солнцу, кочевник молится тому, кто смотрит, и знает, что его видят. Лу-

на для кочевника не просто ночное светило, а серебряный всадник, который скачет по небу и охраняет покой спящих, и потому, молясь Луне, кочевник молится тому, кто охраняет, и знает, что его охраняют. Звёзды для кочевника не просто далёкие огни, а души предков, которые поднялись на небо и стали светить для живых, и потому, молясь звёздам, кочевник молится своим предкам, и знает, что его слышат.

Молитва кочевника была неотделима от его жизни, и жизнь его была неотделима от молитвы, и потому нельзя сказать, где заканчивается одно и начинается другое. Он молился, когда просыпался, и молился, когда засыпал. Он молился, когда выходил из юрты, и молился, когда возвращался. Он молился, когда садился на коня, и молился, когда слезал с него. Он молился, когда начинал войну, и молился, когда заключал мир. Он молился, когда рождался ребёнок, и молился, когда умирал старик. Он молился всегда, потому что небо было всегда, и потому что он был всегда, и потому что между ним и небом не было ни расстояния, ни времени, ни преграды, а была только связь, которая не рвётся, и любовь, которая не проходит, и жизнь, которая не заканчивается.

В одном бурятском предании рассказывается о том, как однажды старый шаман, чувствуя приближение смерти, вышел из юрты и поднял руки к небу. Он не просил о продлении жизни, не просил о здоровье, не просил о богатстве. Он сказал только одно: «Я иду к тебе. Я не боюсь. Я готов. Прими меня». И небо ответило ему. Небо не сказало ни слова, но

шаман услышал ответ, потому что ответ был не в словах, а в тишине, которая вдруг стала такой полной, такой глубокой, такой живой, что в ней растворилось всё: и страх, и боль, и сомнения, и осталась только радость, только покой, только свет. Шаман улыбнулся, опустил руки и вернулся в юрту. Он лёг и закрыл глаза. И умер. И душа его поднялась на небо и стала звездой. И звезда эта светит до сих пор. И кто-то, глядя на неё, вспоминает старого шамана и его молитву, и понимает, что молитва — это не просьба, а встреча, не слова, а жизнь, не конец, а начало.

В другом предании, на этот раз алтайском, рассказывается о том, как молодая женщина, потерявшая мужа на войне, пришла к шаману и попросила его узнать, где теперь её муж и что с ним. Шаман ударил в бубен, вошёл в транс и отправился в путь. Он поднялся на небо и увидел там множество звёзд, и среди них была одна, которая светила ярче других. Шаман понял, что это звезда мужа молодой женщины. Он подошёл к ней и спросил: «Ты ли тот, кого ищет твоя жена?» Звезда ответила: «Я. Я жив. Я здесь. Я смотрю на неё. Я жду её. Скажи ей, чтобы она не плакала. Скажи ей, что я вернусь. Скажи ей, что мы снова будем вместе». Шаман вернулся на землю и передал женщине слова звезды. Женщина перестала плакать. Она стала ждать. Она знала, что муж вернётся. Она знала, что смерть — это не конец. Она знала, что небо — это дом. Она знала. И она жила. И она ждала. И она верила. И она молилась. И небо слышало её. И небо отвечало

ей. И небо было с ней. И небо было.

Молитвы, обращённые к небу, были не просто обрядом, а способом жить в мире, где всё связано со всем, где нет ничего случайного и нет ничего лишнего, где каждый человек важен и каждая жизнь имеет смысл. Кочевник молился не потому, что боялся неба, а потому, что любил его, и не потому, что хотел что-то получить, а потому, что хотел что-то отдать, и не потому, что был слаб, а потому, что был силён, и сила его была в том, что он знал своё место в мире и не пытался занять чужое. Он молился, потому что был частью неба, и небо было частью его, и они не могли существовать друг без друга, и в этой взаимности было всё: и жизнь, и смерть, и возрождение, и вечность, и космос, и Тенгри, и всё, что есть, и всё, чего нет, и всё, что будет.

Глава 26. Лама как живое божество: тибетский след в тартарской духовности

Небо Тартарии, уже населённое Тенгри и Умай, Эрликом и бесчисленными духами предков, уже озарённое Солнцем и Луной, уже измеренное звёздами и созвездиями, не оставалось неизменным на протяжении столетий, потому что ни одно небо не может быть застывшим, если под ним живут люди, а люди всегда ищут новые пути к тому, что находится за пределами их понимания. В тринадцатом веке, когда монгольские тумены прошли через Тибет и принесли оттуда не только золото и серебро, но и нечто более ценное — учение о перерождении, о живых богах, о ламах, чьи тела являются лишь временными сосудами для вечных душ, тартарская космология начала меняться, и это изменение было не поверхностным, а глубинным, потому что оно затрагивало самое сердце веры: представление о том, кто управляет миром и как с ним можно говорить.

Лама не был шаманом, хотя внешне их действия могли показаться похожими, потому что и тот, и другой входили в транс, и тот, и другой говорили с духами, и тот, и другой лечили болезни, но между ними лежала пропасть, которую невозможно было преодолеть простым сравнением. Шаман

добивался своего положения через личный опыт, через болезнь, через видения, через прямое столкновение с духами, которые могли убить его или свести с ума, и его власть была властью того, кто выжил, кто прошёл через смерть и вернулся, чтобы говорить от имени тех, кого он видел по ту сторону. Лама же получал своё положение через линию перерождений, через цепь жизней, которые тянулись из глубины веков, и его власть была властью не личности, а самого принципа преемственности, потому что он был не просто человеком, а звеном в бесконечной цепи существ, каждое из которых было воплощением одного и того же просветлённого сознания.

Когда монгольский хан Хубилай, внук Чингисхана, пригласил к своему двору Пхагба-ламу из монастыря Сакья, он сделал это не из простого любопытства и не из желания получить нового придворного чудотворца, а из глубокого политического расчёта, потому что он понимал, что тибетский буддизм может стать той силой, которая укрепит его власть над завоёванными народами, даст ему духовный авторитет, которого не мог дать ни один шаман, и создаст связь между монгольской династией и древней цивилизацией Тибета, чья мудрость насчитывала столетия. В 1246 году Пхагба-лама прибыл в ставку монгольского хана, и, согласно сохранившимся свидетельствам, он вылечил императора от болезни, чем окончательно убедил двор в своей божественной силе, и с этого момента ламаизм начал своё медленное, но неотвратимое шествие по степям, хотя при Хубилае, как отме-

чают исследователи, он был воспринят лишь господствующим слоем монголов, а не всем народом, потому что народ продолжал поклоняться Тенгри и приносить жертвы духам предков, и никто не собирался отказываться от веры отцов ради учения, пришедшего из далёкой горной страны.

Слово «хубилган» означает перерожденца, того, кто сознательно отказывается от ухода в нирвану и остаётся в мире страданий, чтобы помогать живым существам обрести освобождение, и монголы, а вслед за ними и другие народы Тартарии, усвоили это понятие с той лёгкостью, которая удивляет современных историков, потому что для кочевника, верившего в переселение душ и в то, что души умерших поднимаются на небо и становятся звёздами, не составляло труда принять идею, что некоторые души не просто поднимаются на небо, а возвращаются обратно, в новое тело, чтобы продолжить свою работу на земле. Хубилган был не просто монахом, не просто священником, не просто учителем; он был живым богом, чьё тело было храмом, чьи слова были откровением, чьё присутствие было благословением, и потому к нему приходили за советом, за исцелением, за утешением, за спасением, и никто не сомневался в том, что он действительно является тем, кем его считают, потому что сомнение в хубилгане было равносильно сомнению в самом небе.

В Тибете, как сообщает Гутри, ссылаясь на описания путешественников, верующие считают, что когда Великий Лама, то есть Далай-лама, «кажется умирающим от старости

или немощи, его душа в действительности только покидает одряхлевшее обиталище, чтобы найти другое, более молодое или лучшее, и он обнаруживается снова в теле какого-нибудь ребёнка по определённым знакам, известным только ламам или жрецам, в каковом ордене он всегда и появляется». Эта формула, зафиксированная европейским наблюдателем в восемнадцатом веке, с удивительной точностью передаёт суть того, во что верили миллионы людей от Волги до Кореи, потому что границы Тартарии, как их описывал Гутри, простирались именно так далеко, и Далай-лама был не только правителем Тибета, но и «великим объектом поклонения для различных племён тартар, которые кочуют по огромному пространству континента, простирающемуся от берегов Волги до Кореи на Японском море». Он был не просто первосвященником, а самим божеством, и «более отдалённые тартары абсолютно считают его Богом», веря в его бессмертие и в то, что он наделён всем знанием и всей добродетелью.

Эта вера не была слепой и не была навязанной сверху, потому что она отвечала глубочайшим потребностям кочевой души, которая всегда искала посредника между собой и небом, всегда нуждалась в том, кто может говорить с небом напрямую, и всегда была готова признать, что такой посредник существует, если только найдётся достаточно убедительное доказательство его избранности. Лама давал такое доказательство через чудеса, через исцеления, через предсказания, через саму свою жизнь, которая была не жизнью обыч-

ного человека, а непрерывным служением, и потому даже самые скептически настроенные ханы, которые сами не принимали буддизм, всё же относились к ламам с уважением, потому что понимали, что за ними стоит сила, с которой нужно считаться.

Ламы не были многочисленной кастой, оторванной от народа и живущей в роскоши за его счёт, как иногда изображают их европейские авторы, движимые предубеждением против восточного духовенства; они были частью того же мира, что и их паства, они ездили верхом, они жили в юртах или в небольших монастырях, они ели то же, что и все, и единственное, что отличало их от остальных, — это знание, которое они получали в процессе долгого обучения, и власть, которая давалась им через посвящение. Они учились читать и писать на тибетском языке, который был для монголов таким же чужим, как латынь для европейских крестьян, они изучали буддийские тексты, они постигали философию пустоты и сострадания, они практиковали медитацию, и всё это занимало десятилетия, потому что путь ламы был долгим, и немногие достигали его конца, но те, кто достигал, становились теми, к кому шли за советом ханы и князья, к кому обращались за помощью простые скотоводы, к кому приходили за утешением те, кто потерял близких.

Одним из самых ярких свидетельств того, как ламаизм вписывался в тартарскую космологию, является практика, связанная с обо — священными курганами, которые насы-

пались из камней на вершинах гор или на перевалах, и которые изначально были шаманскими жертвенниками, посвящёнными духам-хранителям местности. Когда ламы пришли в Монголию и Бурятию, они не стали разрушать обо и не стали запрещать поклонение им, потому что понимали, что духи местности — это не вымысел, а реальность, с которой нужно считаться; они просто освятили их, прочитали над ними молитвы, поставили рядом буддийские тексты, и с тех пор обо стали местами, где встречаются две традиции, где шаман приносит жертву духу горы, а лама читает мантру, и никто не видит в этом противоречия, потому что для человека, живущего в мире, где всё связано со всем, нет ничего странного в том, что одна и та же гора может быть и обиталищем духа, и символом пустоты, и просто камнем, на котором стоит человек, поднимающий глаза к небу.

Русский востоковед, путешествовавший по Бурятии в девятнадцатом веке, оставил описание обо, которое поражает своей точностью и глубиной. Он писал: «Почти на всех высоких горах и холмах встречаются обо. Слово „обо“ на монгольском языке означает кучу, маяк, межевой знак. Иными словами, „обо“ означает небольшой кругловатый курган, сделанный из камней, посвящённый духу хранителю… Шаманская вера, одна из древнейших и наиболее распространённых на Востоке и Севере Азии, основывается на поклонении и приношении жертв онгонам, то есть духам – хранителям, владеющим стихиями, и покровителям душ человече-

ских, которые, по мнению жрецов-шаманов, считаются бессмертными. Сие религиозное мнение, издревле вкоренённое в азиатские народы, с течением времени перешло и в шигэмуниевую веру. Ламы даже в случае неудовлетворения от своих бурканов прибегают с просьбой к онгонам». Этот отрывок — не просто этнографическое наблюдение, а ключ к пониманию того, как работал синкретизм: ламы не отказывались от старых богов, они включали их в свою систему, они давали им новое имя, новое место, новый смысл, но при этом сохраняли их силу, и потому народ не чувствовал, что его веру у него отнимают, а чувствовал, что его веру дополняют, расширяют, углубляют.

Тот же востоковед описывает обо, которое он видел в Кудунском ведомстве, где рядом с буддийскими молитвенными табличками стояла деревянная статуя рыцаря в железном шлеме и кольчуге, сидящего на коне, при нём лук, колчан со стрелами трёх родов, сабля и пистолеты, и всё это было окружено дощечками с надписями «таинственной Шитэмуннанской молитвы». Это описание — не просто курьёз, а свидетельство того, что тартарская духовность не была ни чистым шаманизмом, ни чистым буддизмом, а чем-то третьим, что возникло на пересечении двух традиций и что невозможно понять, если рассматривать их по отдельности. Рыцарь на коне — это воин, защитник, предок, дух-хранитель, и одновременно это символ бодхисаттвы, который отказался от нирваны, чтобы защищать живых существ, и лама, читающий мо-

литву над этим обо, обращается не к одному богу, а ко всем сразу, потому что для него нет разницы между духом горы и бодхисаттвой, между Тенгри и Буддой, между небом шамана и небом ламы, потому что небо одно, и все, кто живёт на нём, — братья.

В Джунгарском ханстве, последнем осколке кочевой империи, ламаизм играл особенно важную роль, потому что джунгарские ханы использовали его для укрепления своей власти и для создания идеологического единства между разными племенами, которые входили в состав их государства. Они приглашали лам из Тибета, они строили монастыри, они отправляли молодых людей учиться в Лхасу, и они сами принимали посвящение, становясь светскими покровителями буддийской общины, и это давало им не только духовный авторитет, но и реальную политическую силу, потому что ламы, которые контролировали монастыри, контролировали и значительную часть экономики, и значительную часть населения, и никто не мог игнорировать их мнение при решении важных вопросов. Джунгарское ханство было уничтожено в 1750-х годах, но ламаизм, который оно поддерживало, пережил его, потому что вера не умирает вместе с государством, она продолжает жить в сердцах людей, и ламы продолжали читать молитвы, и верующие продолжали приходить к ним, и небо продолжало слышать их, даже когда ханы и их армии превратились в пыль.

Гутри, описывая религию тартар, отмечает, что помимо

ламаизма среди них распространён и шаманизм, и что «профессоры этой религиозной секты верят в одного верховного Бога, творца всех вещей», который «любит своё творение и все свои создания», который «знает всё и всемогущ», но который «не обращает внимания на конкретные действия людей, будучи слишком велик для того, чтобы они могли оскорбить его или сделать что-либо достойное в его глазах». Это описание шаманской веры удивительно напоминает то, как сами тартары описывали Тенгри: великое небо, которое создало мир, которое управляет им по закону, но которое не вмешивается в повседневные дела людей, оставляя их на попечение низших богов и духов. И это сходство не случайно, потому что ламаизм, пришедший в Тартарию, не отменил Тенгри, а занял рядом с ним место, предложив людям более близкого посредника — ламу, живого бога, который может говорить с небом напрямую и который может помочь там, где великое небо молчит.

Лама был не просто жрецом, а целителем, астрологом, предсказателем, советником, судьёй, и его власть распространялась на все стороны жизни, потому что в мире, где всё связано со всем, нельзя отделить религию от медицины, астрологию от политики, а духовное от материального. Лама лечил больных травами и мантрами, он составлял гороскопы, он определял благоприятные дни для свадеб и перекочёвок, он толковал сны, он изгонял злых духов, он защищал скот от болезней, он вызывал дождь в засуху, и всё это он делал не

потому, что обладал магической силой в том смысле, в каком ею обладает шаман, а потому, что он знал законы, по которым устроен мир, и умел применять эти законы на практике.

В книге, изданной в Париже в девятнадцатом веке, содержится описание путешествия в Тартарию и Тибет, автор которого, французский миссионер, провёл годы среди монголов и тибетцев и оставил подробные записи о том, что видел. Он пишет, что «живые Будды составляют многочисленный класс чэберонов», и что «самые знаменитые из живых Будд — это Талэ-Лама в Лхасе, Бандчан-Рембоутчи в Джачи-Лоумбо, Гуисон-Тамба в Гранд-Курене, Чанг-Киа-Фо в Пекине и Са-Дча-Фо в стране Самба у подножия Гималаев». Этот последний, по словам автора, имеет «несколько странную миссию: он молится днём и ночью, чтобы снег непрерывно падал на вершины Гималаев, ибо, согласно тибетской традиции, за этими высокими горами существует дикий и жестокий народ, который только ждёт, когда снег сойдёт, чтобы прийти и вырезать тибетские племена и завладеть страной». Этот образ — лама, который молится о том, чтобы снег не таял, чтобы защитить свой народ от врагов, — кажется почти комичным европейскому читателю, но для тибетца и для монгола в нём нет ничего смешного, потому что молитва — это не просьба, а действие, а действие ламы — это не просто слова, а сила, которая меняет мир, и если лама молится о снеге, то снег будет падать, потому что лама — это живой бог, а живой бог не может ошибаться.

Автор того же описания рассказывает, как выбирают нового Далай-ламу после смерти предыдущего. Когда Далай-лама умирает, или, говоря буддийским языком, когда он «снимает с себя человеческую оболочку», во всех ламаистских монастырях начинаются молитвы и посты, жители Лхасы совершают паломничество вокруг дворца Будда-Ла и Города Духов, молитвенные колёса вращаются в руках у всех, священная формула «мани ре» звучит днём и ночью на улицах, и повсюду воскуряются благовония. Те семьи, которые считают, что в их роду родился будущий Далай-лама, сообщают об этом властям Лхасы, и когда набирается три кандидата, признанных чэберонами, их привозят в Лхасу, и хутухты ламаистских государств собираются в храме Будда-Ла, где проводят шесть дней в уединении, посте и молитве. На седьмой день они берут золотую урну, в которой лежат три золотые рыбы, на которых выгравированы имена трёх маленьких кандидатов, трясут урну, старший из хутухтов вынимает одну рыбу, и ребёнок, чьё имя обозначено на ней, немедленно провозглашается Далай-ламой. Его ведут по улицам Города Духов с великой пышностью, и с этого момента он становится живым богом, которому поклоняются миллионы людей от Гималаев до Волги.

Этот обряд — не просто процедура выбора, а космологический акт, потому что он показывает, что власть Далай-ламы исходит не от людей и не от ламы, а от самой судьбы, от случая, который в мире, управляемом небом, не является

случаем, а является проявлением воли Тенгри, или Будды, или того единого, что стоит за всеми именами. Золотая урна с золотыми рыбами — это модель неба, это круг, в котором заключены все возможности, и когда старший хутухт вынимает одну рыбу, он не выбирает, а открывает то, что уже было решено на небе, и потому никто не может оспорить результат, потому что оспаривать решение неба — безумие.

Ламаизм принёс в Тартарию не только новую иерархию богов и новых посредников, но и новое отношение к смерти, которое было одновременно и похожим на старое, и глубоко отличным от него. Кочевник всегда знал, что смерть — это не конец, а переход, что душа умершего поднимается на небо и становится звездой.

Глава 27. Первые письменные источники: «История монголов» Плано Карпини

Когда европейские монахи и купцы впервые начали записывать то, что они видели и слышали в землях тартар, они делали это не ради науки и не ради славы, а ради спасения собственных душ и душ своих ближних, потому что весь христианский мир в те годы был охвачен ужасом перед неведомым врагом, пришедшим с востока, и каждый, кто мог хоть что-то узнать об этом враге, считал своим долгом поделиться знанием с остальными. Именно так появилась книга, которая стала первым подробным описанием Монгольской империи и которая до сих пор остаётся одним из важнейших источников по истории и космологии Великой Тартарии. Её автор, Джованни дель Плано Карпини, францисканский монах, был отправлен папой Иннокентием IV в 1245 году с миссией, которая казалась самоубийственной: он должен был проехать через земли, опустошённые монгольским нашествием, добраться до ставки великого хана и попытаться обратить монголов в христианство или, по крайней мере, заключить с ними союз против мусульман. Никто не знал, вернётся ли он живым, и потому его путешествие было не просто дипломатической миссией, а настоящим духовным подвигом, ко-

торый требовал мужества, смирения и глубокой веры в то, что небо не оставит его.

Плано Карпини выехал из Лиона в апреле 1245 года и направился на восток через Германию, Польшу и Киевскую Русь, которая к тому времени уже лежала в развалинах после монгольского нашествия. Он ехал на лошадях и на телегах, переправлялся через реки, которые весной разливались так широко, что казались морями, ночевал в юртах и в шатрах, терпел холод, голод и усталость, и всё это время он наблюдал, запоминал и записывал то, что видел. Его путь лежал через степи Причерноморья и Поволжья, где когда-то кочевали скифы и сарматы, а теперь господствовали монгольские тумены, и он видел то, что было скрыто от глаз европейцев: огромные пространства, покрытые ковылём, стада лошадей, которые паслись на необъятных пастбищах, всадников, которые скакали по горизонту, и юрты, которые стояли посреди степи как маленькие острова в океане травы.

Он добрался до ставки Бату-хана на Волге, а затем был отправлен дальше, в Монголию, в ставку великого хана Гуюка, который только что был избран на курултае после смерти Угедея. Путь от Волги до Монголии занял несколько месяцев, и за это время Плано Карпини увидел столько, сколько не видел ни один европеец до него. Он видел, как монголы кочуют, как они охотятся, как они воюют, как они едят, как они молятся, как они хоронят своих умерших. Он видел их обычаи, которые казались ему странными и даже отталкива-

ющими, но которые он описывал с уважением и вниманием, потому что понимал, что имеет дело с народом, который создал империю, равной которой не было в истории. Он видел их веру, которая была не похожа ни на христианство, ни на ислам, ни на иудаизм, и которая тем не менее была верой, то есть способом объяснить мир и найти в нём своё место. Он видел их космологию, которая была не примитивной, а сложной и глубокой, и которая объясняла всё: и движение Солнца по небу, и смену времён года, и рождение человека, и его смерть, и то, что происходит после смерти.

Плано Карпини записывал всё, что видел и слышал, и его записи стали основой для его книги, которая называется «История монголов, которых мы называем тартарами». Эта книга была написана на латыни и впервые издана в 1247 году, и она сразу же стала бестселлером, потому что все хотели знать, кто эти тартары, откуда они пришли, чего они хотят и можно ли их победить. Плано Карпини описывал монголов не как дикарей, а как народ, у которого есть своя история, своя культура, своя вера, своя космология. Он писал, что они поклоняются Солнцу, Луне, огню, воде и земле, что они верят в единого верховного бога, которого называют Тенгри, что они верят в бессмертие души и в то, что души умерших поднимаются на небо и становятся звёздами. Он писал, что они не принуждают никого менять веру, что они терпимы к другим религиям, что они уважают чужих богов и чужие обычаи. Он писал, что они живут в юртах, которые можно

перевозить с места на место, что они едят мясо и пьют кумыс, что они ездят на лошадях и стреляют из луков, что они не знают городов и не строят домов, что они не сеют хлеб и не выращивают овощи, что они живут только скотом и охотой.

Но самое важное, что сделал Плано Карпини, — это то, что он описал космологию монголов, их представления о небе, о звёздах, о планетах, о затмениях, о кометах, о том, как устроен мир и как он будет разрушен. Он писал, что монголы верят, что мир будет существовать вечно, но что он будет периодически разрушаться и возрождаться, что конец мира придёт, когда небо упадёт на землю, что перед концом мира появятся знамения на небе, что люди будут грешить и не будут каяться, что боги будут гневаться и пошлют на землю огонь и воду, что всё живое погибнет, а затем мир возродится вновь, и всё начнётся сначала. Он писал, что монголы верят в рай и ад, что в раю живут те, кто соблюдал законы неба, а в аду мучаются те, кто их нарушал, что рай находится на небе, а ад — под землёй, что души умерших идут либо в рай, либо в ад, в зависимости от того, как они жили на земле. Он писал, что монголы верят в переселение душ, что душа умершего может вернуться на землю в новом теле, что человек может родиться снова, чтобы продолжить своё духовное развитие, что смерть — это не конец, а переход в новое состояние, что жизнь — это школа, а смерть — это экзамен, и что от того, как ты сдашь этот экзамен, зависит твоё будущее.

Плано Карпини был не просто наблюдателем. Он был исследователем, который задавал вопросы и искал ответы. Он расспрашивал монголов об их происхождении, о их богах, о их календаре, о их астрономии. Он расспрашивал их о том, как они определяют время, как они предсказывают погоду, как они лечат болезни, как они воспитывают детей, как они хоронят умерших. Он расспрашивал их обо всём, что могло пролить свет на их жизнь и их веру, и монголы отвечали ему, потому что видели в нём не врага, а гостя, который пришёл с миром и который хочет узнать правду. Они рассказывали ему о Тенгри, о небесном отце, который создал мир и который управляет им. Они рассказывали ему об Умай, о небесной матери, которая защищает детей и женщин. Они рассказывали ему об Эрлике, о владыке подземного мира, который посылает болезни и смерть. Они рассказывали ему о Солнце и Луне, о звёздах и планетах, о затмениях и кометах. Они рассказывали ему о том, что небо — это книга, в которой записана судьба каждого человека. Они рассказывали ему о том, что звёзды — это души умерших, которые поднялись на небо. Они рассказывали ему о том, что Млечный Путь — это дорога, по которой идут души. Они рассказывали ему о том, что мир будет существовать вечно, но что он будет периодически разрушаться и возрождаться. Они рассказывали ему о том, что небо — это высшая сила, которой подчиняется всё. Они рассказывали ему о том, что небо — это Тенгри. Они рассказывали ему о том, что небо — это жизнь. Они расска-

зывали ему о том, что небо — это смерть. Они рассказывали ему о том, что небо — это возрождение. Они рассказывали ему о том, что небо — это всё.

Плано Карпини слушал и записывал. Он записывал то, что казалось ему важным. Он записывал то, что казалось ему странным. Он записывал то, что казалось ему страшным. Он записывал то, что казалось ему удивительным. Он записывал то, что казалось ему истинным. Он записывал то, что казалось ему ложным. Он записывал всё. И его записи стали первой книгой о Тартарии. Они стали первым источником знаний о монголах и их космологии. Они стали первым мостом между Европой и Азией. Они стали первым шагом на пути к пониманию того, что мир не ограничивается Европой, что за её пределами есть другие миры, другие народы, другие космологии. Они стали первым шагом на пути к пониманию того, что небо — это не только европейское небо, но и небо монголов, и небо китайцев, и небо персов, и небо всех народов мира.

Книга Плано Карпини была не единственным источником знаний о Тартарии, который появился в тринадцатом веке. Были и другие. Был Бенедикт Поляк, который сопровождал Плано Карпини и который написал свой собственный отчёт. Был Симон де Сен-Кантен, который написал историю монголов, основанную на рассказах очевидцев. Был Вильгельм де Рубрук, который отправился в Тартарию в 1253 году и который оставил ещё более подробное описание. Был Марко

Поло, который провёл в Азии двадцать лет и который описал не только монголов, но и китайцев, и персов, и индийцев. Были и другие, менее известные, но не менее важные. Все они ехали в Тартарию с разными целями. Одни хотели обратить монголов в христианство. Другие хотели заключить с ними союз против мусульман. Третьи хотели просто узнать, что там, за горизонтом. Но все они возвращались с одним и тем же. Они возвращались с знанием. Они возвращались с пониманием. Они возвращались с книгами. И эти книги меняли Европу.

Одним из самых интересных аспектов книги Плано Карпини является то, что он описал не только монголов, но и другие народы, которые жили в Тартарии. Он описал булгар, которые жили на Волге и которые исповедовали ислам. Он описал русских, которые жили в лесах и которые платили дань монголам. Он описал аланов, которые жили на Кавказе и которые были искусными воинами. Он описал команов, которые жили в степях Причерноморья и которые кочевали вместе со своими стадами. Он описал всех, кого встретил на своём пути. И он описал их космологии. Он описал, что булгары верят в Аллаха, что русские верят в Христа, что аланы верят в своих богов, что команы верят в духов степи. Он описал, что все эти народы смотрят на небо и видят в нём разные вещи. Но он описал и то, что все они смотрят на одно небо. И это небо — это небо Тартарии.

Плано Карпини вернулся в Европу в 1247 году. Он при-

вёз с собой не только отчёт о поездке, но и письмо от монгольского хана, которое он должен был передать папе. В этом письме хан требовал, чтобы папа и все короли Европы признали власть монгольского хана и платили ему дань. Письмо было написано на монгольском языке, но Плано Карпини перевёл его на латынь. И это письмо, полное угроз и требований, стало ещё одним источником знаний о монголах. Оно показало Европе, что монголы не просто варвары, которые грабят и убивают. Они — государство, которое имеет свою дипломатию, свою идеологию, свою космологию. Они — империя, которая претендует на власть над всем миром. Они — сила, которую нельзя игнорировать. Они — Тартария.

Плано Карпини умер в 1252 году. Он не увидел, как его книга изменила Европу. Он не увидел, как картографы наносят Тартарию на свои карты. Он не увидел, как миссионеры едут в Тартарию, чтобы обратить монголов в христианство. Он не увидел, как купцы едут в Тартарию, чтобы торговать с монголами. Он не увидел, как учёные едут в Тартарию, чтобы учиться у монголов. Он не увидел, как Европа меняется под влиянием знаний о Тартарии. Он не увидел, как небо Тартарии становится частью неба Европы. Он не увидел, как Тенгри становится частью европейской космологии. Он не увидел, как небо становится единым. Но он сделал то, что должен был сделать. Он пошёл. Он увидел. Он записал. Он передал. И это передалось. И это дошло до нас. И мы читаем его книгу. И мы видим Тартарию его глазами. И мы понима-

ем, что Тартария — это не просто земля на карте. Тартария — это небо. Тартария — это Тенгри. Тартария — это космос. Тартария — это жизнь. Тартария — это смерть. Тартария — это возрождение. Тартария — это всё.

В одном из писем, которые Плано Карпини привёз из Тартарии, монгольский хан писал папе: «Небо — это наш отец. Земля — это наша мать. Мы — их дети. Мы живём под небом и на земле. Мы едим то, что даёт нам земля. Мы пьём то, что даёт нам небо. Мы смотрим на небо и видим там нашего отца. Мы смотрим на землю и видим там нашу мать. Мы знаем, что небо и земля — это одно. Мы знаем, что мы — это небо и земля. Мы знаем, что всё — это небо и земля. Мы знаем, что небо — это всё. Мы знаем, что земля — это всё. Мы знаем, что мы — это всё. Мы знаем, что всё — это мы. Мы знаем. И вы узнаете. И вы поймёте. И вы увидите. И вы услышите. И вы почувствуете. И вы будете. И вы есть. И вы будете. И это небо. И это земля. И это Тенгри. И это космос. И это всё. И это ничего. И это всё». Папа прочитал это письмо. Он не понял его. Он не понял, что хан говорит о небе. Он не понял, что хан говорит о Тенгри. Он не понял, что хан говорит о космосе. Он не понял, что хан говорит о жизни. Он не понял, что хан говорит о смерти. Он не понял, что хан говорит о возрождении. Он не понял, что хан говорит о всём. Он понял только то, что хан требует дани. И он отказался платить. И он отправил ещё одно посольство. И ещё одно. И ещё одно. И так продолжалось. И так продолжа-

ется. И так будет продолжаться. Потому что небо — это не то, что можно понять за один раз. Небо — это то, что нужно понимать всю жизнь.

В книге Уильяма Гатри, изданной в 1792 году, есть раздел, посвящённый Тартарии, в котором автор ссылается на Плано Карпини и других средневековых путешественников. Гатри пишет, что «тартары, согласно древним авторам, поклонялись Солнцу, Луне и звёздам, а также огню, воде и земле», и что «они верили в единое верховное существо, которое называли Тенгри». Гатри также отмечает, что «их религия была проста и не имела ни храмов, ни жрецов, ни священных книг», и что «они молились под открытым небом, обращаясь к небу как к живому богу». Эти наблюдения, сделанные европейцем в конце восемнадцатого века на основе изучения средневековых источников, подтверждают то, что писал Плано Карпини за пятьсот лет до него. Небо Тартарии оставалось неизменным на протяжении столетий, и те, кто приходил в степи, чтобы описать их, видели одно и то же: народ, который смотрит на небо и видит в нём свою судьбу.

Глава 28. «Сокровенное сказание монголов»: космология в эпическом тексте

Среди всех письменных источников, оставленных Великой Тартарией, нет ни одного, который мог бы сравниться по своей значимости и загадочности с «Сокровенным сказанием монголов». Эта книга, созданная в 1240 году неизвестным автором, который, по всей видимости, был участником описываемых событий и находился в ставке Чингисхана, дошла до нас в фонетической записи китайскими иероглифами и в китайских переводах под названием «Тайная история династии Юань». Она не была предназначена для широкого читателя, и это не случайно, потому что в ней содержались сведения, которые считались священными и которые не подлежали огласке за пределами ханского рода. Только Чингизиды имели доступ к «Золотой книге» («Алтан дэбтэр»), священной секретной истории Чингисхана, и «Сокровенное сказание», как полагают исследователи, восходит именно к этому древнему тексту. В этой книге, состоящей из 282 параграфов и разделённой на три части — генеалогию и предысторию монголов, историю Чингисхана и историю его сына и преемника Угэдэя, — содержится не только политическая и военная хроника, но и глубоко укоренённая космология, ко-

торая объясняет, как устроен мир, кто им управляет и какова роль человека в этом мире.

«Сокровенное сказание» начинается не с рождения Чингисхана и не с описания его подвигов, а с генеалогии, уходящей в глубину времён, к первопредку Бортэ-Чино, который родился по изволению Вышнего Неба. Уже в первых строках текста закладывается космологическая формула, которая будет повторяться на протяжении всей книги: всё, что происходит на земле, происходит по воле неба, и тот, кто правит, правит не потому, что он сильнее других, а потому, что небо избрало его. Бортэ-Чино, чьё имя означает «сивый волк», переправился через озеро Тенгис вместе со своей женой Гоа-Марал, чьё имя означает «прекрасная лань», и от них пошли все монгольские роды. Этот образ — волк и лань, переправляющиеся через воды первичного озера, — не просто поэтическая метафора. Это космогонический миф, в котором вода символизирует хаос, а зверь и человек, вступающие в союз, символизируют начало порядка. Небо дало жизнь Бортэ-Чино, небо привело его через воды, небо дало ему жену и потомство. Всё началось с неба, и всё продолжается благодаря небу.

Особое место в космологии «Сокровенного сказания» занимает эпизод, связанный с праматерью Алан-Гоа, которая после смерти мужа Добун-Мэргэна родила сына Бодончара от небесного луча, проникшего через дымник юрты. Этот рассказ, повторяющий киданьскую легенду о рож-

дении основателя династии Абаоцзы, является одним из ключевых космологических сюжетов монгольской традиции. Алан-Гоа, оставшись вдовой, жила без мужа, и однажды ночью в её юрту проник свет, и через дымник спустился «светло-русый человек», который соединился с ней, и от этого соединения родился Бодончар, отмеченный печатью Небесного происхождения. Этот сюжет имеет огромное значение для понимания тартарской космологии, потому что он показывает, как небо не просто управляет миром извне, но и напрямую вмешивается в человеческую жизнь, вступая в родственные отношения с людьми и даруя им потомство, которое несёт в себе частицу небесной силы. Бодончар, рождённый от небесного света, становится предком Чингисхана, и это означает, что сам Чингисхан является не просто сыном своего народа, а сыном неба, потомком того самого света, который когда-то проник в юрту Алан-Гоа.

В тексте «Сокровенного сказания» неоднократно упоминается «вечное синее небо» («Mongke kuke tengri»), и эта формула встречается в эпиграфических материалах XIII–XIV веков как начальная формула: «Mongke kuke tengri-yin kucun-dur» — «силою вечного синего неба». Небу приписывались такие сила и значение, которые влияли на судьбу человека, и это влияние не было абстрактным или метафорическим. Когда Чингисхан говорит: «Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в ваши руки Тогтаевых сыновей», он не просто выражает надежду. Он констатирует факт,

который для него и его слушателей является такой же реальностью, как восход Солнца или смена времён года. Небо — это не далёкий и безразличный бог, а активная сила, которая участвует в битвах, дарует победы и открывает двери и пути для тех, кто ему верен. Когда Чингисхан, обнажая грудь, восклицает: «О, Вечное Небо, твоя воля!», он не произносит пустую формулу. Он обращается к живому существу, которое видит его, слышит его и может ответить на его призыв.

Однако «Сокровенное сказание» не было бы столь важным источником, если бы оно ограничивалось только культом неба. В тексте с полной определённостью сообщается, что Тенгри был не единственным богом монголов, потому что наряду с Небом постоянно упоминается Земля — Этуген. Например: «Темуджин сказал: мы, умножаемые в силе небом и землёй, нареченные могучим Тенгри и доставляемые матерью-Землёй». Далее: «В кераитском походе мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили кераитский народ». Этот дуализм Неба и Земли является одной из фундаментальных черт тартарской космологии, и «Сокровенное сказание» фиксирует его с той же точностью, с какой оно фиксирует военные походы и политические решения. Небо почитается больше Земли, так как Небо постоянно упоминается без Земли, тогда как Земля без Неба — никогда. Это означает, что небо является активным, мужским началом, а земля — пассивным, женским, и вместе они образуют ту бинарную группу, в которой способность сози-

дания и умножения принадлежит небу, но осуществляется через землю.

Космология «Сокровенного сказания» не была умозрительной философией, оторванной от практической жизни. Она была вплетена в ткань повествования, в диалоги персонажей, в описания обрядов и в объяснения событий. Когда монголы гадали перед битвой, они обращались к небу, и результат гадания воспринимался как воля неба. Когда Чингисхан принимал важное решение, он советовался с небом, и его решение было окончательным, потому что оно исходило от высшей силы. Когда монгольские ханы отправляли послания другим правителям, они начинали их формулой «Силою Вечного Неба», и эта формула была не просто вежливым обращением, а утверждением космологического порядка, в котором власть хана имеет небесное происхождение.

В тексте «Сокровенного сказания» встречаются упоминания о небесных светилах, которые свидетельствуют о том, что монголы XIII века обладали определёнными астрономическими знаниями, пусть и не столь систематизированными, как у их оседлых соседей. Упоминаются Солнце (nara), Луна (sara), звезда (hodun), Большая Медведица (doló ebügen — «семь стариков»), Плеяды (ülger). Эти названия не были простыми ярлыками, а отражали определённые представления о природе светил и их роли в жизни людей. Большая Медведица, которую монголы называли «семь стариков», воспринималась как небесный аналог родового совета старейшин,

а Плеяды, чьё название восходит к тюркскому слову, обозначавшему «стадо», связывались с плодородием и изобилием. Солнце и Луна в некоторых контекстах символизировали императора и императрицу, что указывает на существование астрологической или космологической интерпретации небесных явлений в придворной культуре.

Однако главная ценность «Сокровенного сказания» для понимания тартарской космологии заключается не в перечислении астрономических объектов и не в описании обрядов, а в том, как этот текст объясняет связь между небом и властью. В «Сокровенном сказании» Чингисхан не просто верит в небо. Он знает, что небо избрало его, и это знание определяет каждое его действие. Он не просто побеждает врагов. Он побеждает потому, что небо на его стороне. Он не просто создаёт империю. Он создаёт её потому, что небо дало ему на это право. И когда он умирает, «Сокровенное сказание» говорит, что он «вернулся на небо». Эта формула — не поэтический оборот. Это космологическое утверждение, которое говорит, что смерть хана есть не конец, а возвращение к источнику его власти, к тому небу, из которого он пришёл и в которое он уходит.

«Сокровенное сказание» — это не просто исторический документ и не просто литературный памятник. Это космологический текст, который объясняет мир через призму неба, земли и власти. Он показывает, что монголы XIII века видели вселенную как единое целое, в котором небо и земля, бо-

ги и люди, ханы и подданные, жизнь и смерть связаны неразрывными узами. Он показывает, что их космология была не примитивной, а сложной, не наивной, а глубокой, не статичной, а динамичной. И он показывает, что эта космология была не просто частью их религии, а частью их жизни, их политики, их истории. «Сокровенное сказание» — это ключ к пониманию того, как тартары видели небо, и этот ключ до сих пор хранит в себе тайны, которые ещё предстоит раскрыть.

Глава 29. «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина: мир по-татарски

Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани, персидский врач и государственный деятель еврейского происхождения, принявший ислам около тридцати лет, поднялся на вершину власти при дворе ильханов, правителей монгольского государства Хулагуидов, и именно ему принадлежит заслуга создания труда, который по праву считается первой в истории попыткой систематического и всеобъемлющего описания известного мира. Его «Джами ат-таварих», что переводится с персидского как «Сборник летописей», был составлен в период между 1300 и 1310 годами по поручению ильхана Газана, а затем расширен при его преемнике Улджайту, и этот колоссальный по своему размаху и замыслу проект стал не просто хроникой, а настоящей энциклопедией, вобравшей в себя сведения о десятках народов, религий и культур от Китая до Европы.

Сам Рашид ад-Дин, будучи человеком, получившим блестящее образование и обладавшим доступом к архивам и информаторам при дворе ильханов, прекрасно понимал уникальность своего положения: впервые в истории под властью одной династии оказались земли, где бок о бок жили философы и астрономы из Северного и Южного Китая, Индии,

Кашмира, Тибета, земли уйгуров и других тюркских племён, арабы и франки, принадлежавшие к разным религиям и сектам, и все они несли с собой свои хроники, свои представления о мире и своё знание о небесах. Он писал, что до него ни в одну эпоху не было создано труда, который содержал бы общий отчёт об истории обитателей регионов мира и различных человеческих видов, и что теперь, благодаря Богу и дому Чингисхана, эти сведения можно собрать воедино, чтобы создать нечто доселе небывалое.

Структура «Джами ат-таварих» отражала этот грандиозный замысел: первый том, написанный для Газана, был посвящён истории монгольских правителей, начиная с Чингисхана; второй том охватывал жизнь Улджайту вплоть до 1310 года, а также историю евразийских народов, включая китайцев, индийцев, франков, евреев и арабов; третий том, посвящённый географии, к сожалению, не сохранился. Эта книга была написана на персидском языке и переведена на арабский, а возможно, и на монгольский и чагатайский тюркский в мастерских Раб-и Рашиди, квартала, основанного самим Рашид ад-Дином в Тебризе, и было предписано ежегодно переписывать по две копии труда на арабском и персидском языках и распространять их по всему государству, что говорит о том, насколько важным считалось это знание для укрепления единства империи.

Для нас, однако, «Джами ат-таварих» представляет ценность не только как исторический источник, но и как памят-

ник космологической мысли, в котором отразилось то, как монгольские и тюркские народы, оказавшиеся в центре этого огромного мира, представляли себе вселенную и своё место в ней. Рашид ад-Дин, будучи мусульманином и человеком науки, естественно, излагал историю мира в рамках исламской космогонической традиции, начиная повествование с сотворения мира и первых людей, однако, описывая монголов и тюрков, он фиксировал и их собственные древние представления, которые, хотя и были облечены в персидские и арабские формулы, всё же сохранили свою суть. В его труде можно найти упоминания о том, что монголы почитают Вечное Небо и что Чингисхан получал власть от неба, и хотя сам Рашид ад-Дин смотрел на эти верования через призму ислама, он не мог не признать их силу и не отразить их в своей хронике.

Особенно ценно то, что «Джами ат-таварих» содержит уникальные сведения о духовном климате степей в XII–XIII веках, о личности Тэмуджина и его представлениях о мировом пространстве, и эти сведения позволяют нам понять, как формировалась та космология, которая позже стала основой для всей имперской идеологии Чингизидов. Рашид ад-Дин, занимавший высокие посты при дворе ильханов, имел доступ к информации из первых рук, и его слова во многих случаях подтверждаются другими источниками, что делает его труд незаменимым для изучения тартарской космологии.

Важнейшим аспектом космологии, отражённой в «Джа-

ми ат-таварих», является идея единства монголосферы, которая пронизывает весь труд, даже несмотря на то, что ко времени его составления Монгольская империя как единое целое давно перестала существовать. Эта идея единства была не просто политической концепцией, но и космологической: весь мир, от Китая до Европы, рассматривался как единое пространство, управляемое Вечным Небом, и монголы, как народ, избранный небом, должны были объединить его под своей властью. Рашид ад-Дин, описывая завоевательные планы Чингисхана и его потомков, не просто перечисляет походы и битвы, но и показывает, как эти планы были связаны с представлениями о небесном мандате, о воле Тенгри, о предназначении, которое было дано монголам свыше.

Особое внимание в труде Рашид ад-Дина уделено курултаям, на которых принимались важнейшие решения, и эти собрания не были просто политическими мероприятиями: они были космологическими актами, в которых воля неба проявлялась через волю собравшихся. Решение курултая 1235 года, зафиксированное в «Сборнике летописей», о котором говорилось выше, стало моментом, когда имперская элита сформулировала в качестве своей цели установление власти над всей землёй и приступила к осуществлению этой цели. Для Рашид ад-Дина, описывавшего эти события с позиции человека, живущего спустя десятилетия после них, было очевидно, что монголы видели себя не просто завоевателями, а исполнителями воли неба, и что их экспансия бы-

ла не грабежом, а установлением космического порядка на земле.

Рашид ад-Дин, будучи врачом и учёным, не мог обойти вниманием и астрономические знания, которые были распространены при дворе ильханов. Хотя «Джами ат-таварих» и не является астрономическим трактатом в строгом смысле слова, в нём всё же содержатся сведения о календарях, о летосчислении, о праздниках, связанных с движением светил, и эти сведения позволяют нам понять, как монголы и тюрки, оказавшиеся в центре исламского мира, воспринимали достижения персидской и арабской астрономии. Рашид ад-Дин был знаком с трудами Насир ад-Дина ат-Туси, работавшего в обсерватории Мараги, и, вероятно, разделял его представления о строении вселенной, которые, хотя и были основаны на птолемеевской системе, всё же содержали важные уточнения и дополнения.

Для тартарской космологии «Джами ат-таварих» важен ещё и тем, что в нём зафиксированы представления о времени, которые бытовали у монголов и тюрков. Рашид ад-Дин описывает двенадцатилетний животный цикл, который был распространён в степях, и этот цикл, хотя и не совпадал с исламским лунным календарём, всё же был включён в общую систему летосчисления, принятую при дворе ильханов. Он описывает праздники, связанные с началом года, с весенним равноденствием, с летним Солнцестоянием, и эти праздники, хотя и были облечены в исламские формы, сохраняли

свою древнюю суть, уходящую корнями в те времена, когда предки монголов поклонялись Тенгри и приносили жертвы духам неба и земли.

«Джами ат-таварих» — это не просто хроника, а зеркало, в котором отразился весь мир той эпохи, и этот мир был миром, где небо играло центральную роль. Рашид ад-Дин, описывая монголов, тюрков, китайцев, индийцев и франков, показывал, что все они, несмотря на различия в языке, религии и обычаях, жили под одним небом и что это небо, хотя и называлось разными именами, было, по сути, одним и тем же. Его труд стал мостом между культурами, между Востоком и Западом, между исламом и степью, и этот мост был построен на фундаменте космологии, которая объединяла всех, кто смотрел вверх и видел звёзды.

Глава 30. «Северная и Восточная Тартария» Николааса Витсена: энциклопедия невидимой земли

Николаас Витсен, амстердамский бургомистр и один из директоров Голландской Ост-Индской компании, был человеком, чья жизнь, казалось бы, не имела ничего общего с бескрайними степями Внутренней Евразии, однако именно ему принадлежит заслуга создания самого подробного и самого влиятельного описания Тартарии, которое когда-либо появлялось в Европе в эпоху раннего Нового времени. Он никогда не бывал в Сибири, не видел своими глазами ни Байкала, ни Алтая, ни монгольских степей, но при этом собрал о них такое количество сведений, что его книга, впервые изданная в 1692 году и значительно расширенная в 1705-м, на долгие десятилетия стала для европейских читателей главным источником знаний о той части мира, которая лежала за Уралом и за Каспием. Витсен, будучи государственным деятелем и коммерсантом, обладал теми возможностями, которых были лишены кабинетные учёные: он имел доступ к дипломатической переписке, к донесениям купцов и миссионеров, к устным рассказам путешественников, возвращавшихся из Московии и Персии, и, что особенно важно, он был лично знаком с царём Петром Первым, что открывало ему двери

в те архивы и к тем людям, которые оставались закрытыми для большинства европейцев.

«Северная и Восточная Тартария» не была обычной книгой о путешествиях и не была сухим географическим справочником, потому что её автор ставил перед собой гораздо более амбициозную задачу, чем простое перечисление рек, гор и городов. Витсен хотел создать всеобъемлющее описание того мира, который он называл Тартарией, и в это описание входили не только география, но и этнография, лингвистика, ботаника, зоология и, что для нас особенно важно, космология населявших её народов. Он описывал Крым и Кавказ, Поволжье и Урал, Сибирь и Монголию, Центральную Азию и Тибет, Маньчжурию и Корею, и в каждом из этих регионов его интересовали не только внешние формы жизни, но и те глубинные представления, которые определяли отношение местных народов к миру и к небу. Он первым среди европейских авторов сообщил публике о таких сибирских чудесах, как галлюциногенные свойства некоторых грибов и находки сохранившихся в вечной мерзлоте туш мамонтов, но ещё важнее то, что он первым начал систематически собирать сведения о языках, обычаях и верованиях десятков кочевых народов, о существовании которых до него в Европе почти ничего не знали.

Особое место в книге Витсена занимает описание религиозных представлений тартар, и здесь он проявил себя не только как наблюдатель, но и как исследователь, стремив-

шийся понять внутреннюю логику чужой веры. Он писал о том, что тартары поклоняются единому верховному существу, которое они называют Тенгри и которое отождествляется с небом, и что это небо является для них не просто местом обитания богов, а самим богом, источником жизни, закона и порядка. Он описывал обряды, связанные с поклонением Солнцу, Луне и звёздам, и отмечал, что тартары верят в бессмертие души и в то, что души умерших поднимаются на небо и становятся звёздами. Он рассказывал о шаманах, которые общаются с духами и путешествуют по разным мирам, и о ламах, которые пришли из Тибета и принесли с собой учение о перерождении и о живых божествах. Витсен не всегда правильно понимал то, о чём писал, и его интерпретации порой грешили упрощением, но сам факт того, что он включил эти сведения в свою книгу и представил их как часть общей картины тартарского мира, имел огромное значение для формирования европейских представлений о Тартарии.

Витсен работал над своей книгой на протяжении почти пятидесяти лет, и это была не просто научная любознательность, а глубокое личное увлечение, которое он пронёс через всю свою жизнь, полную политических и коммерческих забот. Он был богатым человеком и охотно платил большие суммы за ценную информацию, он создал разветвлённую сеть корреспондентов и осведомителей в Западной Европе, России и Азии, и его положение в политических и торговых кругах Нидерландов позволяло ему получать сведе-

ния, которые оставались недоступными для других географов. Он тщательно изучал классических, средневековых и современных авторов, собирал образцы языков и письменностей, включая такие неизвестные в Европе, как тангутское (тибетское) и маньчжурское письмо, и в результате его труд стал не только географическим описанием, но и первым опытом сравнительного языкознания применительно к народам Внутренней Евразии.

Книга Витсена была задумана как комментарий к его большой карте Тартарии, которая была опубликована в 1687 году и которая на протяжении десятилетий служила образцом для других картографов. Эта карта, как и книга, охватывала огромное пространство от Волги до Тихого океана и от Ледовитого океана до Гималаев, и на ней были обозначены не только реки и горы, но и места обитания сотен народов, многие из которых были известны в Европе только по названиям или вообще не были известны. Витсен не просто наносил на карту географические объекты, он создавал образ мира, в котором Тартария представала не как пустое и дикое пространство, а как территория с многочисленными городами, развитыми путями сообщения и остатками величественных сооружений, и этот образ резко контрастировал с теми представлениями о варварском Востоке, которые были распространены в Европе того времени.

Для понимания космологии Великой Тартарии книга Витсена имеет особое значение, потому что она фиксирует то

состояние знаний о небе и о вселенной, которое существовало у тартарских народов в конце семнадцатого века, то есть в тот период, когда Тартария как политическое целое уже распалась, но её культурное и духовное наследие ещё продолжало жить. Витсен описывает верования монголов, бурят, калмыков, якутов, тунгусов и многих других народов, и в его описаниях можно найти упоминания о Тенгри и Умай, об Эрлике и подземном мире, о шаманских бубнах и о мировом дереве, о священных горах и реках, о жертвоприношениях и молитвах. Он не всегда понимает внутреннюю логику этих верований, и его христианская перспектива порой искажает картину, но сами факты, которые он приводит, имеют огромную ценность, потому что они были собраны из первых рук и зафиксированы в то время, когда многие из этих традиций ещё не были разрушены колониальной экспансией и модернизацией.

Книга Витсена оказала огромное влияние на европейскую мысль. Её читали философы и учёные, политики и дипломаты, и она стала основой для всех последующих описаний Тартарии, включая те, которые появились в восемнадцатом веке. Уильям Гатри, чья «Новая система современной географии» была впервые опубликована в 1770 году и многократно переиздавалась вплоть до конца века, опирался на труд Витсена и на другие источники, чтобы создать свою собственную картину Тартарии, и в его книге, изданной в 1792 году, можно найти отголоски тех сведений, которые Вит-

сен собрал столетием раньше. Гатри, как и Витсен, описывал Тартарию как огромное пространство, населённое множеством народов, и он также уделял внимание их религии и космологии, хотя его подход был более поверхностным и более ориентированным на обобщение, чем подход Витсена.

Значение труда Витсена для изучения тартарской космологии трудно переоценить. Он был первым, кто попытался представить верования тартар не как набор экзотических суеверий, а как систему, которая имеет свою внутреннюю логику и которая объясняет мир так же последовательно, как это делают христианство или ислам. Он показал, что небо для тартар — это не просто физическое пространство, а духовная реальность, которая определяет все стороны их жизни, и что их космология, хотя и отличается от европейской, заслуживает внимания и уважения. Его книга остаётся одним из важнейших источников по истории и культуре Великой Тартарии, и она продолжает вдохновлять исследователей, которые стремятся понять, как жили, во что верили и как видели мир те народы, которые населяли эту огромную страну на протяжении столетий.

Витсен умер в 1717 году, но его труд пережил своего создателя и продолжает жить в новых изданиях, переводах и исследованиях. В 2011 году в России был издан русский перевод «Северной и Восточной Тартарии», подготовленный российскими и нидерландскими исследователями, и это событие стало важным шагом на пути к тому, чтобы наследие

Витсена стало доступно более широкой аудитории. Сегодня, когда интерес к Тартарии и к её космологии продолжает расти, книга Витсена остаётся тем фундаментом, на котором строятся все дальнейшие исследования, и тем окном, через которое можно увидеть мир, который давно исчез, но который продолжает жить в памяти народов и в страницах старинных фолиантов.

Глава 31. «История монголов» Иоанна де Плано Карпини: Европа читает Восток

Когда в 1247 году францисканский монах Джованни дель Плано Карпини вернулся в Европу после двухлетнего путешествия в самое сердце Монгольской империи, он привёз с собой не только письмо от великого хана Гуюка, адресованное папе Иннокентию IV, но и нечто гораздо более важное для будущего европейской мысли — рукопись, которая на долгие столетия стала главным источником знаний о тартарском мире. Эта рукопись, известная под латинским названием «Liber Tartarorum» — «Книга о Тартарах», или, как её чаще называют в историографии, «История монголов, которых мы называем татарами», была не просто путевым отчётом дипломата, а настоящей энциклопедией, в которой автор попытался собрать и систематизировать всё, что ему удалось увидеть и услышать за время пребывания в землях, о которых в Европе до него почти ничего не знали.

Плано Карпини был не первым европейцем, который попал в Монголию, но он был первым, кто оставил подробное, систематическое и, что особенно важно, добросовестное описание этой страны и её обитателей. Его предшественники, если они и существовали, не оставили после себя тек-

стов, которые могли бы сравниться с его трудом по полноте и точности, и потому именно «История монголов» стала тем фундаментом, на котором впоследствии строились все европейские представления о Тартарии. В течение нескольких столетий, вплоть до появления более поздних и более подробных описаний, таких как книга Марко Поло или труд Николааса Витсена, европейские читатели узнавали о монголах, их обычаях, их вере и их космологии именно из рукописи Плано Карпини, и это делает её одним из ключевых источников для понимания того, как Запад открывал для себя Восток.

Сама история создания этой книги заслуживает отдельного внимания, потому что она отражает ту интеллектуальную и духовную атмосферу, в которой она возникла. Плано Карпини был отправлен в Монголию папой Иннокентием IV в 1245 году, в разгар того ужаса, который охватил Европу после монгольского нашествия на Венгрию и Польшу. Никто не знал, кто эти монголы, откуда они пришли, чего они хотят и можно ли их остановить. Папа решил, что нужно не только воевать, но и узнать врага, и потому он отправил на восток несколько посольств, одним из которых руководил Плано Карпини. Монах должен был проехать через земли, опустошённые монгольским нашествием, добраться до ставки великого хана и попытаться обратить монголов в христианство или, по крайней мере, заключить с ними союз против мусульман. Никто не знал, вернётся ли он живым, и потому

его путешествие было не просто дипломатической миссией, а настоящим духовным подвигом, который требовал мужества, смирения и глубокой веры в то, что небо не оставит его.

Плано Карпини выехал из Лиона в апреле 1245 года и направился на восток через Германию, Польшу и Киевскую Русь, которая к тому времени уже лежала в развалинах после монгольского нашествия. Он ехал на лошадях и на телегах, переправлялся через реки, которые весной разливались так широко, что казались морями, ночевал в юртах и в шатрах, терпел холод, голод и усталость, и всё это время он наблюдал, запоминал и записывал то, что видел. Его путь лежал через степи Причерноморья и Поволжья, где когда-то кочевали скифы и сарматы, а теперь господствовали монгольские тумены, и он видел то, что было скрыто от глаз европейцев: огромные пространства, покрытые ковылём, стада лошадей, которые паслись на необъятных пастбищах, всадников, которые скакали по горизонту, и юрты, которые стояли посреди степи как маленькие острова в океане травы.

Он добрался до ставки Бату-хана на Волге, а затем был отправлен дальше, в Монголию, в ставку великого хана Гуюка, который только что был избран на курултае после смерти Угедея. Путь от Волги до Монголии занял несколько месяцев, и за это время Плано Карпини увидел столько, сколько не видел ни один европеец до него. Он видел, как монголы кочуют, как они охотятся, как они воюют, как они едят, как они молятся, как они хоронят своих умерших. Он видел их

обычаи, которые казались ему странными и даже отталкивающими, но которые он описывал с уважением и вниманием, потому что понимал, что имеет дело с народом, который создал империю, равной которой не было в истории. Он видел их веру, которая была не похожа ни на христианство, ни на ислам, ни на иудаизм, и которая тем не менее была верой, то есть способом объяснить мир и найти в нём своё место. Он видел их космологию, которая была не примитивной, а сложной и глубокой, и которая объясняла всё: и движение Солнца по небу, и смену времён года, и рождение человека, и его смерть, и то, что происходит после смерти.

Плано Карпини записывал всё, что видел и слышал, и его записи стали основой для его книги, которая была написана на латыни и впервые издана в 1247 году. Эта книга сразу же стала бестселлером, потому что все хотели знать, кто эти тартары, откуда они пришли, чего они хотят и можно ли их победить. Плано Карпини описывал монголов не как дикарей, а как народ, у которого есть своя история, своя культура, своя вера, своя космология. Он писал, что они поклоняются Солнцу, Луне, огню, воде и земле, что они верят в единого верховного бога, которого называют Тенгри, что они верят в бессмертие души и в то, что души умерших поднимаются на небо и становятся звёздами. Он писал, что они не принуждают никого менять веру, что они терпимы к другим религиям, что они уважают чужих богов и чужие обычаи. Он писал, что они живут в юртах, которые можно перевозить с места

на место, что они едят мясо и пьют кумыс, что они ездят на лошадях и стреляют из луков, что они не знают городов и не строят домов, что они не сеют хлеб и не выращивают овощи, что они живут только скотом и охотой.

Но самое важное, что сделал Плано Карпини, — это то, что он описал космологию монголов, их представления о небе, о звёздах, о планетах, о затмениях, о кометах, о том, как устроен мир и как он будет разрушен. Он писал, что монголы верят, что мир будет существовать вечно, но что он будет периодически разрушаться и возрождаться, что конец мира придёт, когда небо упадёт на землю, что перед концом мира появятся знамения на небе, что люди будут грешить и не будут каяться, что боги будут гневаться и пошлют на землю огонь и воду, что всё живое погибнет, а затем мир возродится вновь, и всё начнётся сначала. Он писал, что монголы верят в рай и ад, что в раю живут те, кто соблюдал законы неба, а в аду мучаются те, кто их нарушал, что рай находится на небе, а ад — под землёй, что души умерших идут либо в рай, либо в ад, в зависимости от того, как они жили на земле. Он писал, что монголы верят в переселение душ, что душа умершего может вернуться на землю в новом теле, что человек может родиться снова, чтобы продолжить своё духовное развитие, что смерть — это не конец, а переход в новое состояние, что жизнь — это школа, а смерть — это экзамен, и что от того, как ты сдашь этот экзамен, зависит твоё будущее.

Особый интерес для нас представляет пятая глава «Истории монголов», которая посвящена происхождению империи тартар и которая содержит ряд эпизодов, носящих, на первый взгляд, фантастический характер. Согласно сведениям, приведённым Плано Карпини, Чингисхан задумал план мировой экспансии и под страхом смертной казни запретил своим армиям возвращаться раньше установленного срока, а срок этот превышал восемнадцать лет. В силу этого приказа монгольские армии, покорив культурные народы, вынуждены были продолжать походы, пересекая границы мифических пространств, где они сталкивались с монстрами и чудесными народами — асимметричными людьми, воинами-псами, защищающими остров женщин, человеческими существами на негнущихся ногах. Они вторгались в Малую Индию, заселённую чёрными эфиопами, и в царство пресвитера Иоанна, легендарного правителя Великой Индии. Сам Чингисхан направлялся к мифическому Центру мира — Каспийским горам, чья магнитная сила лишала его армию оружия и железных доспехов, а когда он достиг восточного края земли, большая часть его воинов погибла от шума восходящего Солнца. Смерть Чингисхана от удара грома и пророчество о грядущей гибели империи завершают этот удивительный рассказ.

Современные исследователи, в частности Александр Юрченко, автор работы «Империя и космос. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингисхана», пола-

гают, что эти фантастические эпизоды не являются вымыслом самого Плано Карпини и не представляют собой простое искажение реальных событий. Согласно его гипотезе, эти сюжеты составляют отдельный текст, который был создан неизвестным монгольским автором из образованной элиты империи и записан братом Бенедиктом, служившим переводчиком при папской миссии. Этот текст представляет собой тонкую риторическую игру, которая опирается на официальные символы монгольской политической традиции и богатую литературу средневекового Востока, чтобы подорвать официальную мифологию Монгольской империи. Если эта гипотеза верна, то «История монголов» Плано Карпини содержит не только описание того, что видел сам монах, но и следы интеллектуальной жизни монгольского двора, которая, как выясняется, была гораздо более сложной и изощрённой, чем это представлялось ранее.

Эта гипотеза, какой бы смелой она ни казалась, находит подтверждение в том, что многие из описанных Плано Карпини чудес — асимметричные люди, воины-псы, люди на негнущихся ногах — встречаются в персидских и арабских космографиях, а также в средневековых европейских энциклопедиях, которые, в свою очередь, восходят к античным источникам. Это означает, что монгольский автор, если он действительно существовал, не просто выдумывал небылицы, а использовал хорошо известные в его время литературные и космологические топосы, чтобы создать текст, кото-

рый был понятен образованным читателям и который мог быть интерпретирован на разных уровнях. Для одних это было описание реальных походов, для других — аллегория, для третьих — сатира на имперскую идеологию, для четвёртых — философское размышление о пределах человеческого познания и о том, что находится за границами известного мира.

Как бы то ни было, «История монголов» Плано Карпини остаётся одним из важнейших источников по истории и космологии Великой Тартарии, и её значение выходит далеко за пределы простого описания обычаев и верований монголов. Эта книга стала первым мостом между Европой и Азией, первым шагом на пути к пониманию того, что мир не ограничивается Европой, что за её пределами есть другие миры, другие народы, другие космологии. Она показала европейцам, что небо — это не только европейское небо, но и небо монголов, и небо китайцев, и небо персов, и небо всех народов мира. Она открыла для Европы Тартарию — не как географическую область, а как космологическую реальность, как мир, в котором небо играет центральную роль, как пространство, где человек и космос находятся в постоянном диалоге.

Влияние этой книги на европейскую мысль было огромным и многогранным. Она стала источником для картографов, которые наносили на свои карты названия народов и городов, упомянутых Плано Карпини, для миссионеров, которые отправлялись в Тартарию, чтобы обратить монголов в

христианство, для купцов, которые ехали в Тартарию, чтобы торговать с монголами, для учёных, которые пытались понять, что такое Тартария и что она значит для мира. Она стала источником для всех тех, кто пытался понять, что такое Восток и что такое Запад, что такое небо и что такое земля, что такое жизнь и что такое смерть. И она стала источником для нас, потому что именно из неё мы узнаём, как выглядела Тартария в глазах первого европейца, который её увидел и который записал то, что увидел, с добросовестностью, которой могут позавидовать многие современные исследователи.

Плано Карпини умер в 1252 году, но его книга пережила своего создателя и продолжает жить в новых изданиях, переводах и исследованиях. В 1911 году в России был опубликован перевод «Истории монголов» на русский язык, выполненный А. И. Малеиным, и этот перевод до сих пор остаётся одним из самых авторитетных. В 2022 году вышло новое издание книги Плано Карпини с текстологическими комментариями, которые освещают различные аспекты центрально-азиатской цивилизации XIII века, с которыми довелось соприкоснуться францисканской миссии. Сегодня, когда интерес к Тартарии и к её космологии продолжает расти, «История монголов» Плано Карпини остаётся тем фундаментом, на котором строятся все дальнейшие исследования, и тем окном, через которое можно увидеть мир, который давно исчез, но который продолжает жить в памяти народов и в страницах старинных фолиантов.

В этой книге, написанной человеком, который не был ни учёным, ни географом, ни астрономом, но который был внимательным наблюдателем и добросовестным свидетелем, мы находим не только описание того, что видел сам автор, но и отражение того, как тартары видели мир. Мы находим их представления о небе и земле, о Солнце и Луне, о звёздах и планетах, о жизни и смерти, о рае и аде, о возрождении и вечности. Мы находим их космологию, которая, хотя и была облечена в формы, непривычные для европейского уха, оказывается глубоко продуманной и последовательной системой, объясняющей мир и дающей человеку ориентиры. Мы находим Тартарию — не как землю на карте, а как небо, которое простирается над всеми, кто живёт под ним, и которое объединяет всех, кто смотрит вверх и видит звёзды.

Глава 32. Жуан Рибейру и Мартино Мартини: португальское и итальянское свидетельства

Пока францисканцы и доминиканцы, отправленные папским престолом, пробирались в сердце монгольских степей, а голландские купцы и картографы собирали сведения о северных пределах Азии, на другом конце Европы, в Лиссабоне и Риме, зрела иная традиция описания Тартарии, связанная с именами португальских и итальянских миссионеров, чьи наблюдения нередко оказывались точнее и глубже, чем у их северных коллег, потому что они шли путями, которые вели не только через степи, но и через города, порты и торговые фактории, где встречались самые разные народы и где можно было услышать рассказы о небе, которое простирается над всем миром. Среди этих свидетельств особое место занимают записи Мартино Мартини, итальянского иезуита, чья жизнь была не менее удивительной, чем жизнь любого из тех путешественников, о которых говорилось в предыдущих главах, и чьи труды, изданные в середине семнадцатого века, стали для европейского читателя тем же, чем были для него книги Плано Карпини и Марко Поло, — окном в мир, который лежал за горизонтом привычного и который манил к себе своей загадочностью, своим богатством и своей кос-

мологией.

Мартино Мартини родился в 1614 году в Тренто, городе, который тогда принадлежал Священной Римской империи, а ныне является частью Италии, и уже в юном возрасте вступил в Общество Иисуса, где получил блестящее образование, включавшее не только богословие, но и математику, астрономию, географию и языки, что впоследствии позволило ему стать не просто миссионером, а учёным, чьи наблюдения и описания не потеряли своей ценности и спустя столетия. В 1642 году он отправился в Китай, где провёл несколько лет, изучая язык, культуру и историю этой страны, и именно там он стал свидетелем одного из самых драматических событий семнадцатого века — завоевания Китая маньчжурами, которых европейцы того времени называли тартарами, и эта случайность, если её можно назвать случайностью, определила его судьбу как писателя и историка, потому что он оказался в нужное время в нужном месте, чтобы увидеть падение династии Мин и установление власти новой династии Цин, которую он и его современники воспринимали как торжество тартарской силы, пришедшей с севера.

В 1654 году Мартини опубликовал в Риме свою книгу «De bello Tartarico historia», что переводится с латыни как «История тартарской войны», и эта книга, написанная на основе личных наблюдений и свидетельств очевидцев, стала первым подробным описанием маньчжурского завоевания Китая, которое европейцы смогли прочитать, и она сразу же

привлекла к себе огромное внимание, потому что все хотели знать, как небольшой народ, живущий в лесах и степях к северу от Великой стены, сумел покорить огромную империю с тысячелетней историей, и Мартини отвечал на этот вопрос не только фактами, но и размышлениями о природе тартарского характера, о их обычаях, о их религии, о их представлениях о мире и о небе, и эти размышления делают его книгу не просто хроникой, а настоящим источником по космологии Великой Тартарии.

Мартини описывал тартар не как дикарей, лишённых всякой культуры, а как народ, у которого есть своя дисциплина, своя организация и своя вера, и он отмечал, что в обычаях и манерах они напоминают европейских тартар, но при этом не так варварски, как те, и это замечание, сделанное свидетелем, который видел тартар вблизи, опровергает многие стереотипы, которые были распространены в Европе того времени, и показывает, что тартары, будь то маньчжуры, монголы или тюрки, были не просто завоевателями, а носителями сложной культуры, которая включала в себя и космологические представления, уходящие корнями в глубокую древность. Он описывал, как тартары поклоняются небу, как они верят в единое верховное существо, которое управляет миром, как они приносят жертвы духам предков и как они читают знаки на небе, чтобы предсказать будущее, и эти описания, хотя и были сделаны с позиции европейца и христианина, всё же фиксировали реальные черты тартарской кос-

мологии, которые позже были подтверждены другими исследователями.

Особое внимание Мартини уделял астрономическим знаниям тартар, и здесь он проявил себя не только как миссионер, но и как учёный, потому что он понимал, что небо, которое тартары видят над собой, — это то же небо, которое видят европейцы, но интерпретируют они его по-разному, и это различие интерпретаций было для него ключом к пониманию их души. Он писал о том, что тартары знают движение Солнца и Луны, что они умеют предсказывать затмения, что они различают планеты и звёзды, и что они верят, будто звёзды — это души умерших, которые поднялись на небо и стали светить для живых, и эта вера, которую он зафиксировал, совпадает с тем, что писали о тартарах другие авторы, и она является одним из самых устойчивых элементов тартарской космологии, который сохранился у многих народов Сибири и Центральной Азии вплоть до наших дней.

Книга Мартини «De bello Tartarico historia» была переведена на несколько европейских языков, включая французский, немецкий, голландский и английский, и она стала одним из главных источников информации о Тартарии для европейского читателя середины семнадцатого века, и её влияние было настолько велико, что даже такой авторитетный географ, как Николаас Витсен, использовал её при подготовке своего труда о Северной и Восточной Тартарии, и это показывает, что знания о Тартарии накапливались не в одной

стране и не одним автором, а были результатом коллективных усилий многих людей, которые шли разными путями, но приходили к одному и тому же выводу: Тартария — это не просто географическая область, а мир, в котором небо играет центральную роль и в котором человек и космос находятся в постоянном диалоге.

Однако Мартини не ограничился описанием тартарской войны. В 1655 году он опубликовал «Novus Atlas Sinensis» — «Новый атлас Китая», который содержал не только карты и описания китайских провинций, но и обширные сведения о народах, населяющих земли к северу и западу от Китая, и в этом атласе он снова возвращался к теме тартар, описывая их обычаи, их религию и их космологию, и эти описания, хотя и были более краткими, чем в книге о войне, всё же содержали важные детали, которые дополняли общую картину. Он описывал, как тартары почитают небо и землю, как они приносят жертвы в определённые дни года, как они советуются с шаманами и ламами, как они верят в переселение душ и в то, что мир будет существовать вечно, но будет периодически разрушаться и возрождаться, и эти сведения, собранные иезуитом, который провёл годы в Китае и общался с самыми разными людьми, имеют особую ценность, потому что они были получены из первых рук и не искажены позднейшими интерпретациями.

Португальская традиция описания Тартарии, к которой относится и имя Жуана Рибейру, было бы несправедливо

обойти вниманием, хотя сведения об этом авторе и его трудах гораздо более скудны, чем о Мартини, и это неудивительно, потому что Португалия в семнадцатом веке уже утратила своё былое могущество на Востоке, и её миссионеры и купцы действовали в тени более удачливых конкурентов из Голландии и Англии, но их вклад в изучение Тартарии не был ничтожным, и он заслуживает хотя бы краткого упоминания, потому что именно португальцы были первыми европейцами, которые достигли Китая морем и которые начали собирать сведения о народах, живущих к северу от Великой стены, и эти сведения, передаваемые из уст в уста, из письма в письмо, постепенно накапливались и в конце концов становились частью того общего знания о Тартарии, которым располагала Европа к концу семнадцатого века.

Жуан Рибейру, чья жизнь и труды окутаны туманом неизвестности, упоминается в некоторых источниках как автор, который писал о Тартарии и о Китае, и хотя мы не располагаем точными сведениями о том, что именно он написал и когда, само его имя в контексте португальской традиции описания Востока указывает на то, что интерес к Тартарии не был монополией одной нации или одного ордена, а был общим делом европейской цивилизации, которая, осваивая мир, стремилась понять не только его географию, но и его космологию, и в этом стремлении португальцы, итальянцы, голландцы, немцы и французы действовали сообща, дополняя друг друга и создавая то коллективное знание, которое

мы сегодня называем европейской наукой о Востоке.

Свидетельства Мартини и других иезуитов, работавших в Китае и в сопредельных странах, имеют для нас особую ценность ещё и потому, что они были людьми образованными, знакомыми с астрономией и математикой, и потому они могли не только фиксировать внешние проявления тартарской космологии, но и анализировать её, сравнивая с тем, что знали сами, и это сравнение не всегда было в пользу европейской науки, потому что тартарские астрономы, как выяснилось, умели предсказывать затмения с точностью, которая удивляла европейцев, и они знали о движении планет то, что европейцы узнали лишь столетия спустя, и это означает, что космология Великой Тартарии была не просто набором мифов и суеверий, а системой знаний, которая включала в себя и практическую астрономию, и теоретические представления о строении вселенной, и эти представления, хотя и отличались от европейских, были не менее сложными и не менее последовательными.

Мартини умер в 1661 году в Ханчжоу, в Китае, так и не вернувшись в Европу, но его труды пережили своего создателя и продолжали издаваться и читаться на протяжении всего восемнадцатого века, и когда Уильям Гатри, шотландский географ и историк, работал над своей «Новой географической, исторической и коммерческой грамматикой», впервые опубликованной в 1770 году и многократно переиздававшейся вплоть до конца столетия, он, несомненно, был зна-

ком с работами Мартини, как был он знаком и с трудами Плано Карпини, и с книгой Витсена, и со многими другими источниками, которые к тому времени накопились в европейских библиотеках, и это означает, что знание о Тартарии, которое мы находим у Гатри, было не результатом озарения одного автора, а итогом столетий коллективных усилий, в которых участвовали десятки путешественников, миссионеров, купцов и учёных, каждый из которых внёс свою лепту в понимание того мира, который лежал за горизонтом и который манил к себе своей загадочностью. Гатри умер в 1770 году, в год выхода своего главного труда, но его книга продолжала жить и после его смерти, переиздаваясь десятки раз и оставаясь одним из самых читаемых географических сочинений восемнадцатого века, и в этих переизданиях, подготовленных другими авторами и издателями, сохранялись и развивались те сведения о Тартарии, которые были собраны ещё Мартини и его предшественниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.